

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Филологический факультет

КОЛЯСЕВА АЛЕНА ФЕДОРОВНА

**ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЫДЕННОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Москва 2014

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: СТРУКТУРА И ТИПЫ.....	27
1.1. Языковое сознание: история вопроса.....	29
1.2. Структура языкового сознания: поверхностный и глубинный уровни.....	47
1.3. Метаязыковое сознание и его виды.....	54
ГЛАВА 2. ОБЫДЕННОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ.....	66
2.1. Обыденное и профессиональное языковое сознание в контексте изучения обыденного и теоретического познания.....	66
2.2. Обыденное и профессиональное языковое сознание в контексте проблем антропоцентрической лингвистики.....	71
2.3. Сопоставление обыденного и профессионального языкового сознания на глубинном и поверхностном уровнях.....	80
ГЛАВА 3. ТЕРМИНОЛОГИЯ В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ.....	96
3.1. Терминология и языковое сознание.....	96
3.2. Специфика современной терминологической ситуации.....	111
ГЛАВА 4. СОПОСТАВЛЕНИЕ ОБЫДЕННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В РАЗНЫХ СФЕРАХ: ПОВЕРХНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ.....	136
4.1. Профессиональное и обыденное метаязыковое сознание на примере использования терминов <i>терминология</i> и <i>номенклатура</i> ...	137
4.2. Взаимодействие обыденного и профессионального метаязыкового сознания при разработке терминосистем (на примере компьютерной терминологии).....	163

ГЛАВА 5. ОБЫДЕННОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СФЕРАХ: ГЛУБИННЫЙ УРОВЕНЬ.....	190
5.1. Медицинская сфера (на примере лексемы <i>мигрень</i>).....	226
5.2. Сфера компьютера и Интернета в русском языковом сознании (на примере глаголов компьютерного интерфейса).....	243
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	265
ЛИТЕРАТУРА.....	272
Приложение 1.....	300
Приложение 2.....	308

ВВЕДЕНИЕ

Язык антропоцентричен по своей сущности и в соответствии с этим должен изучаться – такова установка современной лингвистической мысли, поэтому все языковые факты она стремится исследовать с позиции человека, порождающего текст или этот текст воспринимающего. Активно исследуется человеческий фактор в языке, развиваются лингвистические дисциплины, фокусирующиеся на роли этого фактора в устройстве системы языка и в его функционировании (психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др.). С этой целью создаются и применяются особые лингвистические концепции – «языковая личность», «языковое сознание», «языковая картина мира», являющиеся абстрактными ментальными конструктами, не отражающими конкретные материальные феномены, но позволяющими создавать научные модели для описания языковой способности и языковой деятельности человека. В задачи лингвистики на современном этапе входит непротиворечивая организация этих концепций таким образом, чтобы их можно было продуктивно использовать для анализа языкового материала, и рассмотрение традиционных лингвистических объектов под антропоцентрическим углом зрения.

В то же время перспективной и социально значимой областью лингвистического исследования является терминоведение. XX – XXI столетия отличает интенсивное развитие науки и техники, обуславливающее как появление новых терминосистем с возникновением новых отраслей знания, так и существенные изменения в уже существующих терминосистемах в результате адаптации отечественной наукой новых моделей и теорий. Терминология, таким образом, является активно развивающимся пластом лексики национального языка – пластом, качество которого может непосредственно влиять на рост научного знания, техническое, социальное и экономическое развитие общества (проблемы в терминологии, такие как, например, отсутствие общепринятого термина, затрудняют коммуникацию между специалистами и

осложняют обучение), поэтому изучение терминологии имеет не только теоретическую значимость для лингвиста (безусловно, интересно рассмотрение термина как единицы языка, его специфических свойств и отличий от общеупотребительных лексических единиц и т.д.), но и практическое – в плане нормализации и упорядочения терминологий конкретных сфер знания.

Хотя терминоведение и является сравнительно молодой областью изучения (начало терминоведения как науки связывают с 30-ми гг. XX в. и трудами австрийского ученого О. Вюстера и советского инженера Д.С. Лотте), уже можно говорить о сложившихся национальных школах терминоведения. Отечественное терминоведение представляет собой значимое лингвистическое направление и накопило обширный опыт как в области теоретического, так и прикладного аспектов (см. работы Д.С. Лотте, Э.К. Дрезена, А.А. Реформатского, Г.О. Винокура, Л.А. Капанадзе, А.В. Суперанской, Э.Ф. Скороходько, Л.Л. Кутиной, Т.Л. Канделаки, П.В. Веселова, А.И. Моисеева, С.Д. Шелова, В.М. Лейчика, С.В. Гринева-Гриневица, Г.П. Мельникова, В.А. Татарина, Ю.Н. Марчука, В.П. Даниленко, В.Н. Прохоровой, О.С. Ахмановой, Б.Н. Головина, К.Я. Авербуха, А.Д. Хаютина и др. терминологов). На рубеже столетий исследователи (С.В. Гринев-Гриневиц, В.М. Лейчик, Е.И. Голованова, В.Ф. Новодранова и др.) стали говорить о формировании нового направления (этапа) в терминоведении – когнитивного, которое, согласно С.Г. Гриневу-Гриневицу, встало на более прочную почву благодаря смещению интересов в когнитивном языкознании «к анализу лингвокультурологических факторов восприятия представлений (концептов) и национальных картин мира, имеющих психологическую основу (так, как это отчасти произошло в моделировании знаний в рамках проблемы искусственного интеллекта)» [Гринев-Гриневиц 2008; 288].

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики, с одной стороны, и интерес к терминоведческим проблемам, с другой стороны, определили содержание настоящей работы.

В работе предпринята попытка описать специальную терминологию, смежные с ней языковые явления и терминологическую деятельность с позиций языкового сознания. Следует подчеркнуть, что в рамках данного исследования мы не рассматриваем *сознание* с точки зрения психологии или философии, где определение сущности сознания и его функционирования является отдельной научной проблемой, ср., например, определение сознания, данное в «Кратком словаре когнитивных терминов»: «Сознание – особое свойство такой высокоорганизованной материи как мозг; отличительная характеристика человека как разумного существа, способного не только чувствовать и рассуждать, но и говорить об этих мыслях и ощущениях; способность переживать и сознавать окружающую действительность, воспринимать ее, останавливать внимание на определенных объектах внешнего и внутреннего мира, возможность контролировать поступление информации и оперировать ею в ходе мыслительной и вербальной деятельности, наконец, способность знать что-то и т.п.» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996; 175]. Говоря о *сознании* в настоящей работе, мы понимаем *сознание* как «идеальное пространство, в котором хранятся знания и представления носителей определенной культуры о сложных явлениях внеязыковой действительности» [Чернейко 2009; 171 - 172], – в том значении, которое полезно для исследования языковых фактов, т.е. мы говорим о *языковом сознании* как о лингвистическом конструкте. Именно так, по нашим наблюдениям, используется этот термин в отечественной лингвистике (если не брать в расчет чисто психолингвистические или нейролингвистические работы – отдельную область исследования с собственными методами).

Нами была разработана модель языкового сознания, предоставляющая широкие методологические возможности для системного изучения языкового материала. Указанная модель не является единственной – о многоуровневости структуры языкового сознания писали А. Вежбицкая, С.Е. Никитина, М.Р. Шумарина, Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, А.Н. Ростова. Однако в

организации нашей модели в качестве ключевого критерия принята профессиональная квалификация говорящего, что является новым для лингвистики.

Особенностью **профессионального языкового сознания** мы считаем владение его субъекта **терминосистемой** – упорядоченной системой терминов, с одной стороны отражающей логические связи и отношения между соответствующими понятиями конкретной сферы знания (являясь их ментальной репрезентацией) - *логос*, с другой - являющейся частью лексического запаса национального языка в силу языкового выражения терминов, а именно представляя особый пласт искусственно формируемой лексики, функционирующей в профессиональной коммуникации - *лексис*.

Известно, что «в лингвистике точка зрения создает объект» [Соссюр 1977: 46], однако, в какой бы концепции лингвисты ни объясняли язык, он остается достоянием Homo Sapiens: языком пользуются все – и практически все о нем рефлексируют в той или иной форме. В этом отношении пользователи языка также делятся на две большие группы: те, кто осуществляет такую рефлексию профессионально (лингвисты)¹, и те, кто делает это непрофессионально (наивные пользователи языка). С этим связан один из аспектов рассмотрения терминологии в настоящей работе – анализ рассуждений, лингвистов и нелингвистов о терминологии и о том, какой она должна быть. При этом следует иметь в виду, что, хотя профессиональная лингвистика и рассматривается как высшая форма теоретического осмысления языка (согласно разработанной нами схеме – с. 64, высшим уровнем теоретической систематизированности поверхностного уровня языкового сознания), доля этого сектора крайне невелика по сравнению со всеми остальными пользователями языка, объединяемыми в настоящей работе как обладатели теоретически несистематизированного типа метаязыкового сознания. Нелингвисты, однако, являются профессионалами в своей сфере, что

¹ Ср.: «Постоянная языковая рефлексия составляет существо профессиональной деятельности лингвиста» [Шмелева 1999; 109].

также влияет на их язык и восприятие мира через язык и должно быть принято во внимание в процессе анализа языкового материала.

Актуальность темы исследования обусловлена тремя факторами:

1. Развитие антропоцентрического подхода в лингвистике, необходимость антропоцентрического переосмысления традиционных лингвистических объектов, продуктивного для объяснения функционирования языка в общей и специальной коммуникации, а также соотношения языка и мышления;

2. Динамичность и новые особенности терминологической ситуации в ряде важных для развития современного общества сфер, в том числе наличие разнообразных субъектов терминотворчества и терминопользования;

3. Отсутствие терминологической и концептуальной ясности в трактовке понятия *языковое сознание* и в выделении типов языкового сознания на уровне, релевантном для объяснения конкретных языковых фактов.

Объектом исследования являются термины некоторых областей знания (в частности, медицинской, компьютерной, экономической) и соответствующие им единицы быденного (непрофессионального) языка, а также метаязыковые высказывания носителей языка («показания метаязыкового сознания» – термин А.Н. Ростовской) относительно терминологии той или иной сферы. Методологический подход, положенный в основу диссертационного исследования (сопоставление быденных и профессиональных представлений) обусловил **выбор профессиональных сфер, откуда привлекались термины к анализу**: они должны иметь выход на «массового потребителя», т.е. явления внеязыковой действительности, к которым отсылают разбираемые термины, должны быть актуальны для неспециалистов в этой области. Иными словами, нас не интересовали термины атомной физики или молекулярной биологии, поскольку предметно-логическое содержание этих областей не доступно для осмысления «профаном» и не востребовано «наивными» носителями языка в повседневной практике. Соответственно языковой материал был подобран из

специальных сфер, в которых активно осуществляется общение не только среди профессионалов, но и между профессионалами и «профанами»:

- 1) *медицинской;*
- 2) *компьютерной;*
- 3) *финансово-экономической.*

В задачи настоящего исследования не входило полное комплексное описание терминосистемы или шире – лексики – той или иной конкретной области знания (такие работы в современной русистике многочисленны, см., например, [Авакова 2006], [Алиева 2011], [Голиков 2008], [Горбань 2008], [Данькова 2010], [Евстифеева 2007], [Захарова 2012], [Иванова 2008], [Маслова 2007], [Николаева 2006], [Озингин 2010], [Попов 2003], [Русакова 2007], [Смирнова 2012], [Софронова 2013], [Топорская 1997], [Телятникова 2007], [Титова 2007], [Усатый 2009], [Чернышова 2011], [Хайбулина 2012] и др. работы, посвященные исследованию отдельных терминологий). В рамках данного исследования термины интересуют нас как отражение профессионального языкового сознания в противоположность обыденным представлениям, отраженным в языке, а также как объект метаязыковой рефлексии, поэтому в соответствии с общей целью работы анализировались отдельные термины из разных областей и не предпринималось систематическое исследование какой-то отдельной терминосистемы.

Предметом диссертационного исследования является соотношение разных типов языкового сознания в области терминологической лексики (терминологии) и смежных с ней языковых явлений. Под **терминологией** понимается «совокупность терминов, используемых в определенной области знания» [Гринев-Гриневиц 2008; 9]. **Термин** при этом определяется как слово или словосочетание специального языка, принимаемое для «точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 1966; 474]. В круг **смежных явлений** включается лексика общеупотребительного

языка, омонимичная термину той или иной области науки (деятельности) или (по другим трактовкам) находящаяся с ним в отношениях полисемии.

Языковое сознание – понятие, широко используемое в современной лингвистической литературе, но все еще недостаточно изученное и определенное. В настоящей работе языковое сознание рассматривается в зависимости от профессиональной принадлежности его носителей на основании предположения о том, что теоретическая подготовка в той или иной области, владение терминологией в строгом смысле этого слова, включение ее в терминосистему влияет на восприятие мира и языка человеком, а значит, определенным образом организует его языковое сознание. В то же время лексемы, омонимичные терминам или находящиеся с ним в отношениях полисемии, функционируют и в общеупотребительном языке, отражая обыденный взгляд на ту же внеязыковую действительность, но представляя ее иначе. Терминология, таким образом, рассматривается в работе как отражение профессионального языкового сознания и сопоставляется с соответствующими участками обыденного языкового сознания.

Цель диссертационной работы – разработать эффективную для лингвистического анализа функционирования терминов модель языкового сознания и установить, как различия между обыденным языковым сознанием и профессиональным языковым сознанием, формируемым профессиональной принадлежностью носителей языка, проявляются в использовании и оценке терминов и омонимичных или полисемичных им нетерминологических лексем.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) на основе имеющейся научной литературы и языкового материала (терминологическая и нетерминологическая лексика) определить понятие языкового сознания, установить структуру языкового сознания, выявить его типы и их соотношение;

2) рассмотреть особенности профессионального и обыденного знания и соответствующих типов языкового сознания;

3) выявить и продемонстрировать возможности исследования терминологии в рамках изучения языкового сознания;

4) дать объяснение современной терминологической ситуации в некоторых сферах на основе исследования языковых фактов, а также анализа метаязыковых (метатерминологических) «показаний» (термин А.Н. Ростовской) специалистов этих сфер;

5) изучить на примере конкретных лексических единиц (терминологических и омонимичных им нетерминологических) соотношение быденного и профессионального языкового сознания, в том числе быденного и профессионального метаязыкового сознания.

Научная новизна исследования состоит в комплексном описании структуры языкового сознания, его типов, а также синтезе двух областей лингвистического исследования, до сих пор выступавших как независимые: терминология и языковое сознание (терминология рассматривается через призму языкового сознания).

Материалом исследования послужили тексты, относимые нами к профессиональному дискурсу той или иной сферы: специализированные энциклопедические словари, научные статьи, Международная классификация головных болей (2003), комментарии на профессиональных форумах (форум брокеров (www.procapital.ru), форумы и блоги для специалистов в компьютерной сфере на сайте Хабрахабр (www.habrahabr.ru)), а также материалы заседаний Терминологического комитета при Национальной лиге переводчиков. С другой стороны, анализировались тексты, набранные с помощью Национального корпуса русского языка и поисковой системы Yandex.ru и отобранные нами вручную как не относящиеся к профессиональному дискурсу.

Теоретической базой исследования послужили как классические работы по терминоведению (труды А.А. Реформатского, Г.О. Винокура, Д.С. Лотте, А.В. Суперанской, Т.Л. Канделаки, Р.Е. Березниковой, С.Д. Шелова,

В.М. Лейчика, С.В. Гринева-Гриневича, Г.П. Мельникова, В.А. Татарина, Ю.Н. Марчука, К.Я. Авербуха и др.), так и работы, посвященные изучению языкового и метаязыкового сознания, а также языковой картины мира (Т.Н. Ушаковой, А.О. Корнилова, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, И.А. Стернина, А. Вежбицкой, А.Н. Ростовской, Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой, С.Е. Никитиной, И.Т. Вепревой, М.Р. Шумариной, Ю.Д. Апресяна, А.Д. Шмелева, Н.Д. Арутюновой, Дж. Лакоффа и М. Джонсона и др.).

Теоретическая значимость исследования обусловлена вкладом в теорию языкового сознания и терминоведение. В результате исследования построена оригинальная схема структуры языкового сознания, эффективная для лингвистического анализа функционирования терминов, изучены особенности вербализации научной и наивной картин мира посредством терминологической и нетерминологической лексики, а также предложено решение дискуссионного теоретического вопроса о соотношении терминологии и номенклатуры.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения в лекционных и практических курсах по русскому языку, культуре речи для филологов и нефилологов, лингвокультурологии, терминоведению, спецкурсах по теории и практике профессиональной коммуникации. Практическая значимость заключается также в прояснении терминологической ситуации некоторых областей знания и выявлении нужд пользователей терминологии, что может способствовать ее успешной нормализации. Сделанные наблюдения и полученные выводы могут использоваться на всех ступенях непрерывного лингвистического образования – от средней школы до повышения квалификации специалистов.

Положения, выносимые на защиту:

1) Разработанная на основе научной литературы и анализа языкового материала оригинальная **модель языкового сознания**, включающая такие **типы**, как **обыденный** (теоретически несистематизированный) и **профессиональный** (теоретически систематизированный), и такие **уровни**, как

глубинный и поверхностный, позволяет анализировать языковой материал с учетом профессиональной квалификации продуцировавшей его языковой личности, индивидуальной или коллективной. Схема позволяет рассматривать в этом ключе как тексты, отражающие глубинные, неосознаваемые процессы мышления в языке, восприятие внеязыковой действительности посредством языка, так и тексты, содержащие осознанные рассуждения о языке, вплоть до метаязыковой рефлексии высокого уровня теоретической систематизированности (профессиональная лингвистика).

2) Деление на профессиональный и обыденный типы не совпадает по уровням, так как они являются разноплановыми образованиями. В частности, предполагается, что профессиональный лингвист обладает профессиональным языковым сознанием на глубинном уровне (профессиональной надстройкой) и профессиональным метаязыковым сознанием, поскольку метаязыковая рефлексия является сферой его основной деятельности. С другой стороны, практикующий врач обладает профессиональным языковым сознанием на глубинном уровне, поскольку он владеет медицинской терминосистемой и, как предполагается, мыслит соответствующими понятиями, что позволяет ему общаться «на одном языке» с коллегами, однако его метаязыковое сознание должно быть признано обыденным, поскольку оно не является теоретически систематизированным (если он не имеет специальной лингвистической подготовки) и его метаязыковые высказывания будут отнесены к наивной лингвистике. Также в процессе осуществления коммуникации с пациентами, среди которых могут быть и лингвисты, врач в идеале должен осознавать, что они не обладают профессиональным медицинским сознанием и их познания в медицине являются обыденными, ненаучными, несмотря на то, что они также могут использовать слова, омонимичные/полисемичные терминам в строгом смысле слова, т.е. объем понятия об одном и том же заболевании у врача и пациента может не совпадать.

3) В соответствии с изложенным в п. 2 представляется невозможным говорить о границах между терминологической и нетерминологической лексикой в языке без учета характеристики говорящего в соответствии с предлагаемой моделью. Отнесение лексической единицы к термину или слову обыденного языка производится в зависимости от профессиональной принадлежности говорящего и его коммуникативных намерений. Иными словами, речь идет не просто об омонимии или полисемии терминов и нетерминов. Говорить о том, является ли *мигрень* термином, имеет смысл, только если мы прибавим – для кого, в каком типе дискурса, то есть встанем на антропоцентрическую позицию.

4) Терминология различных профессиональных сфер служит материалом для изучения языкового сознания в следующих аспектах:

во-первых, терминология той или иной сферы является важнейшим средством изучения профессионального языкового сознания как отражения национальной научной картины мира (в ее профессиональном срезе) и может быть в этом ключе сопоставлена с соответствующими участками обыденного языкового сознания. Также может быть рассмотрено взаимодействие различных типов языкового сознания в процессе осуществления профессиональной деятельности (например, коммуникация практикующего врача с пациентом);

во-вторых, терминология создает почву для исследования языкового сознания как объект обыденной и профессиональной метаязыковой рефлексии, провоцируемой нестабильной терминологической ситуацией, сложившейся в некоторых отраслях современной российской науки;

в-третьих, в аспекте терминологической деятельности терминология является результатом взаимодействия качественно разных типов языкового сознания (профессионального языкового, обыденного и профессионального металингвистического), что также может быть предметом лингвистического анализа.

5) В плане терминологической деятельности большую роль играет анализ метаязыковых высказываний специалистов в конкретных профессиональных сферах. Нестабильная терминологическая ситуация провоцирует метаязыковую рефлексию наивных носителей языка (но специалистов в своей области) по поводу профессиональной терминологии. В настоящее время возможности для открытых дискуссий такого рода предоставляет интернет. Сопоставление этих высказываний с научной лингвистической литературой позволяет установить общность и различия а) между требованиями к термину и методикой разработки терминологии у носителей обыденного и профессионального метаязыкового типа сознания; б) между терминоведческими идеалами и терминологической реальностью. Кроме того, активность пользователей терминологии в ее обсуждении:

- 1) свидетельствует о реальном существовании проблемы;
- 2) проясняет насущные нужды тех, для кого данная терминология создаётся;
- 3) как следствие, ориентирует профессиональных терминологов, т.к. учёт требований к термину специалистов конкретной области знания помогает создать более удачный вариант, способный к внедрению.

б) Разграничение *терминологии* и *номенклатуры* релевантно для профессионального метаязыкового сознания, о чем свидетельствует повышенный интерес отечественного терминоведения к решению этого дискуссионного вопроса. Для обыденного метаязыкового сознания эта проблема неактуальна: нелингвисты даже в специальных текстах, как правило, пользуются этими общенаучными терминами в общеязыковом значении, зафиксированном в толковых словарях и употребляют их как взаимозаменяемые эквиваленты либо в виде линейной последовательности.

7) Отношение лингвистов-терминологов к разграничению терминов и номенов неоднозначно, в связи с чем представляется рациональным разграничивать *номенклатуру* и *терминологию* исключительно в тех случаях,

когда того требуют конкретные задачи лингвистического исследования или практической работы. Это может быть типологическое исследование, направленное на выявление специфических свойств разновидностей специальной лексики, или лексикографическая работа, когда необходимо ограничить материал и свести его к наиболее существенным понятиям-терминам. В этих случаях разграничение терминов, номенов и других единиц становится ключевым. Если же рассматриваются общие особенности терминологической деятельности без акцента на конкретные средства терминообразования (приставки, суффиксы, компрессия и т.п.), целесообразно не заниматься разграничением терминов и номенов, а считать номены разновидностью термина в широком смысле (основываясь на положениях Г.П. Мельникова и некоторых других терминологов о «единственности» терминологической деятельности), а различия между термином и номеном признать несущественными для решения конкретных задач. Создание номенклатуры предлагается признать вторичным по отношению к собственно терминотворчеству, и в соответствии с этим следует допустить, что принципы создания терминологий и номенклатур однотипны, и стремление к их строгому разграничению может только затруднить ход специального исследования.

8) Изучение функционирования консубстанциональных единиц (термина и соответствующего слова обыденного языка, обладающих одинаковым языковым выражением) демонстрирует несовпадение в содержании по объему обозначаемых ими понятий (расширение значения слова в обыденном языковом сознании по сравнению с профессиональным), вступление в разные парадигматические и синтагматические отношения с другими лексическими единицами, а также наличие коннотаций в обыденном языковом сознании и возможность переносного употребления слова в непрофессиональном дискурсе. Иллюстрацией этого служит медицинская сфера, так как медицинская терминология, несмотря на значительное количество узкоспециальных терминов, не понятных рядовому носителю русского языка (обыденному

языковому сознанию), содержит большое число номинаций, которые соотносятся с лексическими единицами быденного языка, отраженными в толковых словарях.

9) Специальная лексика компьютерного интерфейса находится на пересечении быденного и профессионального языкового сознания и формирует видение компьютера и интернета как специалистами, так и неискушенными пользователями. Для непрофессиональных пользователей компьютерный интерфейс является данностью, они воспринимают предлагаемые им термины, но вместе с ними воспринимают и определенные метафоры, которые в их языковом сознании могут трансформироваться.

Апробация работы проходила в форме научных докладов на конференциях и конгрессах, в том числе Международной лингвистической конференции "Русское языкознание: история и современность" (Будапешт, 28 февраля – 1 марта 2014 г.), V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 18– 21 марта 2014 г.), XXI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2014, 2013, 2010, 2009), Международной научно-практической конференции «X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 12 – 14 мая 2009 г.). По теме диссертации опубликовано 12 работ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во **введении** раскрывается основное содержание работы, обосновывается её актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются её цель и задачи, положения, выносимые на защиту, указываются структура, объект, предмет и материал исследования, а также определяется его теоретическая база.

В первой главе «Языковое сознание: структура и типы» рассматриваются теоретические вопросы, связанные с определением понятия

языкового сознания, которое представляется результатом синтеза двух феноменов - психического (сознания) и материального (язык, речь) [Ушакова 2000; 17], а также объясняются причины обращения лингвистики к языковому сознанию – язык предоставляет доступ к структурам сознания и мышления. В связи с этим рассматривается история вопроса о соотношения языка и сознания от античности до наших дней. В главе также приводятся различные понимания термина *языковое сознание*, встречающиеся в лингвистической литературе, и за рабочее принимается определение, данное Е.Ф. Тарасовым: «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000; 26].

Структура языкового сознания представляется многоуровневым образованием. Прежде всего, выделяется *глубинный уровень* (мышление в языке) и *поверхностный уровень* (метаязыковое сознание). Деление на *глубинный* и *поверхностный (метаязыковой) уровень* связано с объектом сознания – окружающей действительностью или языком. Принятые термины не следует путать с обозначениями *глубинный* и *поверхностный* в работах Н. Хомского ([Chomsky 1968, 1982, 1993] и в работах в рамках концепции «Смысл-Текст» ([Мельчук, Жолковский 1984]). Обозначение уровней как глубинного и поверхностного следует традиции Кемеровской школы и имеет в виду, что метаязыковой уровень рассматривается как верхний, наиболее явленный и осознанный, при этом термин *поверхностный* не определяет глубину проникновения в сущность явлений.

Метаязыковое сознание (поверхностный уровень) далее членится по степени теоретической систематизированности на *теоретически систематизированное* (его носителями являются профессиональные лингвисты) и *теоретически несистематизированное* (обыденные представления о языке). Глубинный уровень, сближающийся в данном случае с языковой картиной мира, также неоднороден. В данном случае выделяется

общенациональный пласт, характерный для всех носителей данного языка. На него накладываются профессиональные знания, формирующие национальную профессиональную языковую картину мира (профессиональное языковое сознание). Важно, что поверхностный и глубинный уровень являются явлениями разного порядка, а значит, один и тот же носитель языка может обладать профессиональным языковым сознанием (например, специалист-медик), но обыденным метаязыковым сознанием (если он не обладает специальной лингвистической подготовкой).

Если первая глава диссертации имеет целью определить понятие языкового сознания и выявить и описать его типы и способы классификации, то **вторая глава** «Обыденное и профессиональное языковое сознание» подробнее трактует соотношение двух видов языкового сознания – обыденного и профессионального (глубинного или поверхностного уровней).

С одной стороны, изучение профессионального и обыденного языкового сознания ставится в более широкий контекст изучения обыденного (дотеоретического, наивного, народного) и научного познания, в связи с чем рассматриваются различия обыденного и научного знания. Обращение научной мысли к обыденной лингвистике (народной, бытовой, естественной, обыденной) представляется закономерным этапом на фоне общего интереса науки к наивному знанию (наивная медицина, наивная метеорология и т.д.). Также освещаются основные направления изучения обыденной лингвистики (в отечественной и зарубежной традиции).

С другой стороны, изучение обыденного и профессионального языкового сознания вписывается в контекст проблем современной лингвистики, характерной чертой которой признается антропоцентрическая направленность (с этой целью в работе освещаются принципы и установки антропоцентрической лингвистики, а также свойственный ей круг проблем). В частности, изучение обыденного и профессионального сознания приводится в

соответствие с двумя ключевыми вопросами антропоцентричной лингвистики – исследование языковой личности и языковой картины мира.

В соответствии со схемой структуры языкового сознания, предложенной нами в первой главе диссертации, и выделенными типами языкового сознания рассматриваются возможности сопоставления обыденного и профессионального языкового сознания и выдвигается положение о том, что сопоставление необходимо проводить независимо на двух уровнях: глубинном и поверхностном (метаязыковом), – поскольку само языковое сознание специалистов в различных сферах классифицируется как профессиональное или обыденное в зависимости от его уровня. Далее рассматривается лингвистическая методология, выработанная для исследования круга вопросов, относимого нами к глубинному уровню языкового сознания (психолингвистическое направление, изучение языковой картины мира). Отдельно рассматриваются исследования в области метаязыкового сознания, при этом большое внимание уделяется формирующемуся направлению ОМЯС (обыденное метаязыковое сознание): анализируются причины обращения лингвистики к ОМЯС и аспекты его изучения, рассматривается взаимодействие обыденного и профессионального метаязыкового сознания (постулируется общность задач обыденной и профессиональной лингвистики, связь языкового сознания лингвиста с обыденным языковым сознанием, а также описывается восприятие (оценка) ОМЯС профессиональными лингвистами).

Третья глава «Терминология в свете изучения языкового сознания» раскрывает аспекты и возможности исследования терминологии в целях изучения языкового сознания.

Также производится анализ терминологических проблем некоторых специальных областей (главным образом, эти проблемы освещаются в главе на примере экономической сферы). Рассматриваются причины сложившейся терминологической ситуации отдельных сфер, новых и быстро развивающихся или претерпевших в последнее время значительные изменения: адаптация зарубежных научных теорий и моделей, отсутствие централизованного

регулирования в области терминологии, общая тенденция к использованию английских слов вместо поиска соответствующего русскоязычного варианта. Проводится сопоставление современной терминологической ситуации с более ранними периодами развития русскоязычной терминологии различных сфер и выявляется специфика современного этапа. Также приводятся показания обыденного метаязыкового сознания в отношении терминологической ситуации и делается вывод о ее нестабильности (в некоторых сферах). Современные терминологические проблемы иллюстрируются на примере рассмотрения реальных текстов, взятых на форуме брокеров, а также подробным анализом заимствованного термина *benchmarking* и предложенных вариантов его перевода на русский язык.

В **четвертой главе** «Сопоставление обыденного и профессионального сознания в разных сферах: поверхностный уровень» осуществляется практическое раскрытие заявленной темы диссертации на метаязыковом уровне. Глава построена на соотнесении показаний обыденного и профессионального метаязыкового сознания с учетом аспектов изучения терминологии, постулируемых в третьей главе, актуальных для метаязыкового уровня.

Глава состоит из двух частей. В первой с точки зрения обыденного и профессионального метаязыкового сознания рассматривается проблема соотношения общенаучных терминов *терминология* и *номенклатура*. Выбор объекта исследования обусловлен двумя причинами: вопрос интересует нас в теоретическом плане как проблемная область, до сих пор не решенная в отечественном терминоведении; вторая причина следует из первой – неоднозначность вопроса способствует метаязыковой рефлексии по поводу этих единиц со стороны профессиональных терминологов (рассматриваемых нами как носителей профессионального, теоретически систематизированного метаязыкового сознания), в то же время, являясь в определенном смысле метатерминами, эти единицы так или иначе используются в других областях науки (выбор слова *терминология* или *номенклатура* при классификации определенных явлений специалистами-лингвистами мы относим к неосознанному уровню

теоретически несистематизированного метаязыкового сознания), что в комплексе предоставляет возможность сопоставить профессиональное и обыденное метаязыковое сознание.

Вторая часть главы направлена на рассмотрение взаимодействия разных типов сознаний (обыденного и профессионального метаязыкового) при разработке терминосистем (в качестве проблемной области с неупорядоченной терминологией взята терминология компьютерной сферы). В рамках этой задачи анализируются метаязыковые «показания» компьютерных специалистов относительно терминологии и терминологической ситуации в их сфере и проводится их сопоставление с рекомендациями лингвистов-терминологов.

Пятая глава «Обыденное и профессиональное языковое сознание в разных профессиональных сферах: глубинный уровень» структурно параллельна четвертой: эта часть диссертации имеет целью рассмотрение на конкретном лингвистическом материале обыденного и профессионального языкового сознания на глубинном уровне.

Аналогично четвертой, пятая глава подразделяется на две части. Первая часть посвящена выявлению соотношения обыденного и профессионального языкового сознания на примере слова *мигрень*. С одной стороны, *мигрень* рассмотрена как слово общеупотребительного языка (обыденное языковое сознание), для чего методом сплошной выборки были набраны более 300 контекстов, не относимых нами к профессиональному медицинскому дискурсу, также разбору подвергались определения, данные в толковых словарях. С другой стороны, *мигрень* проанализирована как термин, понятие, включенное в профессиональную картину мира, для чего привлекались тексты медицинских статей, энциклопедий и словарей. Также установлено соотношение объемов понятий *мигрень* и *головная боль* в профессиональном и непрофессиональном дискурсах.

Далее в свете сформулированных выше исследовательских задач проанализирована терминология компьютерного интерфейса. Привлечение ее как объекта изучения в настоящей работе связано с тем, что в отличие от компьютерной терминологии «для профессионалов» (рассматриваемой в

четвертой главе) она создается профессионалами для непрофессионалов в том числе, то есть для людей, не обладающих специальной подготовкой в области компьютерной терминологии. На основе методологии, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, вскрываются структурные метафоры, формирующие обыденное восприятие компьютера и того, что с ним связано. В то же время этой же терминологией пользуются и специалисты в компьютерной сфере, поэтому эта область рассматривается в работе как точка совпадения обыденного и профессионального языкового сознания. Таким образом, в главе констатируется прочное внедрение в язык компьютерной лексики на бытовом уровне, рассматривается вопрос о том, как компьютер и Интернет представлены в русском языковом сознании: на основании положения о метафоричности человеческого мышления, разбираются базовые метафоры этой сферы, являющиеся в своём большинстве лексико-семантическими кальками с английского, но уже вошедшими в русскую языковую картину мира.

В заключении приводятся основные результаты исследования.

Приложение 1 содержит дополнительную иллюстративную информацию по некоторым «проблемным» терминам финансово-экономической терминологии.

В Приложении 2 приведены полные тексты дискуссий по поводу компьютерной терминологии, анализируемых в главе 5.

Терминологические замечания. Используемые в работе термины (*языковое сознание, метаязыковое сознание* и др.) определяются по ходу изложения. Тем не менее, следует сделать некоторые терминологические пояснения. В исследованиях, посвящённых вопросам обыденного сознания, в частности языкового, наблюдается широкое терминологическое варьирование: *дотеоретическое, эйдетическое, народное, наивное познание; наивная, обыденная, естественная, бытовая, народная, стихийная лингвистика; наивное представление о языке; наивная картина языка; повседневная философия и мифология языка; языковые мифы* и т.д. Феномен, называемый в

настоящей работе **метаязыковым сознанием** (вслед за А.Н. Ростовой, М.Р. Шумариной, И.Т. Вепревой, Н.Д. Голевым) в научной литературе может называться «языковым самосознанием» (С.Е. Никитина), «метаязыковыми знаниями» (Г.В. Ейгер), «метаязыковой деятельностью» (Б.М. Гаспаров) «металингвистической рефлексией» (И.А. Петухова, В.Ю. Шишкина) и т.д. (с поправкой на «фокус исследовательского видения обозначаемого феномена», определяющего «перспективу и границы его изучения» [Ростова 2008; 48]).
Вслед за терминологией А.Н. Ростовой продуктом работы метаязыкового сознания в диссертации считаются метаязыковые «показания» - «вербализованные суждения о языке как результате метаязыковой деятельности его пользователя» [Ростова 2008; 47]. Однако в лингвистических исследованиях те же единицы называются по-разному: «рефлексивы» (И.Т. Вепрева, М.Р. Шумарина)², «метаязыковой контекст» (М.Р. Шумарина), «маркеры рефлектирующего сознания» (О.Ю. Крючкова), «метаязыковые высказывания» (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв, И.Т. Вепрева, Е.Е. Козлова), «оценки речи» (Б.С. Шварцкопф), «суждения о языке» (Б.М. Гаспаров), «показания языкового сознания» (А.Н. Ростова, О.И. Блинова, Е.В. Иванцова). В настоящей работе термины «метаязыковые высказывания», «метаязыковые показания» и «рефлексивы» используются синонимично.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Колясева А.Ф.* К вопросу о типологии специальной лексики: терминология и номенклатура // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. Вып. 1. М., 2014. С.197 – 205.
2. *Колясева А.Ф.* О формировании терминологических знаний у иностранных студентов-медиков в курсе «Русский язык и культура речи» // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. Вып. 1, М.,

² Ср. трактовку термина «рефлексив» И.Т. Вепревой: «метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы» [Вепрева 2005; 76].

2014. С. 35 – 39.

3. *Колясева А.Ф.* Терминология в свете изучения языкового сознания // Филология и человек. Вып. 2. Барнаул, 2014. С. 151 – 161.

4. *Колясева А.Ф.* Специфика современной терминологической ситуации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Вып. 2, Ростов-на-Дону, 2014. С. 40 – 45.

5. *Колясева А.Ф.* Мигрень и головная боль в русскоязычном профессиональном медицинском и непрофессиональном дискурсах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия Филология. Вып. 2. Т. 1. СПб., 2014. С. 177 – 182.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

6. *Колясева А.Ф.* Мигрень в русском обыденном языковом сознании // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. V. 1. Issue 2. Tallinn, 2014. С. 29 – 45.

7. *Колясева А.Ф.* Консубстанциональные единицы: медицинский дискурс // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и Материалы. . М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 264 – 265.

8. *Колясева А.Ф.* Глагольная метафора в компьютерной сфере // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов 2010». Филология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С.

9. *Колясева А.Ф.* Проблемы терминологии в свете оппозиции обыденного метаязыкового и научного лингвистического сознания // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Материалы Международной научной конференции «X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». М.: Изд-во ИКАР, 2009. С. 138 – 144.

10. *Колясева А.Ф.* Нормализация компьютерной терминологии и обыденное метаязыковое сознание специалистов компьютерной сферы // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск 11. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 19 – 28.

11. Колясева А.Ф. Проблемы нормализации современной терминологии экономики и финансов // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов 2009». Филология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.

ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: СТРУКТУРА И ТИПЫ

«Изначальной причиной разработки теории терминологии было стремление выяснить природу терминологической лексики и определить наиболее эффективные пути регулирования ее развития, т.е. создать теоретические предпосылки для практической терминологической деятельности» [Гринев-Гриневиц 2008; 255] – цель заведомо прагматическая, ориентированная на прикладной аспект и не потерявшая своей актуальности по сей день. Однако терминологическая деятельность (работа по созданию, упорядочению и нормализации терминологии) является лишь одним из аспектов привлечения термина, и не может покрыть собой всего многообразия вопросов, связанных с использованием терминологии. В частности, до сих пор не решен вопрос о соотношении термина с общеупотребительной лексикой. Наш практический опыт по преподаванию курса «Русский язык и культура речи» на разных факультетах подтверждает положение, что профессиональная подготовка оказывает влияние на восприятие слов языка – они начинают восприниматься в первую очередь в значении, актуальном для профессиональной деятельности студентов. Владение терминосистемой, релевантной для профессиональной сферы, накладывает отпечаток на их речь, в первую очередь на выбор номинаций: осознанно или неосознанно профессиональная терминология проникает в повседневное общение студентов. Ср. размышления студентки факультета фундаментальной медицины (ее метаязыковые «показания») о том, как занятия медициной повлияли на ее речь: *«Как и в любой другой науке, в медицине множество понятных только ей терминов, которые всем нам – студентам-медикам – приходится учить. Все это в корне меняет нашу речь, делая ее доступной не для каждого. Конечно, в обществе знакомых, например, с технического или исторического факультета, людей явно далеких от медицины, я постараюсь говорить на обыкновенном языке, но как только я попадаб в коллектив моих коллег, у нас появляются темы для разговоров, понятные только нам. Все эти: “Ой,*

посмотри, какие у него синие глаза!” – “Да, это явно результат гомозиготности”. Или: «Прости, я, кажется, случайно ударил тебя по ксифоидеусу, тебе не больно?»; “Сегодня я сделала себе маникюр цвета дихромата!” Помню даже несколько веселых демотиваторов в социальной сети, сравнивающих ассоциации, возникающие при произнесении некоторых слов у медиков и у других людей, не связанных с медициной. На одном из них было написано – “Ах, оставьте ваши споры”, любому человеку понятна эта фраза как “Перестаньте ругаться, спорить”. В месте, где подразумевалось восприятие медиков, был нарисован гриб, который разбрасывал вокруг свои споры – клетки, служащие для их размножения. Кто же еще поймет, кроме тех, кто все последние 4 года жизни усиленно изучал биологию. Уж не говоря о разговорах на чисто биологические и химические темы, которые просто нагнетают панику на моих родственников, не перестающих удивляться изощренным словосочетаниям, которые я зачастую говорю. Примеров бесчисленное множество, вся наша речь состоит из перемешанных латинско-греческих-русских слов, да еще и видоизменяется различными терминами. Причем обсуждаем мы в подобном ключе не только медицинские аспекты, но и вполне повседневные, обыденные темы, даже не замечая этого. Например, недавно мы говорили на занятиях по русскому языку о значении и употреблении различных слов. Когда я услышала прилагательное ‘факультативный’, первое, что мне пришло в голову, был – гетерохроматин – исключительно биологический термин. Самое главное, что мы разговариваем таким образом не от того, что считаем это невероятно крутым, стильным или непостижимым для всех, хотя, конечно, и в этом есть своя определенная романтика. Скорее всего это происходит лишь потому, что нам действительно так удобнее и проще друг друга понимать, мы уже не задумываемся об этом».

Зачастую проникновение терминологии в повседневное общение происходит в форме шутки, языковой игры, когда омонимичные единицы

(термин и не-термин) имеют очевидно разные денотаты, как например, упомянутые студенткой споры: форма мн. ч. от *спор* – «словесное состязание при обсуждении чего-л., в котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту» [Словарь русского языка 1999] и форма мн.ч. от слова *спора* – «микроскопические зачатки низших (грибов, водорослей, лишайников) и высших (мохообразных, папоротникообразных и др.) растений, служащие для их размножения и сохранения в неблагоприятных условиях» [Там же]. Однако, в менее очевидных случаях слово-термин и слово-обыденного языка могут иметь один и тот же денотат: например названия болезней. Предполагается, что врач и пациент говорят на одном языке, однако объем понятия, вкладываемый ими в определенную номинацию различен, как различны сигнификаты терминов и омонимичных/полисемичных им слов обыденного языка.

Таким образом, хотя термин и функционирует строго внутри терминосистемы, определенной области знания, но пользователь терминологии (специалист этой сферы) живет не в вакууме и общается не только с коллегами, но и с людьми других профессий, а значит, не знакомыми с той терминосистемой, в рамках которой он осуществляет свою профессиональную деятельность, и, более того, владеющими другими терминосистемами, поэтому в реальности термины не только проникают в язык повседневного общения специалиста, но и оказываются не изолированными, а функционирующими наряду со словами обыденного языка.

Представляется, что подобные проблемы можно продуктивно анализировать и описывать в терминах языкового сознания. Для этого необходимо подробнее остановиться на самом понятии языкового сознания.

1.1. Языковое сознание: история вопроса

Вопрос о языковом сознании находится на пересечении интересов лингвистики, психологии и философии, литературоведения и культурологии. В последние десятилетия он становится объектом пристального внимания отечественной лингвистики, темой симпозиумов (Международный симпозиум

по психолингвистике и теории коммуникации "Языковое сознание и образ мира": Москва, 2-4 июня 1997; Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Москва, 1-3 июня 2000 г. и др.), многочисленных сборников («Языковое сознание и образ мира» (2000), «Языковое сознание: формирование и функционирование» (1998), «Язык-сознание-культура-социум» (2008), «Когнитивные исследования языка: проблемы языкового сознания» (2011), «Языковое сознание: парадигмы исследования» (2007), «Язык. Сознание. Культура» (2005), «Язык и сознание: психолингвистические аспекты» (2009)), монографий и учебных пособий («Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» (2009), «Динамика языка и сознания: психолингвистический и когнитивный аспекты исследования» (2012), [Борискина 2003], [Вепрева 2005], [Калентьева 1998], [Караулов 2009], [Крюкова 2004, 2007], [Никитина 1993], [Раевская 2006], [Уфимцева 2011], [Федченко 2006], [Фесенко 1999], [Чулкина 2007] и др.).

Активное изучение языкового сознания не позволяет избавиться от некоторой внутренней противоречивости самого термина. С негативной стороны ее можно охарактеризовать как эклектичность, с позитивной – как междисциплинарность. По замечанию Т.Н. Ушаковой, в термине «языковое сознание» «объединены две различные сущности: сознание — психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, он непространственен, нельзя услышать, посмотреть на него) – и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей. Речь можно зафиксировать с помощью физических приборов, услышать, записать миограмму артикуляторных мышц, зарегистрировать ЭЭГ, специфическую для произносимой речи, можно объективно зарегистрировать ход формирования и угасания межсловесной (языковой) связи и т.п. Речь — материальный процесс, несущий информацию» [Ушакова 2000; 17].

Объединение в одном понятии разных сущностей связано с идеей о том, что человеческое познание тесно связано с языком и что именно язык предоставляет исследователям доступ к структурам сознания и мышления. Тем не менее, это положение не должно пониматься буквально. Например, А.А. Залевская отмечает, что «весьма наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка <...> Мы можем лишь строить *определенные предположения, модели и подобное*³ в отношении того, что не поддается прямому наблюдению» [Залевская 2003: 32]. Вопрос о соотношении языка и сознания неоднозначен, в связи с этой проблемой в науке выделяются вербалистский (мышление вербально) и антивербалистский (мышление довербально) подходы. Как бы то ни было, «обращение к языку рассматривается сегодня как наиболее простой доступ к сознанию не потому, что все структуры сознания изначально вербализованы, но потому, что все объяснения о любых объектах выступают для человека в форме вербального их описания» [Кубрякова 1992; 11].

Требуется сделать и другое терминологическое пояснение. В данной работе мы будем концентрироваться на собственно лингвистических проблемах, не пытаясь решить философский вопрос соотношении **сознания** и **мышления**, относительно которого в науке не выработано единого мнения. Отметим, однако, что при всем многообразии точек зрения, некоторыми учеными эти понятия не разграничиваются: «для подобного неразличения существует немало оснований как потому, что содержание указанных понятий частично пересекается и налагается друг на друга, так и потому, что жесткое их противопоставление отчасти невозможно, отчасти же оно лишено особого значения» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996; 776].

Относительно вербальности мышления и сознания существуют две противоположные точки зрения. Традиционным считается постулат о

³ Курсив А.А. Залевской

неразрывной связи языка и сознания, согласно которому мышление осуществляется не иначе как в языке (еще древние греки обозначали мысль и слово одной единицей – *logos*), ср., например, такие высказывания: «формы языка необходимо сопутствуют мышлению от начальной фазы зарождения мысли до момента отчуждения и передачи слушателю» [Кацнельсон 1984, 4]; «Язык пронизывает все структуры бытия и сознания. Конечно, необходимо отличать существование внешнего мира от языка так же, как и отделять от языка сознание. Однако осознание внешнего мира человеком настолько тесно связано с языком, что стремление отдельных философов отделить сознание и бытие от языка – это противоестественный акт и по сути дела это невозможно. Ведь сознание бытия становится по необходимости полным лишь в языковых формах и с помощью языковых средств, а выражение актов сознания и обмен ими (общение) без языка трудно представить» [Калашникова 2010; 140 – 141], «...язык проникает через речевую способность человека в самые глубинные, базальтовые уровни его телесной, психической, бессознательной организации и превращается в естественный механизм сознания. Если человек что-то не может проговорить в речи, то, по-видимому, это и не осознается им, и наоборот, то, что не осознается им, о том трудно что-либо сказать членораздельное и тем более сказать так, чтобы это было понято другим» [Там же; 142].

С другой стороны, противники вербалистского подхода к мышлению говорят о его довербальности и предполагают существование универсального языка мысли. Так, советский лингвист и психолог Н.И. Жинкин, заложивший основы отечественной психолингвистики, выдвинул понятие *универсального предметного кода (УПК)* – кода «чистого мышления» внутренней речи, «с которого возможны переводы на все другие языки», в том числе на «натуральный» [Жинкин 1964]. УПК состоит из единиц чувственного отражения действительности в сознании: «Здесь нет последовательности знаков, а есть изображения, которые могут образовать или цепь или какую-то

группировку. Этот код отличается от всех других тем, что обозначаемое других языков в этом новом коде является вместе с тем и знаком. Когда мы говорим: Большой театр, то за буквами или звуками языка разумеется самое вещь – Большой театр. Когда же мы представляем себе Большой театр, то независимо от каких-либо букв или звуков, мы имеем в виду самое эту вещь как предмет, могущий породить множество высказываний (например, мысль о том, что находится справа, слева, сзади от Большого театра и т.п.)» [Там же]. Теория Н.И. Жинкина основывается на экспериментальных данных по исследованию внутренней речи человека. В частности, один из аргументов состоит в том, что испытуемые вспоминают гораздо быстрее, чем впоследствии рассказывают о своих воспоминаниях, когда они выражают свою мысль вербально. Иными словами, если бы мышление происходило на «натуральном» языке, они не успели бы проговорить всего того, что они за это время подумали. Согласно этой концепции, «смысл возникает не только в лексемах. Он начинает формироваться до языка и речи. Надо видеть вещи, двигаться среди них, слушать, осязать — словом, накапливать в памяти всю сенсорную информацию, которая поступает в анализаторы. Только в этих условиях принимается слухом речь с самого начала обрабатывается как знаковая система и интегрируется в акте семиозиса» [Жинкин 1982; 83].

Проанализировав данные, полученные специалистами в сфере логики, психологии, физиологии, психолингвистики, А.О. Корнилов делает вывод о том, что «языковость мышления» является не более, чем мифом: мышление представляет собой МНОГОУРОВНЕВУЮ сущность, оно осуществляется на РАЗНЫХ уровнях, и исключительно в формах языка оно осуществляется только на высоких уровнях абстракции (но не самых высших, как, например, в теоретической физике, где очень часто научная идея сначала воплощается лишь в виде формул и лишь затем мучительно пытается обрести словесное выражение, которое может так никогда и не стать до конца адекватным самой идее)» [Корнилов 2003; 117].

Проблема соотношения мысли и слова не нова: ею занимались еще в античности, ср. высказывание Платона: «Не одно ли и то же рассудок и речь, — за исключением того только, что рассудком был назван у нас внутренний диалог души с собою, совершающий все это безгласно» (Soph. 263E). На предположении о тождестве языка и мышления строилась логическая грамматика. Большое влияние на трактовку этого вопроса в лингвистике оказали изыскания Вильгельма фон Гумбольдта, из которых в конечном счете выросла гипотеза лингвистической относительности. Считается, что Гумбольдт первым в современной науке высказался о связи лингвистического и психического, поколебав взгляды логицистов: в своих трудах «О сравнительном изучении языков...» (1820) и «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное различие человеческого рода» (1836) он выдвинул идею о взаимосвязи языка и (в соответствии с идеалистической линией немецкой классической философии) «духа» народа, введя *понятия о языковом сознании народа, языке как деятельности и языковом мировидении*, сформулировав положение о том, что «различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [Гумбольдт 1984]. Согласно концепции Гумбольдта, «язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и последовательно один за другим, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности» и «хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность и язык, в действительности такого разделения не существует» [Гумбольдт 1984, 68]. Более того, в работе «О различии организмов человеческого языка...» Гумбольдт пишет о том, что «язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность — совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука в речи становится внешней и доступной для чувства. Деятельность мышления и язык являются поэтому неразрывным единством. Мышление всегда связано со звуком языка; иначе мышление не может достичь ясности и представление не

может стать понятием. Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком является изначальной и не может быть объяснена устройством человеческой природы». Язык неотделим от «духа народа» и находится с ним в отношениях взаимообусловленности: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; его язык есть его дух, и его дух есть его язык — трудно себе представить что-либо более тождественное», язык есть «беспрерывная деятельность духа, стремящегося превратить артикулированный звук в выражение мысли», «в своих взаимозависимых связях <он> есть создание народного языкового сознания» [Гумбольдт, 1985: 396–397]. Благодаря тесной связи «духа» народа и строения его языка (*Sprachgestaltung*), одно можно вывести из другого: «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1985, 377]. Язык, таким образом, в концепции Гумбольдта является не только средством выражения «духа» народа, но и средством его познания.

Идея о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями» [Гумбольдт 1985, 370], нашла свое полное воплощение в гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа (20 – 40-е гг. XX в.), согласно которой язык первичен по отношению к сознанию, т.е. мышление человека определяется тем языком, носителем которого он является. Иными словами, язык – это рамка, которая определяет границы мышления говорящего на определенном языке, задавая систему доступных ему понятий. В статье «Статус лингвистики как науки» (1928) Э. Сепир писал: «„Реальный мир” в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными

на него ярлыками... Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Сепир 1993; 261]. Б. Уорф развил идеи Э. Сепира и собственно провозгласил принцип лингвистической относительности («О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление»): «Формирование мыслей - это не независимый процесс <...> но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других - весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными. <...> Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем»). Уорф подчеркивал, что грамматика как основа любой языковой системы не просто инструмент для воспроизведения мыслей: она «сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза» [Уорф 1999]. Например, Уорф показывает, что европейская физическая теория, построенная на понятии времени, не могла быть создана на языке хопи, где категории времени нет. Тем не менее, в мировоззрении хопи тоже могут быть созданы физические законы, но они потребуют иных понятий и «иной математики». Действительность от этого не меняется, но воспринимается и интерпретируется в различных категориях.

Сильная версия гипотезы лингвистической относительности предполагает, что мировоззрение напрямую зависит от языка и всецело им

определяется. В этом случае мировая наука становится невозможной, так как представитель отдельного народа, согласно этой версии, может рассуждать только о том, что есть в его языке. Также абсолютно неосуществимым оказывается адекватный перевод с одного языка на другой. В настоящее время такая радикальная формулировка не поддерживается профессиональными лингвистами. Более приемлемо выглядит слабая версия гипотезы, согласно которой язык первичен по отношению к мышлению, но носители разных языков могут понимать друг друга: языки различаются не тем, что они могут или не могут выразить, но тем, что с их помощью выразить проще.

Стоит заметить, что «лингвистическая относительность» традиционно рассматривается в отношении языков, а не в отношении подязыков одного языка, например, его социолектов. Между тем этот аспект «относительности» также представляет интерес при изучении языкового сознания групп, организованных по профессиональному признаку (например, вопрос о том, насколько языковое сознание офисных работников, являющихся носителями русского и английского корпоративных языков, отличается от общенационального языкового сознания).

В отечественной лингвистике идеи В. фон Гумбольдта развивал А.А. Потебня («Мысль и язык», 1862). Язык рассматривается в его концепции как средство порождения мысли, эту мысль формирующее: «показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе, есть основная задача истории языка; в общих чертах мы верно поймем значение этого участия, если приняли основное положение, что *язык есть средство не выразить уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность*⁴. Чтоб уловить свои душевные движения, чтобы осмыслить свои внешние восприятия, человек должен каждое из них объективировать в слове и слово это привести в связь с другими словами. Для

⁴ Курсив мой, А.К.

понимания своей и внешней природы вовсе не безразлично, как представляется нам эта природа, посредством каких именно сравнений стали ощутительны для ума отдельные ее стихии, насколько истинны для нас сами эти сравнения, — одним словом, не безразличны для мысли первоначальное свойство и степень забвения внутренней формы слова» [Потебня 1989; 155-156].

Важно разграничение А.А. Потебней *внешней формы слова* («членораздельный звук, *содержание*, объективируемое посредством звука»), и *внутренней формы* («ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание»). Ср.: «При некотором внимании нет возможности смешать содержание с внутреннею формою. Например, различное содержание, мыслимое при словах *жалованье, annuit, pensio, gage*, представляет много общего и может быть подведено под одно понятие — платы; но нет сходства в том, как изображается это содержание в упомянутых условиях: *annuit* — то, что отпускается на год, *pensio* — то, что отвешивается, *gage*<...> первоначально — залог, ручательство, вознаграждение и проч., вообще результат взаимных обязательств, тогда как *жалованье* — действие любви (ср. синонимические слова *миловать* — *жаловать*, из коих последнее и теперь еще местами значит *любить*), подарок, но никак не законное вознаграждение, не «*legitimum vadium*», не следствие договора двух лиц.

Внутренняя форма каждого из этих слов иначе направляет мысль; почти то же выйдет, если скажем, что одно и то же новое восприятие, смотря по сочетаниям, в какие оно войдет с накопившимся в душе запасом, вызовет то или другое представление в слове» [Там же; 160].

Еще одно разграничение, выдвинутое А.А. Потебней, — ближайшее и дальнейшее значения слова: «ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов — лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной индивидуально-

субъективной мыслью, с другой стороны, - мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» («Из записок по русской грамматике»). В интерпретации Н.А. Сабуровой, ближайшее значение – это «та информация, которую связывают с данным словом все носители одного и того же языка, потому что знание этой связи между формой и содержанием слова входит в знание языка», дальнейшее значение – «та часть его [слова] содержания, которую Потебня называл «внеязычным», или как принято говорить сейчас, экстралингвистическим содержанием, поскольку его знание не входит в знание языка. Это и научная, энциклопедическая информация о денотате слова, и индивидуальные ассоциации, связанные с ним в сознании говорящего» [Сабурова б/г].

Исходя из выводов А.А. Потебни, именно слово позволяет человеку мыслить системно: «Слово, раздробляя одновременные акты души на последовательные ряды актов, в то же время служит опорой врожденного человеку стремления обнять многое одним нераздельным порывом мысли. Дробность, дискурсивность мышления, приписываемая языку, создала тот стройный мир, за пределы коего мы, раз вступивши в них, уже не выходим; только забывая это, можно жаловаться, что именно язык мешает нам продолжать творение. Крайняя бедность и ограниченность сознания до слова не подлежит сомнению...» [Потебня 1989; 152].

Безусловный примат слова над мыслью провозглашал также философ и психолог начала XX в. Г.Г. Шпет: «Без-словесная мысль — патология; это — мысль, которая не может родиться, она застряла в воспаленной утробе и там разлагается в гное... Слова — не свивальники мысли, а ее плоть. Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало. Мысль зачинается в слове. Оттого-то и нет мертворожденных мыслей, а только — пустые слова; нет потрясающих мир мыслей, а только — слова. Ничтожество, величие, пошлость, красота, глупость, коварство, бедность, истина, бесстыдство, искренность, предательство, любовь, ум — все это предикаты слов, а не мыслей, т. е.,

разумею, предикаты конкретные и реальные, а не метафорические. Все качества слова приписываются мысли лишь метафорически» [Шпет 1989, 398].

Параллельно с Г.Г. Шпетом вопросом о соотношении мысли и речи занимался другой известный советский психолог Л.С. Выготский, чьи идеи стали впоследствии опорными для отечественной когнитологии и психолингвистики. Противопоставляя мысль и слово, Л.С. Выготский все же приписывал большое значение языковому выражению мысли: «...Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове ...» [Выготский 1934; 272]. Мысль без слова (случай, когда мысль «не совершается в слове») возможна: это, например, муки слова писателей и поэтов или невозможность выразить себя из-за недостатка образования, как у героя Г.И. Успенского⁵. Связано это с тем, что «...мысль не только внешне опосредствуется знаками, но и внутренне опосредствуется значениями. Все дело в том, что непосредственное общение сознаний невозможно не только физически, но и психологически. Это может быть достигнуто только косвенным, опосредствованным путем. Этот путь заключается во внутреннем опосредствовании мысли сперва значениями, а затем словами. Поэтому мысль никогда не равна прямому значению слов. Значение опосредствует мысль на ее пути к словесному выражению, т.е. путь от мысли к слову есть не прямой, внутренне опосредствованный путь...» [Там же; 315].

Л.В. Выготский разграничивает в речи два плана – фазический и семантический. Для того, чтобы показать, как «изменения формальной и грамматической структуры приводят к глубочайшему изменению всего смысла речи», Л.В. Выготский приводит два литературных примера: басню Лафонтена

⁵ «...«Я бы тебе, друг ты мой, сказал вот как, эстолького вот не утаил бы, — да языка-то нет у нашего брата... вот что я скажу, будто как по мыслям и выходит, а с языка-то не слезает. То-то и горе наше дурацкое...» Успенский. Разоренье (пример Л.С. Выготского).

«Кузнечик и Муравей» и стихотворение Гейне «Сосна и Пальма». И.А. Крылов, чтобы сохранить женскую легкомысленность и беззаботность образа (кузнечик во французском языке – слово женского рода), был вынужден заменить кузнечика на стрекозу. Ф.И. Тютчев, чтобы сохранить символический смысл любви к женщине, перевел сосну как кедр. Более точный перевод Ю.М. Лермонтова, напротив, лишает стихотворение этого оттенка и придает ему более универсальный смысл. Опираясь на эти примеры, Л.В. Выготский делает вывод: «...наличие второго внутреннего плана речи, стоящего за словами, самостоятельность грамматики мысли, синтаксиса словесных значений, заставляет нас в самом простом речевом высказывании видеть не раз навсегда данное, неподвижное и константное отношение между смысловой и звуковой сторонами речи, но движение, переход от синтаксиса значений к словесному синтаксису, превращение грамматики мысли в грамматику слов, видоизменение смысловой структуры при ее воплощении в словах...» [Там же; 275].

Языковое сознание в концепции Л.В. Выготского – «сложная многоуровневая структура, формирующаяся при взаимодействии культурно-социальных и психофизиологических компонентов» [Киселева 2009]. Заключительными словами книги «Мышление и язык» становится положение о нерасторжимой связи сознания и слова: «Сознание отображается в слове, как солнце в малой капле вод. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский 1934; 319].

С 90-х гг. XX в. в московской психолингвистической школе формируется «новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований», где акцент перемещается на исследование этнокультурной специфики языкового сознания и «различия национальных сознаний коммуникантов» признается «главной причиной непонимания при межкультурном общении»

[Языковое сознание и образ мира 2000; 5]. Подобные исследования теоретически базируются на представлении, что «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой», что позволяет производить контрастное сопоставление этнических сознаний, когда «язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания» [Там же].

Отметим, что в современной зарубежной лингвистике термин *linguistic consciousness*⁶ используется иначе: в исследованиях по психо- или нейролингвистике он связывается с деятельностью мозга (проблема соотношения речи, языка и сознания), в других же случаях он, как правило, привязан к языковому самосознанию (осознанию), что в настоящей работе рассматривается как поверхностный уровень языкового сознания (метаязыковое сознание). Так, в работе «Language and National Identity: Comparing France and Sweden» («Язык и национальная принадлежность: Франция и Швеция») [Oakes 2001] под термином *linguistic consciousness* (несмотря на замечание о том, что в целом его нелегко определить) понимается внимание (preoccupation) языкового сообщества к языку и социолингвистической ситуации, при этом «лингвистически несознательное сообщество» (*linguistically unconscious community*) описывается как такое, которое воспринимает преобладающий язык как должное и тратит усилия только на то, чтобы использовать язык как можно более правильно. Согласно

⁶ Именно так обычно переводится термин *языковое сознание* в публикациях российских лингвистов, ср.: “Motherland as a universal value in the Russian and German linguistic consciousness” [Казакова 2012; 71], “Cat colours perception in Russian linguistic consciousness” [Keosidi 2012], “Associative experiment as a method of a doctor’s linguistic consciousness study” [Вилисова 2012], “Bread / хлеб concept in the linguistic consciousness of the representatives of Russian, English and American cultural-linguistic communities” [Пешке 2012], “Linguistic personality can be characterized from the point of linguistic consciousness and verbal behavior as well as linguistic conceptology of discourse. Linguistic consciousness is objectified during the verbal activity, as, according to L.V. Scherba, in the process of speaking, written communication” [Stepanova 2012; 171], “Professional Consciousness: Linguistic and Nonlinguistic” [Мыскин 2013; 140] и др.

концепции исследователя, исчерпывающее определение *linguistic consciousness* должно включать факторы, относящиеся к статусу языка, т.е. включать в себя четыре компонента: языковую стандартизацию, языковой прескриптивизм и правильность, языковые мифы и лингвистический пуризм [Oakes 2001; 49 – 50]. В статье «Linguistic consciousness among Adolescents in Catalonia» («Языковое сознание подростков в Каталонии») [Woolard 2007] термин *linguistic consciousness* также используется в контексте исследования социолингвистической ситуации – под изучением *linguistic consciousness* понимается поиск ответов на следующие вопросы: как ежедневное использование каталонского языка в школе влияет на восприятие подростками каталонского языка? какое социальное значение они приписывают использованию или неиспользованию каталонского языка своими сверстниками? Как в их представлении соотносится уровень образования человека с владением каталонским языком? [Woolard 2007; 2]. В статье [Uljas 2013] о *linguistic consciousness* говорится как о языковом чувстве (*linguistic feeling*), языковой осведомленности / осознании языка (*linguistic awareness*), а само понятие вводится для выяснения той степени, в которой древние египтяне могли осознавать свой родной язык как языковую и грамматическую систему, а также их отношения к иностранным языкам и восприятию диахронических языковых процессов [Oakes 2001; 49 – 50].

Под *linguistic consciousness* понимается также «осознание говорящими своей собственной речи в отношении к речи других и в отношении к функционированию централизованной системы»⁷ - языковых норм и правил [Giltrow 2003; 1]; «взаимодействие грамматики и мировоззрения» (“interplay of grammar and ideology”) [Manfredi 1991; 22] («грамматика и мировоззрение взаимодействуют, как это видно в том типе мировоззрения, которое я называю языковым сознанием (*linguistic consciousness*) – более известном как этничность» [Там же; 18]); «проникновение в суть языка» (“insights in

⁷ Перевод мой, А.К.

language”) [Hinge 2007]; «приобретенная способность перехода от спонтанного к сознательному использованию языкового средства» (metalinguistic awareness) [Pramling & Pramling Samuelsson 2013; 128].

В отечественной лингвистике языковое сознание обычно понимается в значении, сформулированном Е.Ф. Тарасовым как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000; 26].

Т.Н. Ушакова выделяет два понимания термина *языковое сознание*, в зависимости от того, на какие проявления языкового сознания направлено исследование:

1) динамические формы проявления языкового сознания: сознание выражает себя вовне вербально и испытывает языковые воздействия. «Язык как таковой представляет собой скрытую сущность, поэтому выражение вовне возможно через проявленное слово, вербально, т.е. через речь. Тем самым термин «язык», «языковое» должен использоваться в нашем случае в широком его значении — как вербальное средство выражения, т.е. равнозначно с термином «речь», «речевое»» [Ушакова 2000; 15]. Отечественная психолингвистика, возникшая как теория речевой деятельности, концентрировалась на проблемах языкового сознания именно в этом понимании.

2) проявления языкового сознания, когда «из совокупного действия языка, речи и сознания в психике субъекта рождаются своего рода новые структурные образования. Это - языковой тезаурус, вербальные сети, семантические поля» [Ушакова 2000; 16]. В связи с этим подходом Т.Н. Ушакова упоминает психолингвистические исследования, проводимые Ю.Н. Карауловым, Ю.С. Сорокиным, Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой и др., изучавшими вербальные ассоциации (ассоциативно-вербальную сеть) с целью выявить прямые и обратные связи

словоупотреблений: «Получаемые данные рассматриваются в качестве материального субстрата языковой способности субъекта. По мысли авторов, — это языковой тезаурус носителя языка, представляющий его языковое сознание. В нем выделяется ядро, включающее конечное число «знаний-рецептов». Полагается, что ядро языкового сознания представляет собой лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира» [Там же].

И.А. Стернин критикует использование термина *языковое сознание* для обозначения факта овнешнения сознания языком, поскольку этот термин, в его понимании, не приводит к новому пониманию проблемы. Полагая, что языковое сознание человека — это «психические механизмы речи, обеспечивающие речевую деятельность человека, совокупность знаний человека о своем языке», он говорит о том, что «традиционная лингвистика изучает именно языковое сознание — правила употребления языка, нормы, упорядоченность языка в сознании и т.д., но не отдавая при этом отчета в психологической реальности выполняемых описаний» [Стернин 2002]. Антропоцентрическое направление в лингвистике, с его интересом к языку в реальной коммуникации, привело к «развитию исследований в области психических механизмов языка и коммуникации - ассоциативно-вербальных сетей (Караулов), ассоциативных полей и др.» [Там же].

По определению, данному И.А. Стерниным, языковое сознание - это «часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании <...> Языковое сознание исследуется через семантику языковых единиц, овнешняющих его в процессе номинации и коммуникации с целью выявления психологической реальности выявляемых фактов» [Стернин 2002]. Языковое сознание является компонентом когнитивного сознания, обеспечивающим оперирование речью, формирующимся в процессе усвоения языка и

совершенствующегося в течение жизни «по мере пополнения <...> знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков». В то же время языковое сознание в понимании И.А. Стернина входит в коммуникативное сознание – «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека», т.е. «коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» [Там же]. Согласно [Прохоров, Стернин 2006; 28], языковое сознание – «знание системы языковых средств, их значений и правил использования в речи».

Как правило, в исследованиях, посвященных языковому сознанию, акцент делается на национальной составляющей⁸ (русское языковое сознание, испанское, французское и т.д.). Языковое сознание понимается как «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 2004; 35]. Однако в связи с этноязыковым сознанием встает вопрос об истоках различий национальных языковых различий, ср. комментарий В.Н. Базылева в ходе дискуссии ИЯ РАН 07.02.1999: «Если мы говорим, что мышление человека как биологического вида не может быть разным по своим функциональным характеристикам (иначе мы предполагаем различные биологические виды), тогда принципы функционирования языкового сознания должны быть однотипными, одинаковыми. Потому что те же модули, на которых базируется сознание, т.е. те модули, через которые поступает информация (зрительная, тактильная, слуховая и прочие), одинаковы у человека как биологического вида. Значит, языковое сознание изначально функционирует одинаково. Наверное, накладываются разные привходящие особенности, зависящие от климата,

⁸ Терминологическое разграничение понятий *менталитет, национальная концептосфера, национальный характер, национальное поведение, национальное коммуникативное поведение, языковая картина мира, языковое сознание, коммуникативное сознание, речевое мышление* предложено в работе [Прохоров, Стернин 2006; 50 - 55].

территории и т.д. Т.е. это некий фенотип» [Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе 1999; 27].

С другой стороны, языковое сознание может быть не только коллективным, характерным для этнической или социальной группы, но и индивидуальным. В частности, О.И. Уланович обращает внимание на важность эмоционального компонента в языковом сознании, определяемого и формируемого индивидуально для каждого носителя языка: «Базовый элемент языкового сознания - смысловая единица, включающая индивидуально-пропорционально представленные у каждого человека знаковый, образный и эмоциональный компоненты. Так, помимо знаков естественного языка (звуков, слов, фраз), существуют ментальные знаки – репрезентации знаков естественного языка в индивидуальном сознании. При этом естественный знак обладает значением, стабильным, устойчивым, понятным всем носителям этого языка, соответствующий же ментальный знак обладает индивидуальным смыслом, имеющим пристрастную природу и связанным с отношением, оценкой, индивидуальной трансформацией. Этот индивидуальный смысл определяется связью ментального знака с определенным образом и определенными эмоциями в сознании отдельного человека в рамках одной смысловой единицы. При этом образ представляет собой ментальную репрезентацию фрагмента действительности, своего рода контекста, в котором функционирует знак» [Уланович 2010].

1.2. Структура языкового сознания

Не подлежит сомнению, что языковое сознание является сложным образованием. Лингвисты рассматривают этот феномен в различных аспектах и структурируют его по-разному, однако сама идея «многомерности структуры языкового сознания» [Ростова 2008; 47], получила всеобщее признание (А. Вежбицкая, А.Н. Ростова, Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, С.Е. Никитина и др.).

По замечанию А. Вежбицкой, «языковое сознание» имеет много разных уровней и <...> содержит как факты, лежащие на поверхности, так и другие

факты, которые скрыты очень глубоко. Важно различать молчаливое знание, которое спрятано в «глубинах» человеческого сознания, но которое МОЖНО вытащить на поверхность (ср. Sapir 1949: 331)⁹, и научное знание, которого наивные носители могут просто не иметь и которое не могут обнаружить самые настойчивые поиски. Последнее, в противоположность первому, не отражается в языке и не играет никакой роли в лингвистическом исследовании» [Вежбицкая 1996].

В концепции, представленной в работах А.Н. Ростовской, структура языкового сознания включает в себя глубинный и поверхностный уровни. Признаки, на основании которых разграничиваются указанные уровни, сведены нами в таблицу¹⁰:

Языковое сознание (ЯС)	
Глубинный уровень	Поверхностный уровень (метаязыковое сознание, МЯС)
«является регулятором речемыслительной деятельности (в том числе контролирует автоматизированные действия говорящего при порождении речи). Этот уровень организует «мышление на языке» и, по-видимому, выявляется в ассоциативной вербальной сети»	«находит выражение в рефлексии говорящего по поводу языковой организации, в суждениях индивида о языке, о собственных речевых тактиках и т.д.», «связан с «мышлением о языке»»
язык выступает в роли субъекта	язык выступает в роли объекта

Таблица 1. Структура языкового сознания по А.Н. Ростовской

⁹Ссылка А. Вежбицкой: Sapir, Edward. 1949. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality. In: David Mandelbaum, ed. Berkeley: University of California Press.

¹⁰Таблица составлена нами на основе [Ростова 2008; 47]

Таким образом, языковое сознание, помимо неосознаваемого «мышления на языке», к которому исследователи стремятся пробиться путем анализа ассоциативных сетей, покрывает и языковую рефлексивность, вскрывающую его поверхностный уровень, МЯС - «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии, о собственных речевых тактиках и т.д.» [Ростова 2008; 47].

Подобное выделение верхнего уровня языкового сознания находим у С.Е. Никитиной, которая также пишет о том, что понятия, обозначаемые терминами «языковое сознание» и «языковое самосознание» (метаязыковое сознание в другой терминологии), находятся в отношениях «часть – целое»: «языковое самосознание можно считать частью языкового сознания, его верхним автономным слоем» [Никитина 1989; 35]. Основные принципы разграничения данных понятий в представлении С.Е. Никитиной сведены нами в таблицу¹¹:

	Языковое сознание	Языковое самосознание (МЯС в концепции А.Н. Ростовской)
Объект	Весь универсум	Язык в целом и его отдельные элементы, языковое поведение и тексты
Способы реализации	вербальные	1) вербальные (метаязыковая функция языка); 2) невербальные (например, реакция на ругательство – возмущённый взгляд, жест и т.д.)

Таблица 2. Структура языкового сознания по С.Е. Никитиной

¹¹ Таблица составлена нами на основе [Никитина 1989; 35]

Языковое самосознание как часть более общего понятия языкового сознания заключается в «способности интерпретировать и квалифицировать элементы языкового сознания. Интерпретация состоит в изложении понимания текста или языковых единиц. Квалификация – в указании на их функции, значимость. Частным видом квалификации является оценка» [Никитина 1989; 38].

В коллективной монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» Н.Б. Лебедева [Лебедева 2009] выстраивает более развернутую структуру языкового сознания. Явление, называемое языковым сознанием, представлено в ее описании восемью видами, разграничение которых основано на двух оппозициях:

1) по качеству знания:

- знание языка (языковая компетенция - владение языком, родным или неродным);
- знание о языке (лингвистическая компетенция - метаязыковые знания);
- знание в языке («знания, отраженные в языке, в его грамматических формах, лексике, речевых жанрах» [Там же]);
- знания на языке («вся информация, зафиксированная в текстах, произнесенных и написанных на данном языке» [Там же]);

2) по ментальным формам (между которыми, впрочем, нет четкой границы):

- неосознаваемое знание (подсознательное и бессознательное, сфера интуиции, ощущения, чувства, «языковое чувство», «язык как инстинкт»);
- осознанное знание.

Структура языкового сознания в концепции Н.Б. Лебедевой выглядит следующим образом¹²:

	А Неосознаваемое	Б Осознанное
1 Знание языка <i>(языковая компетенция: владение языком)</i>	(1-А) Спонтанное владение языком, жанрами (1ж-А), основанное на «языковом чувстве»	(1-Б) Осознанное владение языком, жанрами (1ж-Б)
2 Знание О языке <i>(лингвистическая компетенция: метаязыковые знания)</i>	(2-А) «Спонтанные представления о языке и речевой деятельности», а также о жанрах речи (2ж-А)	(2-Б) а) Наивная лингвистика: «совокупность знаний, представлений, суждений о языке» (2а-Б), о жанре (2жа-Б) с минимальным включением специализированных знаний б) профессиональная лингвистика и «полунаивная» лингвистика (2б-Б, 2жб - Б)
3 Знание В языке <i>(язык – орудие знания)</i>	(3-А) Образы мира и языка, отраженные в языке, языковая картина мира, жанровая картина мира (3ж-А)	(3-Б) Когнитивная/ концептуальная лингвистика, лингвокультурология
4 Знание НА языке <i>(знания, заложенные в текстах)</i>	(4-А) Информация, зафиксированная на данном языке и	(4-Б) Рефлексии по поводу этой информации, в основном,

¹² Таблица Н.Б. Лебедевой «Структура языкового (со)знания» для удобства представлена с незначительными изменениями

	воспринятая непосредственно слушающим читающим	и	профессионалами
--	---	---	-----------------

Таблица 3. Структура языкового (co)знания по Н.Б. Лебедевой

(1-А) – неосознаваемое знание языка – основано на автоматизме и интуиции, когда «выбор слов, грамматических норм, стилистических средств <...> происходит спонтанно, опираясь на языковое чувство, чутье» [Там же].

(1-Б) – осознанное владение языком – фиксируется в нетривиальных ситуациях общения (незнакомые люди, экзамен, допрос и т.п.), когда «актуализируется необходимость выбора средств языка, и этот выбор происходит не только интуитивно, но и в той или иной степени осознанно» [Там же]. Таким образом, подключается критическое и рефлексивное сознание, граничащее с метаязыковым и иногда включающее в себя его элементы (метаязыковые термины *слово, речь, предложение, правильно/неправильно* и т.д.).

(2-А) – предлингвистическая компетенция – находит свое выражение в «нерефлектирующей рефлексии говорящих» (Н.Д. Арутюнова), обнаруживаемой в таких выражениях, как «так не говорят», «это не по-русски», «ну ты и сказала!», «ну ты как скажешь-скажешь», «язык без костей», «краснобай» и т.п. «В этих оценках нет настоящей (расчлененной, рациональной) рефлексии, это, скорее, проявление языкового чувства, эмоциональной и общеоценочной реакции на речевые действия и явления» [Там же].

(2-Б) – осознанные метаязыковые знания – входят в собственно лингвистическую компетенцию в том терминологическом понимании, что в отличие от владения языком (языковой компетенции) «”лингвистика” предполагает именно метаязыковой срез знания» [Там же]. Н.Б. Лебедева подразделяет эти метаязыковые знания на

- (2а-Б) - естественную (обыденную, народную, наивную) лингвистику, которую, в свою очередь, можно классифицировать на

- полунаивную лингвистику, для которой характерно использование некоторых лингвистических терминов (совершенный вид, именительный падеж, ударение, синонимы и т.п.) как манифестация остаточных знаний после обучения в школе/вузе;

- собственно наивную лингвистику, обходящуюся без лингвистических терминов и знаний, когда «наивный носитель русского языка (среди них могут быть и люди с высшим образованием) осознанно высказывает свои неспециализированные лингвистические мнения, <...> производит разные виды народной этимологии, устанавливает лексические мотивации и ремотивации (считая при этом, что делает этимологический анализ слова), другие рефлексии над языком и речью, стараясь приводить свою аргументацию» [Там же].

- (2б-Б) – профессиональное знание языка, «включающее все разделы языкознания как науки» [Там же].

(3-А) – неосознаваемый вид «знаний в языке» - включает в себя «такие понятия, как “языковая картина мира”, “языковая категоризация”, “образы языка, отраженные в самом языке”¹³ как часть «образов мира, отраженных в языке”» [Там же].

(3-Б) – осознанный вид «знаний в языке» - выражается в различных лингвистических направлениях, представляющих язык как «источник знаний о мире, в том числе и о языке: гипотеза Сепира-Уорфа, направление «слова и вещи», концептуальная, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и многие другие направления, изучающие, как

¹³ Ссылка Н.Б. Лебедевой: Арутюнова, Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка: Язык о языке: Сб. статей / Под общ рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 7 – 19.

представлен мир в языке» [Там же]. Настоящее исследование, направленное на выявление некоторых сторон языкового сознания, следуя концепции Н.Б. Лебедевой, относится именно к сфере (З-Б).

(4-А) – неосознаваемые «знания на языке» - представляют собой «всю информацию, зафиксированную в текстах, произнесенных и написанных на данном языке, непосредственно воспринятую слушающим и читающим» [Там же].

(4-Б) – осознанные «знания на языке» - выражаются в рефлексии по поводу «информации, зафиксированной в текстах, произнесенной и написанной на данном языке», как правило, профессионалами (к этому относятся стилистика, литературоведение и др. науки, основанные на анализе текстов).

1.3. Метаязыковое сознание и его виды

Хотя о «языковедном мышлении» писал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963, 1: 206], обращение лингвистики к изучению метаязыковых фактов обычно связывается со статьей Р.О. Якобсона «Лингвистика и поэтика» (1960), где он выделяет особую метаязыковую функцию языка: «метаязык - это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке. Наподобие мольеровского Журдена, который говорил прозой, не зная этого, мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций» [Якобсон 1975]. Большое влияние оказала также статья А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [Вежбицкая 1978].

Как было показано в предыдущем параграфе, метаязыковое сознание понимается в современной российской лингвистике как верхний, наиболее «явленный» уровень языкового сознания, изучаемый путем анализа рефлексии носителей языка по поводу языковых фактов. В частности, И.Т. Вепрева в монографии «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» определяет метаязыковое сознание как «компонент языкового сознания, манифестирующий рациональное понимание языка и его интерпретацию»

[Вепрева 2005; 54], особый круг знаний в языковом сознании о языке как объекте познания, область рационально-логического языкового сознания [Там же; 53]. Это «чутье языка народом», «языковые представления» (Бодуэн де Куртенэ), «лингвистический инстинкт», «языковое чутье» (Л.В. Щерба), представленные «в виде явных высказываний, в виде показаний языкового сознания, реализующего интерпретационную функцию» [Там же; 54].

По определению А.Н. Ростовской, метаязыковое сознание - это «область рационально-логического, рефлексизирующего языкового сознания, направленная на отражение языка как элемента действительного мира» [Ростова 2000; 45]. Так же, как и более широкое понятие языкового сознания, метаязыковое сознание неоднородно и представляет собой сложную структуру. В качестве иллюстрации приведем схему, предложенную М.Р. Шумариной [Шумарина 2011; 15]:

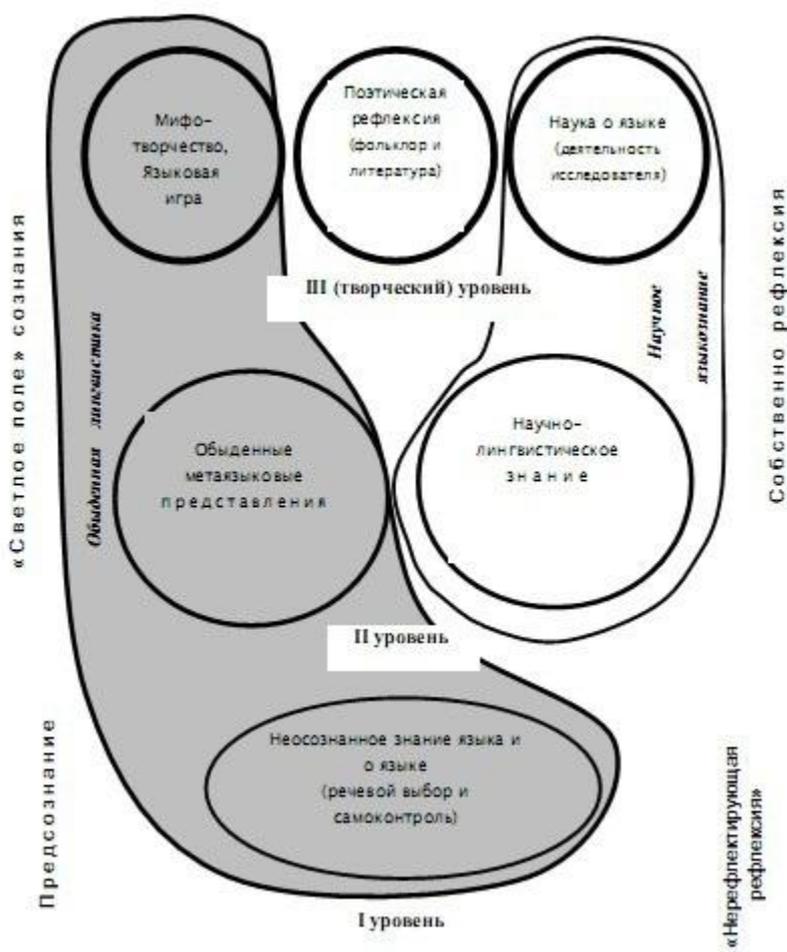

Схема 1. Структура метаязыкового сознания и формы метаязыковой рефлексии (М.Р. Шумарина)

М.Р. Шумарина разделяет метаязыковое сознание на три уровня:

1) Подсознательный (бессознательный) уровень

«На этом уровне метаязыковая рефлексия представлена в «свернутом» виде «нерефлектирующей рефлексии», она заключена в семантике языковых единиц и правилах их использования, составляющих содержание языкового сознания. Речевой самоконтроль (основная функция рефлексии) осуществляется на этом уровне автоматизированно и бессознательно – как “«предметаязыковое» сознание, функционирующее в свернуто-автоматических формах” [Голев 2009 а: 26]» [Шумарина 2011].

2) Второй уровень – уровень осознанной метаязыковой рефлексии

«Второй уровень метаязыкового сознания связан с выведением метаязыковой операции в «светлое поле» сознания и с возможностью вербализации рефлексии. Речевой самоконтроль на этом уровне заставляет говорящего или исправлять допущенные ошибки, неточности, или предвидеть возможный коммуникативный сбой и предупреждать его, в том числе оправдывая использование того или иного выражения, или давать оценку используемым речевым средствам» [Там же]. Метаязыковая рефлексия на этом уровне является главным образом спонтанной, а метаязыковые комментарии имеют характер импровизаций и привязаны к коммуникативной ситуации. М.Р. Шумарина называет формулирование таких метаязыковых оценок решением «задач известного типа», поскольку они опираются как на речевой опыт говорящего («накопленный, но необязательно специально осмысленный»), так и на освоенный коллективный опыт. Субъектом метаязыковой деятельности второго уровня выступает обыденное метаязыковое сознание (об обыденном метаязыковом сознании см. далее), однако она может опираться на научное знание и проходить в рамках научного дискурса (это может быть «воспроизведение «готового» лингвистического знания в репродуктивных жанрах учебно-научного стиля»: лингвистический разбор, пересказ параграфа и т. п.).

3) Творческий уровень

Третий уровень включает в себя «метаязыковые операции высокой степени осознанности, предполагающие более глубокое осмысление и творческую интерпретацию фактов языка/ речи», когда «субъект рефлексии не просто осознает объект, но сознательно выделяет его и подвергает творческому переосмыслению. Если рефлексия второго уровня фиксирует объективные свойства объекта (семантика, структура, особенности функционирования), то рефлексия третьего уровня в процессе творческой переработки «материала» создает определенного рода приращения, обогащает содержание объекта и расширяет возможности его использования и интерпретации» [Там же]. К творческому уровню метаязыкового сознания М.Р. Шумарина относит языковую игру нестандартное, личностно окрашенное комментирование языковых или речевых фактов, например:

А историческая необходимость... исторически необходимо только одно: чтобы добро побеждало зло. Но за это у нас, слава Богу, отвечает грамматика: предложение «добро побеждает зло» справедливо всегда, оно в обе стороны справедливо (Е. Клюев. Андерманир штук)¹⁴.

Творческая метаязыковая рефлексия может осуществляться в трех формах – обыденной, научной (научное творчество) и эстетической (художественные, художественно-публицистические, фольклорные, игровые тексты).

Метаязыковое сознание может быть рассмотрено в различных аспектах и классифицировано по разным основаниям. Как и языковое сознание, метаязыковое сознание разделяют на индивидуальное, групповое и общественное, коллективное [Ведрева 2005; 51]. Деятельность метаязыкового сознания может исследоваться по объекту осознания (по тому, какие элементы речи осознаются), уровню теоретической систематизированности или по уровню осознания [Там же; 54].

¹⁴ Пример М.Р. Шумариной

1.3.1. Уровень осознания

Исследователи сходятся во мнении, что метаязыковое сознание может проявляться не только вербально, но и осуществлять рефлекссию неосознанно. Дело в том, что «в выборе языковых средств и в процессах понимания текста участвуют как бессознательные механизмы, так и осознанные действия¹⁵. Граница между осознанным и неосознанным индивидуальна и ситуативно обусловлена. Личность, как правило, осознаёт лишь небольшую часть своего языкового поведения» [Никитина 1989; 35]. При таком рассмотрении встает вопрос о разграничении неосознанного уровня метаязыкового сознания и собственно языкового сознания: «МЯС включает не только сферу явного, вербализованного сознания, но и сферу скрытого осознания, поэтому границы уровня МЯС размыты, они получают четкие очертания лишь при условии вербализации результатов рефлексии говорящего над языком» [Ростова 2008; 47]. Метаязыковой уровень языкового сознания вербализуется в «показаниях МЯС» – «вербализованных суждениях о языке как результате метаязыковой деятельности его пользователя» [Там же]. Ср. наблюдение М.Р. Шумариной [Шумарина 2011; 18 – 19] над терминологическим варьированием в различных исследованиях по отношению к результатам деятельности метаязыкового сознания: «метаязыковые высказывания» (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв), «оценки речи» (Б.С. Шварцкопф), «рефлексивы» (И.Т. Вепрева), «суждения о языке» (Б.М. Гаспаров), «показания языкового сознания» (А.Н. Ростова, О.И. Блинова), «метатексты» (С.Е. Никитина, А.Н. Ростова, Н.Д. Голев и др.), «маркеры рефлектирующего сознания» (О.Ю. Крючкова).

Итак, уровень осознания варьируется «от автоматической регуляции речи до четких высказываний о языке» [Тулъвисте 1988, 179 - 180]. И.Т. Вепрева пишет о том, что метаязыковое сознание в широком смысле имеет имплицитный (неосознанный) и эксплицитированный уровни. На основе рассуждений И.Т. Вепревой нами для наглядности была составлена таблица:

¹⁵ Ссылка С.Е. Никитиной: Якобсон Р. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978.

Уровни метаязыкового сознания в широком смысле	
Имплицитный	Эксплицированный
«неосознанный уровень знаний людей о своей речи, ее единицах», который отождествляется с понятием «языкового чутья» и рассматривается «на стыке чувства и знания как проявление интуитивного владения языком», «некая сумма знаний о языке, полученная в результате бессознательного обобщения многочисленных актов речи»[Вепрева 2005; 54].	включает в себя метаязыковую рефлексию как метаязыковое действие: «как только возникает препятствие в речевом механизме и механизм начинает осуществлять контроль и регуляцию речевой деятельности, эти знания о языке получают свою вербальную экспликацию». Это «осознанная экспликация языкового чутья от простейших рассуждений о языке «до сколь угодно сложных концептуальных построений» ¹⁶ , присущая всем без исключения говорящим с разницей лишь в количественном и качественном отношениях[Вепрева 2005; 54 – 55].

Таблица 4. Уровни метаязыкового сознания в широком смысле (в интерпретации Т.И. Вепревой)¹⁷

Различение М.Р. Шумариной трех уровней метаязыкового сознания(см. выше) связано прежде всего со степенью осознанности метаязыковой рефлексии. В классификации Н.Б. Лебедевой (см. п. 1.2 настоящей работы) со степенью осознанности метаязыкового сознания («лингвистической компетенции») связана шкала (2-А) – (2-Б).

1.3.2. Уровень теоретической систематизированности

¹⁶ Ссылка И.Т. Вепревой [Гаспаров, 1996, 17]

¹⁷ Таблица составлена нами на основе [Вепрева 2005; 54 - 55]

Под теоретически систематизированным и несистематизированным метаязыковым сознанием в работе понимается научное (профессиональное лингвистическое) и обыденное метаязыковое сознание соответственно: «Метаязыковое сознание как форма общественного сознания существует на двух уровнях: уровне теоретически систематизированного сознания, представленного системой научных понятий, теоретических суждений и концепций, входящих в область лингвистической науки, и уровне обыденного сознания в форме массовых эмпирических знаний и представлений, полученных в результате практически-духовного освоения действительности» [Вепрева 2005; 55]. В классификации Н.Б. Лебедевой с уровнем теоретической систематизированности метаязыкового сознания связана шкала (2а-Б) – (2б-Б). В представлении структуры метаязыкового сознания М.Р. Шумариной (см. выше) сфера научного языкознания противопоставляется как обыденной лингвистике, так и поэтической рефлексии, обнаруживаемой в фольклоре и литературе.

Стоит отметить, что разграничение научной и обыденной лингвистики как теоретически систематизированного и соответственно теоретически несистематизированного знания не является оригинальным открытием языкознания современного этапа, ср. высказывание по этому поводу И.А. Бодуэна де Куртенэ, выражавшего аналогичные мысли в статье 1904 г.: «Как и все другие ряды явлений, точно так же и явления языка представляют с первого взгляда хаос, беспорядок, путаницу. Человеческому уму врождена способность освещать этот мнимый хаос и открывать в нем стройность, порядок, систематичность, причинную связь. Проявление упорядочивающей, систематизирующей деятельности человеческого ума в применении к явлениям языка и составляет языковедение. Подготовительные работы совершаются здесь бессознательно, а отчасти и сознательно, каждым человеческим умом, даже вовсе научно неподготовленным» [Бодуэн де Куртенэ 1963; 66], «наука языкознания не вводит сюда ничего абсолютно нового; она только

совершенствует и очищает мышление, освобождает его от балласта случайностей и группу шатких, колеблющихся представлений заменяет цепью сознательных, строго определенных понятий» [Там же; 67].

Важно иметь в виду, что теоретически систематизированное (научное) и теоретически несистематизированное (обыденное) метаязыковое сознание работают с одной и той же языковой действительностью, но эти типы по-разному ее отражают и, как правило, задействованы в разных сферах. Научные метаязыковые знания - это продукт профессиональной познавательной деятельности лингвиста, а обыденные метаязыковые знания «формируются в повседневной речевой практике и представляют собой донаучный взгляд на язык. Безусловно, обыденные метаязыковые знания дополняются отдельными научными сведениями в рамках школьного и вузовского (непрофессионального) образования, языковой политики общества, но эти знания не имеют системного характера» [Вепрева 2005; 55].

Поскольку метаязыковое сознание исследуется в основном по вербализованным «показаниям» (А.Н. Ростова), для целей настоящего исследования имеет значение его эксплицированный уровень (И.Т. Вепрева), или, по выражению М.Р. Шумариной, «выведенный в “светлое поле” сознания». Его мы будем разграничивать на теоретически систематизированное и теоретически несистематизированное знание. Имея в виду уровень профессионализма лингвистической компетенции¹⁸ (научная – обыденная лингвистика), его можно называть профессиональным и обыденным метаязыковым сознанием соответственно.

С другой стороны, в лингвистике существует другое понимание профессионального и обыденного языкового сознания, представленного, например, в [Антонова 2010]: «Профессиональное языковое сознание определяется нами как особое (профессиональное, в отличие от обыденного) видение мира, формируемое и овнешняемое с помощью профессионально

¹⁸ Лингвистическая компетенция понимается здесь в трактовке Н.Б. Лебедевой

маркированных языковых средств». Разграничение обыденного и профессионального языкового сознания в этом понимании также релевантно для настоящего исследования, поскольку в нем будет затронуто языковое сознание представителей различных профессий. Они обладают теоретически систематизированным сознанием в определенной области знания (медицина, компьютерные технологии, экономика, лингвистика и т.д.), которое противостоит обыденному, несистематизированному сознанию носителей того же языка, не являющихся специалистами в этой области. В связи с этим мы считаем правомерным распространить разграничение теоретически систематизированного и теоретически несистематизированного на языковое сознание в целом и говорить о профессиональном языковом сознании специалистов отдельных областей знания как теоретически систематизированном и обыденном языковом сознании неспециалистов как теоретически несистематизированном, имея при этом в виду, что уровню теоретической систематизации подвергается осмысление определенной области знания, что в целом накладывает отпечаток на языковое сознание представителей конкретных профессий. В этом ключевы схематически представляем структуру языкового сознания в следующем виде (схема наша):

Схема 2. Структура национального языкового сознания

Под национальным языковым сознанием понимается языковое сознание носителей определенного языка (в нашем случае русского). Приведенную схему удобно иметь в виду при изучении и описании языкового сознания

представителей различных профессий как неких комплексных областей, в частности она актуальна для исследования глубинного уровня языкового сознания.

Таким образом, в настоящей работе *под профессиональным языковым сознанием* понимается языковое сознание людей, обладающих теоретически систематизированным знанием в одной из областей знания, т.е. прошедших специальную подготовку. Под *обыденным языковым сознанием* – языковое сознание людей, не обладающих квалификацией и профессиональным опытом в рассматриваемой сфере деятельности (т.е. не обладающих теоретически систематизированным знанием в этой области). Обыденное языковое сознание может функционировать в рамках наивной медицины, наивной астрономии, наивной географии, наивной метеорологии и т.п.

Структура языкового сознания в целом представляется нам следующим образом (схема наша):

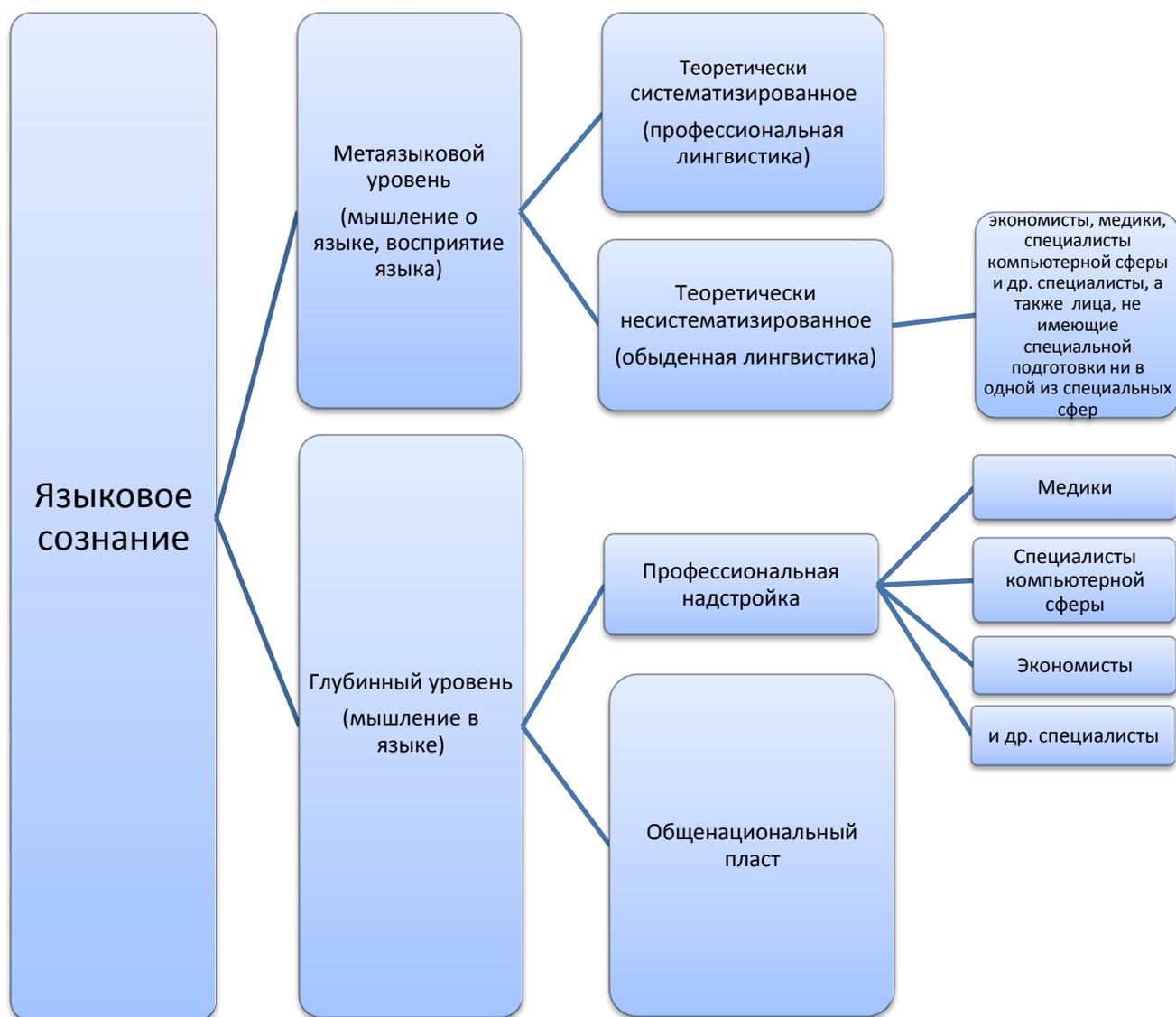

Схема 3. Структура языкового сознания

К схеме необходимо сделать некоторые пояснения.

1) Языковое сознание предстает как сложное, неоднородное явление с многоуровневой структурой. Выделяется глубинный уровень языкового сознания, организующий мышление в языке и языковую картину мира. Также вычленяется поверхностный уровень языкового сознания – метаязыковой – рассуждения о языке и восприятие языка. И глубинный, и поверхностный уровни могут далее делиться по профессиональному признаку на профессиональный и обыденный типы – в зависимости от квалификации носителя сознания, индивидуального или группового.

2) В соответствии с изложенными в п. 1.2. концепциями метаязыковое сознание представлено как верхний, наиболее явленный уровень языкового сознания.

3) Разграничение метаязыкового уровня на теоретически систематизированное и теоретически несистематизированное сознание с одной стороны, и глубинного уровня на общенациональный пласт и профессиональную надстройку с другой проводится на разных основаниях. В случае с метаязыковым сознанием оно классифицируется по степени теоретической систематизации самой метаязыковой рефлексии, т.е. в идеале личность обладает либо первым, либо вторым (хотя, как отмечается далее, у лингвистов предполагается и сохранение в некотором виде теоретически несистематизированного сознания). В случае с глубинным уровнем он разделяется нами на общенациональный пласт, присутствующий в языковом сознании всех носителей определенного языка, и надстройку, связанную с профессиональной квалификацией, так как мы считаем, что «знания на языке» (см. выше классификацию Н.Б. Лебедевой) оказывают влияние на восприятие некоторых языковых фактов.

4) На глубинном уровне важно вычленение конкретной профессиональной группы, анализ языкового сознания которой входит в задачи исследования (медики, экономисты, специалисты компьютерной сферы и т.д.). Разграничение лингвистов на медиков, экономистов и т.д. на метаязыковом уровне методологически не всегда существенно. Однако, как будет показано в главе 3, профессиональные группы (медики, экономисты, специалисты компьютерной сферы) могут с разной степенью активности обсуждать нужды соответствующей терминологии, по-разному видеть ее задачи и выдвигать к ней различные «требования».

ГЛАВА 2. ОБЫДЕННОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

Ключевое для настоящей работы противопоставление обыденного (теоретически несистематизированного) и профессионального (теоретически систематизированного) типов языкового сознания, принципы разграничения которых затронуты в предыдущей главе, касается традиционного гносеологического вопроса о разграничении обыденного и профессионального познания. С другой стороны, оно находится в полном соответствии с принципами современной антропоцентрической лингвистики, ставящей во главу угла *Homo Loquens*, и затрагивает проблематику актуальных для настоящего этапа исследований языковой личности и языковой картины мира.

Настоящая глава, таким образом, направлена на более подробное рассмотрение обыденного и профессионального типов языкового сознания в более широком научном контексте и анализ принципов его исследования как на глубинном, так и на метаязыковом уровне в соответствии с разработанной в первой главе моделью языкового сознания.

2.1. Обыденное и профессиональное языковое сознание в контексте изучения обыденного и научного познания

2.1.1. Обыденное и научное познание

Исследованию сходств и различий обыденного и научного познания посвящена многочисленная литература в области философии и психологии. Как правило, признается, что исторически истоки научного знания лежат в обыденном познании, однако оно является качественно новым образованием и представляет собой познание иного уровня. Как бы то ни было, в рамках отдельного познающего субъекта, по наблюдениям Л.С. Выготского, формирование научных понятий происходит иным путем, чем формирование понятий житейских: «Путь этот обусловлен тем, что в качестве определяющего

поворотного момента в его развитии выступает первичное вербальное определение, которое в условиях организованной системы нисходит до конкретного, до явления, тогда как тенденция развития житейских понятий протекает вне определенной системы идет вверх, к обобщениям» [Выготский 2005; 845].

В соответствии с определением В.С. Степина, наука понимается в философии как «особый вид познавательной деятельности, направленной на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире» и рассматривается наряду с другими видами постижения мира – обыденным, художественным, религиозным, мифологическим, философским. Отличительными характеристиками науки при этом признаются системная организация, обоснованность и доказанность знания [Степин б/г].

Напротив, обыденное знание, согласно словарю «Философия науки и техники», - это «знание, полученное в повседневной жизни, которое обладает следующими особенностями:

- 1) субъектом знания являются широкие массы людей, а его объектом – явления жизненного опыта и трудовой деятельности;
- 2) в качестве методов выступает непосредственная жизненная практика;
- 3) содержание знания не проникает в сущность;
- 4) знание выражается естественным языком и описывает практические действия человека» [Некрасов, Некрасова 2010].

Результатом обыденного познания становится «конгломерат знаний, сведений, предписаний и верований, лишь отдельные фрагменты которого связаны между собой. Истинность знаний проверяется здесь непосредственно в наличной практике, так как знания строятся относительно объектов, которые включены в процессы производства и наличного социального опыта» [Степин б/г]. В отличие от обыденного познания, научное познание «лишь частично может опереться на наличные формы массового практического освоения объектов», стремится к «расширению поля изучаемых объектов»

безотносительно к сегодняшним возможностям», предполагает использование специальных средств и методов и нуждается в особом языке. Различие касается и субъектов познания: субъект обыденного познания формируется в процессе социализации; научное познание предполагает специальное обучение познающего субъекта, направленное на обеспечение умения субъекта применять соответствующие средства и методы при решении научных задач и проблем [Там же].

Современная наука признаёт ценность обыденного знания и проявляет к нему интерес во всех его проявлениях (наивная география, история, медицина, метеорология, физика и т.д.), тем более что в современном обыденном сознании «наивное и научное переплетаются самым причудливым образом и различению не поддаются» [Слышкин 2001; 87]. Внимание науки к дотеоретическому знанию, нараставшее на протяжении всего XX в., В.Б. Кашкин объясняет назревшей на определенном этапе развития науки необходимостью внутри самой этой науки – «кризисом европейской науки», «потерей ее значимости для жизни» [Кашкин 2008; 30]. Одним из векторов поиска выхода из этого кризиса было «установление оснований самой науки, познания, мышления – метанаучные, метакогнитивные исследования. В психологии, например, устанавливались общие основы мышления ребенка и взрослого, примитивного и современного человека, обыденного и научного познания». Активно исследовались (главным образом в западной науке) представления о познании и способы управления собственным познанием в области изучения родного и иностранных языков, физики, химии и др. наук [Там же; 31].

2.1.2. Изучение наивной лингвистики

На фоне общего интереса науки к дотеоретическому знанию исследованию наивной (бытовой) лингвистики уделялось гораздо меньше внимания. В.Б. Кашкин объясняет это, с одной стороны, «нежеланием самого бытового сознания принять операции над самим собой за необходимость», что

связано с «парадоксом границы»: изучение не внешнего мира, а самого изучающего в гуманитарном знании приводит к тому, что, «субъект и объект гуманитарного знания – в определенном смысле – совпадают. Авторефлексия кажется пользователю языка либо ненужной («в языке все известно»), либо даже опасной (в особенности в ситуации языковых и культурных контрастов: «эти странные *не-мы*»)» [Кашкин 2008; 32]. С другой стороны, сказалась предубежденность лингвистического сообщества против «непрофессионального» взгляда на язык: «Можно упомянуть, например, иронизирование по поводу «народной этимологии», противопоставление «чистой», «настоящей» науки и прикладных разработок, лингвистики и методики преподавания языков («*курица – не птица, методика – не наука*»), языкознания и практики преподавания и применения языка и т.п.» [Там же; 33]. В результате вплоть до второй половины – последней четверти XX в. взгляды наивных пользователей на язык последовательно не изучались.

Оформлению наивной (естественной, обыденной, бытовой, народной) лингвистики как особого направления лингвистического исследования способствовала дискуссия на конференции Калифорнийского университета UCLA (University of California, Los Angeles) по поводу работы Хёнигсвальда (Н.М. Hoenigswald) «A proposal for the study of the folk-linguistics» (1966 г.), касающейся различий между тем, как люди используют язык, и тем, что они думают о своем языковом поведении и языковом поведении других [Брайт 1975]. К концу XX в. «бытовая лингвистика, повседневная философия и мифология языка, наивное представление о языке, наивная картина языка, народная лингвистика, folkmodels, beliefs, myths, Sprachbewußtheit, language awareness и т.д.» оказались в центре пристального внимания лингвистов [Кашкин 2008; 34], совпав с установлением в лингвистике антропоцентрического принципа (подробнее см. в следующем параграфе). Выделилось два основных направления изучения бытовых представлений о языке [Там же]:

1) экспериментальное направление развивалось главным образом в западной лингвистике и было направлено на исследования представлений об изучении иностранного языка («language learning beliefs»).

2) исследование лингвоконцептов, «наивной картины языка», отраженных в текстах и фольклоре, – развивалось преимущественно в отечественной лингвистике¹⁹.

Д.Ю. Полиниченко предлагает разделить термины *наивная лингвистика* и *фольк-лингвистика* (отметим, что в зарубежной лингвистике термин *folklinguistics* закрепился за методом изучения бесписьменных языков посредством получения языкового материала от информантов - носителей языка). Наивную лингвистику учёный определяет «как комплекс представлений о языке, обнаруживаемый в самой системе языка и в речи (обыденной и художественной) его носителей» [Полиниченко 2008; 41]. Это «нерефлектирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык, речь, слово, смысл, значение, говорить, молчать* и др.» [Арутюнова 2000; 7]). Из наивной лингвистики, связанной с обыденными представлениями о языке и в том числе и с собственно системой языка, выделяется своего рода «профаническую проекцию науки о языке»²⁰, которая «представляет собой промежуточную ступень между наивной сферами знания о языке и собственно наукой»; это своего рода «любительская наука»²¹. «Мы предложили назвать это течение мысли фольк-лингвистикой»²². Как наивная лингвистика, так и фольк-лингвистика является комплексом представлений о языке,

¹⁹ Ссылка В.Б. Кашкина: [Арутюнова 2000; 7-19; 23].

²⁰ Ссылка Д.Ю. Полиниченко: Клубков П.А. Взгляд на язык в истории культуры // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы междунар. конф. (2-5 февраля 2000 года). – Петрозаводск, 2000. – С. 104-110, с. 110.

²¹ Ссылка Д.Ю. Полиниченко: Голев Н.Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография. – Екатеринбург, 2003. – С.174-191. с. 178

²² Полиниченко Д. Ю. О феномене фольк-лингвистики // Информационно-коммуникативная культура: вопросы образования: сб. науч. ст. / Т.Г. Первиль, Е.В. Краснова, Т.Г. Копанева, И.М. Маевская и др. – Ростов н/Д, 2007. – С. 102-105.

противопоставляемым представлениям научного языкознания. Однако фольклорная лингвистика опирается на сознательную метаязыковую рефлексию пользователей языка и проводимые ими исследования языкового материала на доступном им уровне. <...> фольклорная лингвистика, вырастая из наивной лингвистики и не отрицая её, начинается там, где происходит осмысление собственной металингвистической деятельности, и представления о языке начинают подкрепляться самостоятельными исследованиями языковых фактов. Отсюда культурный феномен непрофессиональных лингвистических штудий, базирующихся на донаучной по своей сути методологии» [Полиниченко 2008; 41 - 42].

2.2. Обыденное и профессиональное языковое сознание в контексте проблем антропоцентричной лингвистики

2.2.1. Сущность антропоцентрического принципа в лингвистике

Ярко выраженной особенностью современной лингвистики является её антропоцентрическая направленность. Всё больше говорится о субъективности языка, роли человеческого фактора в языке, о языковой картине мира (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, Ю.Д. Апресян, Анна А. Зализняк, О.А. Корнилов, Е.С. Яковлева, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.), о языковой личности (В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, М.В. Ляпон, В.И. Седов, С.А. Сухих и др.), о языковом сознании (И.Т. Вепрева, И.Р. Гальперин, А.Н. Ростова, Н.Д. Голев, Е.И. Голованова, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, С.Е. Никитина, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.), о «координате «Я»» «как необходимой основе для всего остального» (Ю.С. Степанов), – о том, что язык антропоцентричен в своей сущности и в соответствии с этим должен изучаться.

Антропоцентрический принцип объединяет такие направления современной науки, как лингвогносеология, психолингвистика, лингвопсихология, социолингвистика, лингвосоциология, лингвопраксеология,

лингвобихевиорология, лингвокультурология, этнолингвистика (лингвоэтнология) и т.д. В соответствии с этой установкой развиваются когнитивная (связь языка, мышления, сознания) и коммуникативная лингвистика.

Открытие антропоцентрического принципа в науке не принадлежит XX в. (истоки его можно найти в трудах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ), но именно к концу XX в. он стал основополагающим. Смена подхода к языку как объекту изучения многократно отмечалась в лингвистической литературе. «Существует непреложная истина: абсолютно всё, что представлено в языках мира – от мелкой частицы до сложного предложения и многих тысяч самых различных слов, - создано человеком», - так начинается коллективная монография под названием «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира» [Роль... 1988].

Как отмечает И.Т. Вепрева, «бурные социально-политические процессы последнего десятилетия XX века коррелируют с активизацией социальной парадигмы языка. Если лингвистика середины XX века отражала сосюррианскую идею языка как «самодовлеющей сущности», изолированной от носителя языка, то теперь всеми учеными высказывается мысль об антропоцентрическом устройстве языка» [Вепрева 2005; 7]. «Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, о смене её базисной парадигматики и переходе от лингвистики «имманентной» с её установкой рассматривать «язык в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Постовалова 1988; 8]. Об этом же пишет Ю.Н. Караулов: «... ни один лингвист в наше время не будет уже сочувственно цитировать сосюрровскую мысль о том, что единственным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя. Наоборот, если этот тезис получает оценку, то теперь

только в критическом плане» [Караулов 1987; 19]. Тем не менее, в монографии 1987 г. учёный не признаёт за современной ему лингвистической наукой качеств подлинной антропологичности, поскольку, по его мнению, она занимается изучением сконструированной ею же самой модели, а не собственно человеческого языка: «В силу общей бесчеловечности современной лингвистической парадигмы место подлинного антропного фактора в ней, место антропного характера создаваемого ею образа языка занимает антропоморфический, человекоподобный, порождаемый стремлением уподобить – одушевить, оживить, очеловечить – мёртвый образ. Это стремление, естественно, приводит к фетишизации языка-механизма, языка-системы и языка-способности, к мифологическому его переживанию <...> создаётся образ бескомпромиссной системы, которая подавляет и подчиняет себе говорящего, однозначным образом ориентирует и регламентирует его выбор, сдерживая творческие возможности самовыражения и создания с помощью языка обратной проекции в мир самого этого мира, отраженного мышлением <....> система, отождествлённая с языком (образом языка), представляет собой на деле объект идеальный, поскольку она есть продукт рефлектирующего ума лингвиста, но тем не менее такая система в лингвистической парадигме рассматривается без опосредования её человеком» [Караулов 1987; 20]. В действительности же, утверждает Ю.Н. Караулов, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 1987; 7].

Ю.Н. Караулов пишет о языковой личности как об интегрирующей силе, способной объединить основные научные парадигмы предшествующих эпох (поскольку понятие языковой личности включает в себя все те фундаментальные свойства языка, на которые эти парадигмы ориентировались). Аналогично В.И. Постовалова обращает внимание на то, что антропологический принцип призван объединить разрозненные аспекты

изучения языка: «Введение антропологического принципа исследования языка позволит теоретически связать разнообразные моменты бытия языка, которые при других подходах изучались изолированно или вообще исключались из области научного рассмотрения» [Постовалова 1988; 9]. Так, последовательное проведение в жизнь антропологического принципа в лингвистике предполагает исследование следующих вопросов²³:

- 1) язык и духовная активность человека;
- 2) язык, мышление и сознание человека;
- 3) язык и физиология человека;
- 4) язык и психика индивида;
- 5) язык и культура;
- 6) язык и поведение человека;
- 7) язык и коммуникация;
- 8) язык и общество;
- 9) язык и ценности человека;
- 10) язык и познание и т.д.

Антропоцентрическая лингвистика понимает язык как «конститутивное свойство человека» [Постовалова 1988; 8]. Ср. высказывание Э. Бенвениста: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык <...> В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Бенвенист 1974; 293].

Признание языка конститутивным свойством человека предполагает, по В.И. Постоваловой, следование двум основополагающим методологическим принципам [Постовалова 1988; 8 - 11]:

- 1) познание человека невозможно без изучения языка;
- 2) понять и объяснить природу языка можно лишь исходя из человека и его мира.

²³Список по [Постовалова 1988; 9].

Таким образом, согласно В.И. Постоваловой, в фокус антропоцентрической лингвистики попадают два круга проблем:

1) определение влияния языка на человека, его мышление, культуру (языковой фактор в человеке, проблема определения функциональной природы языка);

2) определение влияния человека на язык (человеческий фактор в языке). Изучение человеческого фактора в языке непосредственно связано, в частности, с темой языковой картины мира, т.к. «понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире».

Сопоставление обыденного и научного (профессионального) языкового сознания касается двух чрезвычайно распространённых тем антропоцентричной лингвистики: языковой личности и языковой картины мира.

2.2.2. Профессиональное и обыденное языковое сознание и языковая личность

Прежде всего, языковое сознание – неотъемлемая часть языковой личности: «Как известно из психологии, главным признаком личности является наличие сознания и самосознания. Тогда главным признаком языковой личности является наличие языкового сознания и языкового самосознания» [Никитина 1989; 34]. Несмотря на то, что по оценке С.Е. Никитиной, понятие языкового сознания «весьма неопределённо» (его сближают с такими понятиями как языковая картина мира и стратегия и тактика речевого поведения), «в любом случае языковое сознание реализуется в речевом поведении. Поэтому, говоря о языковом сознании личности, мы должны иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим

типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [Никитина 1989; 34].

Подробному анализу языковой личности посвящены работы Ю.Н. Караулова. В концепции исследователя языковая личность имеет многоуровневую организацию и может быть изучена на 3 уровнях [Караулов 1987]: вербально-семантическом (слово, морфема, словоформа, дериват, словосочетание, синтаксема, синоним, управление и т.п.), когнитивном (тезаурусном - дефиниции, дескрипции, перифразы, фреймы, поговорки или пословицы, фразеологизмы, гиперонимы или гипонимы, афоризмы, концептуальные единицы) и прагматическом (мотивационном - пресуппозиции, оценка, прецедентные тексты, приемы аргументации, сценарии, планы, программа поведения). При этом исследование языковой личности в рамках научной школы Ю.Н. Караулова неотрывно от изучения языкового сознания: «Когнитивный и прагматический уровни языковой личности охватывают содержание того, что принято называть «языковым сознанием», и этот аспект изучения языковой личности, таким образом, закономерно включается в общее проблемное поле теории, делая и картину мира, и языковое сознание равноправными объектами исследования» [Научная школа Ю.Н. Караулова б/г.].

Национально-культурный аспект языковой личности анализируется в работах Ю.Н. Прохорова (например, [Прохоров 1999]), в том числе в дидактических целях - обучение иностранному языку и естественному коммуникативному поведению, принятому в языковом социуме ([Прохоров 2008], [Прохоров, Стернин 2006]).

В настоящей работе параметр профессиональной квалификации индивида становится ключевым при рассмотрении обыденного и профессионального языкового сознания. Например, языковая личность может обладать теоретически систематизированным метаязыковым сознанием при наличии соответствующей квалификации либо теоретически несистематизированным

языковым сознанием при ее отсутствии. Отсутствие лингвистической квалификации не означает отсутствия лингвистической компетенции, поскольку «сфера языковой деятельности человека выявляет настоятельную потребность в ауторефлексии: как лучше использовать язык для достижения своих целей, чем мое использование языка отличается от языка моего собеседника, чем наш язык отличается от других и т.п. Эти вопросы задают себе не только лингвисты и не столько лингвисты. До появления научной лингвистики и сейчас, наряду с ней, эти проблемы в явной, либо неявной форме решают наивные пользователи языка» [Кашкин 2008; 33].

2.2.3. Профессиональное и обыденное языковое сознание и картина мира

С другой стороны, языковое сознание связано и с особенностями конкретной картины мира. Языковая картина мира – «отношение коллективного сознания к действительности, зафиксированное в языке. Означаемые денотативной и коннотативной систем языка в совокупности с означаемыми его грамматической системы являются особой онтологией культуры – языковой картиной мира, исторически конкретным панорамным видением мира, включающим представления о его устройстве, существующую систему ценностей, мифологемы и идеологемы» [Чернейко 2007; 175]²⁴. Понятие картины мира более широко: это «абстракция более высокого уровня, за которой стоит совокупность взглядов носителей определенной культуры на мир, обуславливающих, мотивирующих их действия» [Там же], «целостный, глобальный образ мира, который возникает в результате познавательной деятельности человека, его духовного опыта в ходе тех или иных контактов с миром» [Шпильная 2008; 372], а значит, понятие картины мира может быть связано не только с национальным языком (русскоязычная, испаноязычная, англоязычная картины мира), но и с другими факторами, влияющими на

²⁴ См. там же разграничение исследовательницей понятий *коннотация, концепт, поле, картина мира, внутренняя форма языка и речи*.

восприятие мира. Так, О.А. Корнилов выделяет 5 пониманий того, что называется в научных исследованиях *картиной мира* и предлагает для них соответствующие термины (список по [Корнилов 2003; 112 – 113]):

1. НКМ (**научная картина мира**) – «инвариант научного знания человечества о мире на данном историческом этапе, результат отражения ПВК (пространственно-временного континуума) коллективным научным сознанием».

2. ННКМ (**национальная научная картина мира**) – «инвариант научного знания о мире в языковой оболочке конкретного национального языка, т. е. НКМ, запечатленная в терминосистемах (языке науки) того или иного национального языка».

3. ЯКМ (**языковая картина мира**) – «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества».

4. НЯКМ (**национальная языковая картина мира**) – «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса».

5. ИНЯКМ (**индивидуальная национальная языковая картина мира**) – «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием отдельного человека — носителя того или иного национального языка».

Для настоящего исследования актуальны понятия **национальной научной картины мира**, понимаемой как научное знание о мире, запечатленное в терминосистемах конкретного языка (русского), и **языковой картины мира** (национальной языковой картины мира), понимаемой как результат отражения действительности обыденным языковым сознанием. Еще раз подчеркнем, что научная и языковая картины мира отображают одну и ту же действительность, но представляют ее по-разному: «Общность и различия обыденной и научной модели языка обусловлены сущностными различиями

научного и обыденного познания, которые, в свою очередь, заключаются в мотивах познавательной деятельности, в характере познавательного инструментария, в способах оперирования полученными знаниями и в сферах их применения²⁵» [Ростова 2008; 49].

Мы считаем, что правомерно выделять не только национальную научную картину мира, но и членить ее по профессиональной составляющей, поскольку профессиональная принадлежность объединяет индивидуумы в социальные группы и задает определенную терминосистему, в рамках которой осуществляется категоризация мира. Релевантность принадлежности к научной группе для изучения языкового сознания объясняется тем, что «научная картина мира, как принадлежащая сознанию определенного социума, существует прежде всего на уровне языкового сознания этого социума, т.е. как вербализованная. Более того, в каждый момент исторического и реального времени на уровне коллективного сознания она, скорее всего, должна рассматриваться как некий инвариант, вариантами которого будут научные картины мира в сознании отдельных индивидуумов, получающие объективацию в научном дискурсе» [Дроздова 2011; 116].

Как отмечает Н.Н. Занегина, «положения научной картины мира обычно сформулированы в явной форме, в то время как языковая картина мира существует в опосредованной форме, не осознается носителями языка, и ее выявление входит в задачи лингвистов, поскольку лингвисты обладают необходимым для этого инструментарием» [Занегина б/г.]. Понятия обыденной картины мира (отождествляемой в лингвистической литературе с языковой картиной мира) фиксируются в толковых словарях. Понятия научной картины мира – в энциклопедических. Именно в отражении воплощенной в данном языке наивной картины мира Ю.Д. Апресян видит «сверхзадачу системной лексикографии» [Апресян 1995; II, 351].

25 Ссылка А.Н. Ростовской: Ростова А.Н. Взгляд на язык: научная и обыденная модель // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – Вып. 3 (15). – Кемерово, 2003. С. 113 – 116.

Несмотря на то, что, как констатирует В.И. Постовалова, основным вопросом в изучении темы «язык и картина мира» остаётся определение и описание роли языка в формировании различных картин мира, языковую картину мира возможно исследовать и под другим углом зрения – «каким язык предстаёт в «глазах» лингвистики, семиотики, философии, теологии, мифологии, фольклора, искусства, поэтики, обыденного сознания. Каждая из картин мира, которая в качестве отображаемого фрагмента мира представляет язык как особый феномен, задаёт своё видение языка. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может предложить лингвистике новые эвристические ходы для проникновения в природу языка и его познание» [Постовалова 1988; 11].

2.3. Сопоставление обыденного и профессионального языкового сознания на глубинном и поверхностном уровнях

В соответствии со схемой структуры языкового сознания нам представляется, что сопоставление обыденного и профессионального языкового сознания необходимо проводить на двух уровнях: глубинном уровне и поверхностном (метаязыковом) уровне.

Картина мира, отраженная в языке, является продуктом деятельности языкового сознания на глубинном уровне. Продуктом деятельности метаязыкового сознания являются метаязыковые рефлексивы.

Следует отметить, что языковое сознание специалистов в разных сферах будет рассматриваться как профессиональное или обыденное в зависимости от его уровня. Так, на глубинном уровне языковое сознание специалистов, например, медицинской сферы будет рассматриваться как профессиональное, как отражение научной (медицинской) картины мира, сформированной профессиональным мышлением на национальном языке. В то же время метаязыковые показания работников медицинской сферы должны

рассматриваться как суждения наивных лингвистов, т.е. в рамках обыденного метаязыкового сознания.

2.3.1. Глубинный уровень

К изучению языкового сознания на глубинном уровне мы относим методологию, выработанную в рамках психолингвистического направления (исследования Ю.Н. Караулова, Ю.С. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой, Г.А. Черкасовой и др.) и направленную на исследование ассоциативно-вербальной сети и реконструирование языкового тезауруса. «Языковое сознание как объект анализа позволяет уточнить представления об образах сознания, ассоциированных с телами языковых знаков и обычно называемых в лингвистике лексическими значениями, расширить наши знания о динамике развития значений слов в онтогенезе, сформировать более адекватное понимание процесса языкового общения» [Уфимцева 2011; 4].

С другой стороны, к работе с языковым сознанием на глубинном уровне мы относим исследования по реконструкции языковой картины мира. Понятие языковой картины мира обычно возводят к идеям о внутренней форме языка, высказанным В. фон Гумбольдтом и его последователями, в частности, неогумбольдтианцами (Вайсгербер и др.), а также к идеям американской этнолингвистики, главным образом, *гипотезе лингвистической относительности* Сепира – Уорфа. Подробно эти идеи изложены в п. 1.1. Для целей настоящего исследования важно представление о языковой картине мира как о результате деятельности обыденного языкового сознания [Корнилов 2003; 112]. В контексте понимания языковой картины мира как наивной картины мира, отражения обыденного языкового сознания среди современных исследований, занимающихся вопросами языковой картины мира, необходимо отметить работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, Е.В. Рахилиной, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др.

Ср., например, определение картины мира, данное А. Вежицкой: «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Вежицкая, 2000, 35]. Аналогично определение находим у Ю.Д. Апресяна: наивная картина мира – это «свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир)» [Апресян 1995; II, 350], определенный способ организации и восприятия мира, навязанный языком как обязательный всем его носителям. Он является отчасти универсальным, отчасти национально специфичным. Он «"наивен" в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Там же; 351].

Поскольку наивная картина мира «отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка», она «может быть специфичной для него в двух отношениях» [Апресян 1995; I, 57]:

1) «наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей говорящих на самых различных языках» [Там же]. Например, на основании семантического анализа слов и выражений русского языка можно сделать вывод о том, что наивной психология определяет сердце и душу как орган, где локализуются эмоции человека. Сопоставление употребления слова *высота* в обыденном языке и в понимании евклидовой геометрии обнаруживает существенное несовпадение [Там же; 58 - 59]:

<i>эвклидова геометрия</i>	<i>наивная геометрия</i>
‘перпендикуляр, опущенный из вершины геометрической фигуры на основание или его продолжение’	‘протяженность предмета снизу вверх’
1) Количество высот геометрического объекта соответствует количеству его вершин	1) Предмет имеет одну высоту
2) Высота остается высотой, даже если она лежит в горизонтальной плоскости	2) Высота тяготеет к вертикали (например, высота архитектурного сооружения в виде ромба, стоящего на одной из своих вершин)
3) Любые многоугольники и многогранники имеют высоту	3) Внутреннее устройство предмета, его форма, место крепления, соседство других тел влияют на осмысление одного из его измерений как <i>высоты</i> (ср. <i>окно узкое и высокое, но картина высокая и длинная</i>)
4) соотношение с другими линейными размерами тела неважно	4) <i>высота</i> предмета не может уступать его другим линейным размерам (иначе она, как правило, называется толщиной)

Таблица 5. Сопоставление понятия о *высоте* в рамках научной и наивной геометрии (по Ю.Д. Апресяну)

2) «наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка на котором она описывается. С «русской» точки зрения, диван имеет длину и ширину, а с «английской», по свидетельству Ч. Филмора, - длину и глубину» [Там же; 59].

Согласно Ю.Д. Апресяну, исследования наивной картины мира осуществляются в двух основных направлениях [Апресян 1995; II, 341 - 350]:

1) исследование отдельных характерных для данного языка концептов, «стереотипов» языкового и культурного сознания (для русской культуры это, например, душа, тоска, судьба, задушевность, удаль, воля (вольная), поле (чистое), даль, авось) или анализ специфических коннотаций неспецифичных концептов (например, символика цветообозначений в разных языках);

2) реконструкция целостной картины мира, отраженной в языке, на основе семантического анализа лексики.

По наблюдениям Н.Н. Занегиной, когнитивная лингвистика выработала следующие способы описания языковой картины мира: анализ лексического значения и внутренней формы слова; анализ соответствующих метафор; сопоставление со словами и словосочетаниями из других языков; построение дефектных сочетаний; анализ этимологии слова; анализ сочетаемости слова; сопоставление слова и его более нейтрального синонима; поиск различающихся оттенков значения у слов в синонимического ряду; анализ ассоциаций, связанных у носителей языка со словом; анализ наивных толкований, данных слову носителями языка; анализ путей развития метафорических переносов в поэтических текстах [Занегина б/г].

2.3.2. Метаязыковой уровень. ОМЯС

Сопоставление профессионального и обыденного метаязыкового сознания (ОМЯС) предполагает сопоставление теоретически систематизированного и теоретически несистематизированного взгляда на язык, т.е. профессиональной и наивной лингвистики: «Понятие обыденности сопоставимо с понятием научности, или в иных терминах – теоретически несистематизированное (практическое) знание сопоставляется с теоретически систематизированным (научным) знанием, лингвистика как наука – с наивной (обыденной, бытовой) лингвистикой» [Ростова 2008; 48].

В своей монографии [Ведрева 2005] констатирует обострение в последние десятилетия языковой рефлексии носителей языка, которое ученый связывает с интенсивными процессами в современном обществе (бурные социально-политические процессы, смена социальных и экономических моделей поведения): «Реформирование российской экономики, кардинальные изменения в политической жизни общества в последние десятилетия стимулировали активное переустройство в системе современного лексикона. Существенные сдвиги в словарном составе языка, интенсивность его пополнения усиливают социальную значимость метаязыковой функции языка. Для обеспечения успешной коммуникации в условиях языковой динамики говорящий эксплицитно оценивает происходящие изменения. Языковая личность в речемыслительной деятельности, направленной на «ословливание» мира, реагирует, распознает и фиксирует вербально те продуктивные характеристики слова, которые актуальны для адекватного обозначения замысла говорящего, его речевой деятельности» [Ведрева 2005; 7 - 8]. В виде схемы это можно представить следующим образом²⁶:

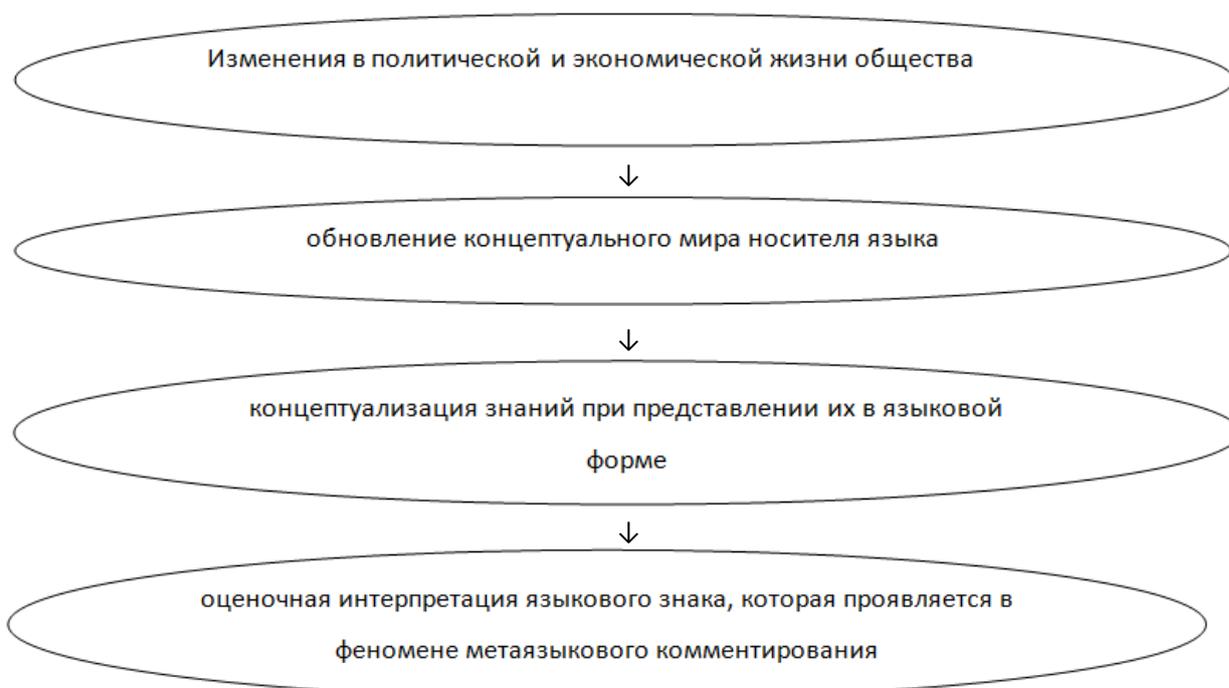

Таблица 6. Причины обострения языковой рефлексии в современном обществе (по И.Т. Ведревой)

²⁶ Схема составлена нами на основе [Ведрева 2005; 26].

Таким образом, «современная речевая действительность открывает уникальные возможности комплексного анализа метаязыкового дискурса, позволяющего рассмотреть вербализованные продукты речемыслительной деятельности как социокультурно значимую речевую деятельность, как феномен коммуникативной и концептуальной деятельности русской языковой личности на рубеже веков» [Вепрева 2005; 29].

2.3.2.1. Причины обращения лингвистов к ОМЯС. Исследователи объясняют необходимость изучения обыденного метаязыкового сознания различными причинами. Так, Н.Д. Голев в статье «Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема» рассматривает инвективную лексику русского языка и приходит к выводу, что «теоретически важно доказать правомерность опоры на обыденное метаязыковое сознание для квалификации семасиологических норм. Обыденное сознание - это не сознание второго сорта, оно в определенном смысле само является практическим языком (в его ментальном бытии). Что же касается способности слова нанести оскорбление и обиду, то те первоначальные, чувственные реакции и являются собой главную истину, ибо чувство обиды и оскорбленности как раз и является первой реакцией реципиента²⁷. Относительно практического применения таких исследований заметим следующее: оценка степени инвективности, полученная в массовом эксперименте, дает основания утверждать, что рядовые носители знают об инвективных способностях того или иного слова, чувствуют ее и, следовательно, могут нести ответственность за их употребление в актах общественной коммуникации» [Голев 2000; 41].

²⁷ Примечание Н.Д. Голева: «Данные ряда работ в области обыденного метаязыкового сознания показывают, что рядовые носители языка способны давать достаточно тонкие и адекватные оценки состоянию языка и его единиц» [Ростова, 2000]. Приведем несколько примеров (из книги А.Н. Ростовской) высказываний малограмотных жителей села о степени инвективности тех или иных слов: *А это вот тоже девчонка кака-нибудь замухрышистая. Также обидно, когда так назовут. Но это тоже жалеют, но не ласково жалеют, а так. Но это не ругательное (с. 172); Ведьма - ругательное слово, ругаются так на сварливую женщину (с. 85); Брошенка обидное слово. Может, она и не виноватая (с. 86); Ну вот тебя назови "бабенчишка", так ты обидишься; Нас (звали) "чалдонами", да еще "желтопупой". Так от кода назовут так - сразу драка (с.103); "Отродье" - можно обидно и не обидно (с. 114)» [Ростова, 2000] - Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.*

У. Брайт в статье «Введение: Параметры социолингвистики» пишет, что "народная лингвистика" «весьма привлекательна для социолингвиста. Во многих странах в народной среде наблюдается, например, тенденция смешивать понятия "высокая/низкая речь" в смысле "официальная/неофициальная" и "высокая/низкая речь" как следствие социального статуса отправителя. В таких случаях исследователь не должен попадаться на удочку "народной мудрости", принимая народную точку зрения на нечто отражающее реальное языковое поведение; в то же время он должен понимать, что народная точка зрения, взятая сама по себе, есть часть социолингвистической ситуации и заслуживает самостоятельного рассмотрения» [Брайт 1975; 37].

С.Г. Девянина обращает внимание на педагогический потенциал привлечения свидетельств обыденного метаязыкового сознания при обучении иностранным языкам: «Обращение к бытовой философии наивных пользователей способно выявлять и устранять сложившиеся в методике преподавания языка мифологемы и таким образом способствовать наиболее успешному усвоению иностранных языков. С другой стороны, именно такие «наивные» представления отчасти составляют важную часть культурных концептов, позволяют приблизиться к наиболее точному пониманию тех или иных представлений, живущих в языке, которые формируют его же носители» [Девянина 2008; 68].

В.Б. Кашкин также высказывается по этому поводу: «Что изучение наивной мифологии языка может дать чистой лингвистике? Как представляется, *оправдание* и *объяснение*. Наивные пользователи получают «лингвистическое просвещение», лингвистика делает свою науку «экологически чистой». Наконец, возможна сфера смежных интересов наивной и научной лингвистики: исследование реального употребления, факторов выбора формального набора знаков в дискурсе, предпочтений пользователя языка. Разумеется, мифологема «правил и исключений» в явной и полной

форме давно уже не разделяется официальной лингвистикой <...> исследования реальной дискурсивной деятельности (в том числе и с привлечением информантов – наивных пользователей) проводятся достаточно давно и дают интересные результаты» [Кашкин 2008; 37 - 38].

И.Т. Вепрева обосновывает интерес к ОМЯС через внимание современной науки к языковой личности и языковому самосознанию: «метаязыковой материал является ярким свидетельством русского языкового самосознания на рубеже веков, позволяет реконструировать мировоззренческие установки личности, психологическое состояние общества в разные временные периоды (перестройка и постперестройка), включается в исследовательское поле социолингвистических работ в связи с социальной обусловленностью речевого поведения современного носителя языка» [Вепрева 2005; 30], а также возможностью приблизиться к пониманию процессов речемыслительной деятельности: «Исследование вербализированной метаязыковой деятельности языковой личности позволяет «заглянуть» в «черный ящик» сознания, реконструировать различные этапы речемыслительного процесса» [Вепрева 2005; 35].

Достаточно подробно задачи и ценность изучения метаязыкового сознания рядовых носителей русского языка отражены во вступительной статье к межвузовскому сборнику научных статей «Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика» (2008 г.), написанной Н.Д. Голевым [Голев 2008; 7 – 12]. Прежде всего, изучение обыденного метаязыкового сознания имеет теоретическую значимость: «обыденное метаязыковое сознание, наивная лингвистика и лингвистическая мифология в их диалектическом единстве представляют собой системный ментально-онтологический феномен, играющий большую роль в структуре и функционировании языка и языкового сознания». Помимо этого существенна и практическая значимость подобных исследований:

1) внутренняя значимость для лингвистики. «Метаязыковое сознание уже давно служит источником для лингвистического материала, хорошо известным диалектологам, нередко его актуализирующим для интенсификации сбора материала».

2) значимость, направленная во внешние для лингвистики сферы, например, на школьное образование: «...метаязыковое сознание, характерное для рядовых носителей русского языка, не только зависит от школьного курса русского языка, но и во многом само определяет его содержание; такая же взаимосвязь наблюдается у метаязыкового сознания с языковым строительством (например, орфографическими реформами)».

В соответствии с положениями Н.Д. Голева, «обыденная лингвистика и металингвистика занимают центральное положение в лингвистической гносеологии, работы в этой области имеют прямой выход в лингводидактику и языковое строительство». Гносеологическая ценность изучения метаязыковой деятельности связана с тем, что «метаязыковое сознание является важнейшим узлом системных связей языка как имманентного (системно-знакового), социального и ментального явления, выходящего в широкие (а точнее - безграничные) гносеологические пространства. В частности, наивная лингвистика стоит в парадигме других «наивных дисциплин»: наивной философии, истории, педагогики, юриспруденции, биологии, астрономии, медицины, наивного литературоведения, естествознания и т. д. – в каждой из наук есть момент присутствия обыденного фактора и в генезисе этих наук, и в их функционировании – то есть в сфере освоения научных знаний обыденным сознанием. Представляется важным гносеологический вопрос о том, почему лингвистика до сих пор не имеет в зоне своих актуальных задач решение разнообразных проблем функционирования научных понятий и шире – знаний – в обыденном метаязыковом сознании. Даже в простейшем варианте – освоения обыденным сознанием научных терминов - эта проблема предстает как исключительно значимая для образования, законодательства, науки,

публицистики, политико-государственной риторики». Онтологическая роль метаязыкового сознания проявляется в «наличии в данной когнитивной области разных наук языковой и метаязыковой составляющих, которые обнаруживаются в факте существования наивных элементов знания о любой предметной сфере, воплощенных в языковой форме и выступающих как ее (формы) содержание - семантическое, концептное, лексикографическое и т.п. Обыденное метаязыковое сознание занимает не периферийное положение в ментальной сфере языка, как раз напротив – оно составляет ядерный компонент ментально-языковой ситуации в современной России, поскольку с ним связан механизм синтеза онтологического и гносеологического бытия языка».

Наконец, метаязыковое сознание связано с процессами языкового строительства, в частности с идеей реформирования правописания, «когда активность метаязыкового сознания широких слоев носителей русского языка достигает наиболее высокого уровня и обнаруживает себя во всей полноте и глубине. Весьма характерными являются и проявления русской метаязыковой ментальности в общественных и научных дискуссиях по поводу судьбы русского языка, его «порчи», необходимости борьбы за чистоту и т.п. Нередко в накале этих дискуссий профессиональная наука органично сливается с обыденными представлениями о языковом строительстве и не отделяется от них концептуально».

2.3.2.2. Аспекты изучения ОМЯС. В отечественной лингвистике обыденные представления о языке до недавнего времени были преимущественно объектом диалектологических исследований (О.И. Блинова, А.Н. Ростова, В.Д. Лютикова, С.Е. Никитина и др.). Подобные исследования направлены на изучение речи «людей устной культуры с необученным языковым сознанием, малограмотных носителей традиционного слоя диалекта» [Ростова 2000; 48], поскольку «в народных говорах заключен значительный пласт представлений народной культуры о языке и речевой деятельности» [Ведрева 2005; 28]. Однако в последние годы обыденное метаязыковое

сознание привлекает все большее внимание лингвистов, расширяется диапазон «информантов» (исследователи обращаются «обыденному сознанию «так называемых средних носителей русского языка»²⁸, обычного человека — «наивного лингвиста»²⁹, «природного лингвиста»³⁰, носителей живой современной речи³¹, писательскому метаязыковому сознанию³², к обыденному сознанию нелингвистов, представителей разных нефилологических специальностей — юристов³³, журналистов³⁴, политиков³⁵) [Вепрева 2005; 27 - 28], развитию метаязыковых способностей у детей (Т. Тульвисте)), разрабатываются новые направления и задачи исследования. Например, В.Б. Кашкин видит 10 задач, стоящих перед изучением бытовой лингвистики, в том числе исследование «вербализованных и невербализованных представлений о языке, проявляющихся через выбор наивного пользователя в пользу того или иного оформления своего речедействия», «статических представлений о том, что такое язык и как он устроен, и динамических, процедурных, технологических представлений и собственно приемов и действий наивных пользователей»; осуществление типологической классификации наивных представлений о языке; рассмотрение «соотношения научных понятий о языке и бытовых представлений в сознании одного индивида с учетом возрастной динамики и гендерных различий, вероятно, также и профессиональных, возможно, и других общественно маркированных различий (студент – преподаватель; переводчик-дилетант – переводчик-профессионал – переводовед и т.п.)»; работа по обоснованию единой исходной базы для исследования «мифологем языка, выявленных в анализе текстов (вербализованных и «застывших» мифологем) и в экспериментальном

²⁸ Ссылка И.Т. Вепревой: [Кестер-Тома, 1998, 8]

²⁹ Ссылка И.Т. Вепревой:[Норман, 1994, 5]

³⁰ Ссылка И.Т. Вепревой:[Виноградов, 1995, 34]

³¹ Ссылка И.Т. Вепревой:[Костомаров, Шварцкопф, 1966; Шварцкопф, 1970, 1971, 1988, 1996;Булыгина, Шмелев, 1998; Шмелева, 1999; Вепрева, 1997, 1998, 2000в; Шаймиев, 1999; Кормилицына, 1998]

³² Ссылка И.Т. Вепревой:[Ляпон, 1989, 1992, 1995, 1998]

³³ Ссылка И.Т. Вепревой:[Лебедева, 2000; Голев, 2000; Осипов, 2000]

³⁴ Ссылка И.Т. Вепревой:[Васильев, 2000; Вепрева, 2000а, 2000б]

³⁵ Ссылка И.Т. Вепревой: [Шейгал, 2000]

исследовании с привлечением самих наивных пользователей – респондентов»; целенаправленное и доказательное сопоставление в отдельном исследовании «представления о языке и его изучении с представлениями из других сфер человеческого знания и познания» и т.п. [Кашкин 2008; 35 - 36].

2.3.2.3. Взаимодействие обыденного и профессионального метаязыкового сознания. Несмотря на фиксируемые конфликты между обыденной и профессиональной лингвистикой (явления, классифицируемые Д.Ю. Полиниченко как фольк-лингвистика, например, изыскания М.Н. Задорнова и др. наивных лингвистов, выстраивающих целые теории и активно их пропояндирующих, реакция профессиональных лингвистов, например, [Зализняк 2009]; а также встречающееся в обыденном сознании восприятие лингвистики как не-науки, комментируемое, в частности, В.Б. Кашкиным: «...наука о языке – явление повседневное, в отличие, например, от «квантов» или «ДНК» – для «человека с улицы» представляется пустой тратой времени, изучением того, что «давно всем известно» (это цитата из интервью с одним из респондентов)» [Кашкин 2008; 28]), исследователи неоднократно отмечали общность задач обыденной и профессиональной лингвистики. Так, в интерпретации С.Е. Никитиной языковое самосознание, т.е. метаязыковое сознание в терминологии, принятой в данной диссертации, - это «способность квалифицировать и интерпретировать элементы языкового сознания» [Никитина 1989; 35], при этом исследователь акцентирует внимание на том, что «этим же занимается лингвистика, содержанием которой является научное осознание и описание языкового сознания» [Там же].

Обыденное и профессиональное языковое сознание имеют общий объект рефлексии, но используют различные методы: и то, и другое «отражает одну и ту же языковую действительность, но отражает по-разному и функционирует в разных сферах деятельности. Научные знания — это результат профессиональной познавательной деятельности, а обыденные знания

формируются в повседневной речевой практике и представляют собой донаучный взгляд на язык. Безусловно, обыденные метаязыковые знания дополняются отдельными научными сведениями в рамках школьного и вузовского (непрофессионального) образования, языковой политики общества, но эти знания не имеют системного характера» [Ведрева 2005; 55].

В связи с этим стоит обратить внимание, что в современной науке ставится под сомнение существование наивного сознания в чистом виде: «С одной стороны, неизбежное для современного человека знакомство с самыми общими основами главных отраслей знания сделало невозможным существование наивного сознания в чистом виде. С другой же стороны, узкоспециальные ориентации современной науки, слабость общенаучного синтеза и недостатки системы образования позволяют человеку полностью освободиться от наивных элементов сознания лишь в очень узкой научной сфере (так, например, профессиональный химик свободен от наивно-химических представлений). Поэтому, говоря сегодня о наивном сознании, мы должны противопоставлять ему не научное, но профессиональное» [Слышкин 2001].

В то же время профессиональное сознание лингвиста тесно связано с наивным языковым сознанием. В.О. Макавчик, рассуждая об отличиях позиции лингвиста и наивного говорящего, вслед за А.А. Белобородовым указывает на отличительную черту языкового сознания лингвиста - способность «соединять в себе позиции компетентного исследователя и наивного носителя языка, т.е. помимо знания, как использовать языковые знаки (говорящий), [лингвист] может использовать свои знания о системе языка (исследователь)». При этом «как говорящий на языке лингвист остается наивным, поскольку использование языковых единиц в его речевой практике только весьма отдаленно влияет на его научную картину мира и наоборот (это оправдывает применение метода интроспекции в лингвистических исследованиях)» [Макавчик 2008; 113]. Таким образом, лингвист оказывается несвободным и от наивной картины мира:

«Наивность представлений (наивная лингвистика) носителя языка заканчивается тогда, когда полученные факты, рефлексии языковой личности имеют отношение к реальному функционированию языковых единиц в речевой практике говорящего. Однако эти факты используются лингвистом для построения «наивной» языковой картины мира, присущей всем членам языкового коллектива, не исключая лингвистов. И для построения этой «наивной» языковой картины мира требуется профессионализм лингвистов, поскольку нужен материал, полученный от самих рядовых носителей языка в плане функционирования слов, а не размышлений “о”» [Там же; 114].

Оценка обыденной метаязыковой рефлексии профессиональными лингвистами двойственна: с одной стороны, говорится о «несистематичности, неполноценности обыденного сознания в силу неглубокого проникновения в существо отражаемых процессов, не критичности в отношении собственных продуктов, эмоциональности и пристрастности, мешающих объективной оценке происходящего³⁶» [Вепрева 2005; 56]; с другой – «по мере развития науки обыденное сознание наделяется достоинством некоторой беспредельности и широты, так как находится в живом контакте с миром, на стороне непосредственного переживания усматривается подлинность и достоверность» [Там же]. В целом в работах, посвященных исследованию обыденного метаязыкового сознания «подчеркивается архаическая наивность и мифологичность метаязыкового мышления (орудийный подход к языку, неприятие саморазвития и самоизменения языка, воспринимаемые как порча и искажение, стихийный антиисторизм, литературоцентризм, орфографоцентризм, канонизация отдельных лингвистических феноменов и разделов в ущерб признанию других, более значимых, и др.)³⁷» [Там же]. Однако, «ученые тем не менее сходятся во мнении, что эти точки зрения целесообразно соотнести друг с другом, так как «иногда неискушенные носители языка поражают точностью своих метаязыковых комментариев —

³⁶ Ссылка И.Т. Вепревой: [см.: Кузьмина, 1978, 192].

³⁷ Ссылка И.Т. Вепревой: [Лебедева, 2000, 56—57]

настолько, что «стихийная лингвистика» оказывается чрезвычайно близка „научной лингвистике“³⁸» [Там же; 56].

³⁸ Ссылка И.Т. Вепревой: [Булгына, Шмелев, 2000, 14]

ГЛАВА 3. ТЕРМИНОЛОГИЯ В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Терминоведение является актуальной областью современной лингвистики, прежде всего благодаря своей очевидной практической направленности. Активно разрабатывается прикладной аспект (принципы и методы терминоведения, упорядочения и нормализации терминологий), также весьма обширна литература в области теоретического терминоведения. Между тем в свете современного антропоцентрического подхода в науке в терминоведческих исследованиях невозможно не учитывать сознание познающего субъекта, т.е. создателя и пользователя терминологии.

Настоящая глава имеет целью рассмотрение возможностей анализа терминологии с точки зрения языкового сознания, причем не только языкового сознания специалиста, но и с точки зрения обыденного сознания, сталкивающегося с терминологией. В главе теоретически обосновываются принципы исследования терминологии в свете противопоставления обыденного и профессионального языкового сознания в соответствии с моделью языкового сознания, предложенной в первой главе.

3.1. Терминология и языковое сознание

3.1.1. Терминология как отражение профессионального языкового сознания, его соотношение и взаимодействие с обыденным языковым сознанием

Важнейшим свойством термина как ключевой единицы терминологии является способность отражать научное понятие, т.е. участвовать в построении научной картины мира: «Термин, будучи знаком языка науки, выступает специфической ментальной репрезентацией; совокупность всех концептуально-терминных репрезентаций формирует концептуальную модель научной картины мира» [Буянова 2013; 8]. «Термин является вербализованным результатам профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным

средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации» [Голованова 2011; 58]. В связи с таким подходом к пониманию термина в последнее время исследователи (С.В. Гринев-Гриневиц, В.М. Лейчик, В.Ф. Новодранова, Е.И. Голованова, Э.А. Сорокина и др.), стали говорить о начале нового этапа в терминоведении – когнитивного, фокусирующегося на когнитивной деятельности специалиста и роли термина в процессах познания и мышления.

Термин, отражая концептосферу определенной области знания, становится выражением профессионального сознания, научной картины мира. Поскольку термин, как и любая лексическая единица, имеет не только предметно-логическое содержание, но и языковое выражение, т.е. является единицей того или иного языка, мы придерживаемся мнения, что целесообразно выделять национальную научную картину мира – «инвариант научного знания о мире в языковой оболочке конкретного национального языка, т.е. НКМ [научную картину мира], запечатленную в терминосистемах (языкенауки) того или иного национального языка» [Корнилов 2003; 112]. Таким образом, термин отражает не только профессиональное сознание, но и профессиональное языковое сознание определенной группы и предоставляет возможность рассмотрения его на глубинном уровне (в рамках национальной научной картины мира).

Профессиональное языковое сознание отличается от обыденного языкового сознания неспециалистов в конкретной области знания, т.к. различия в опыте (знакомство с той или иной системой знаний и терминов) накладывают различия в восприятии. Например, лексема *мигрень* для специалиста в медицинской сфере и человека без медицинского образования, как будет подробно описано в главе 5, означает различные вещи, ср.: *Я-то, признаться, раньше думала, что «мигрень» — это просто научное название головной боли. Ну, то есть все, что болит выше нижней челюсти, — это мигрень*

[Аргументы и факты, gazeta.aif.ru/online], что для профессионально медицинского языкового сознания, безусловно, неприемлемо, поскольку оно вписывает мигрень в четкую систему терминов наряду с другими типами головной боли и не всякая «мигрень» в интерпретации рядового носителя русского языка будет классифицирована как таковая профессиональным медиком (профессиональным медицинским языковым сознанием). С другой стороны, для профессионального медицинского языкового сознания существует абдоминальная мигрень, т.е. связанная с болью в животе, и «обезглавленная мигрень» - мигрень без головной боли, не известные обыденному языковому сознанию и, соответственно не распознаваемые им как мигрень.

Аналогично, в профессиональном медицинском и обыденном языковом сознании не совпадает понятие о *психозе*. Если в профессиональном медицинском сознании психоз – серьезное душевное заболевание (*«крайняя степень фрагментирования личности»*) [В. Зелинский. Словарь аналитической психологии], *«глубокое расстройство психики, проявляющееся в нарушении отражения реального мира, возможности его познания, в изменении поведения, возникновении не свойственных нормальной психике явлений (галлюцинаций, бред, нарушения памяти и мышления, психомоторные расстройства, аффективные нарушения и др.»* [В.П. Дудьев. Психомоторика: словарь справочник]), то в обыденном сознании происходит расширение значения: как правило, слово употребляется в зафиксированном в МАС значении «та или иная ненормальность, странность в психике человека» [Словарь русского языка 1999]. Ср. иллюстрацию из Словаря Ушакова [Толковый словарь русского языка 1939]: *Каждое увлечение доходит у него до психоза*. В этом употреблении сохраняются семы *‘крайняя степень проявления признака’* и *‘ненормальность’*, но уходит сема *‘болезнь/заболевание/нарушение’*. Например: *Моцарт не мог не быть Моцартом в этой благословенной Богом стране! А мой психоз — чистота! Я*

впервые вижу, чтобы прислуга выносила постельное белье после сна на балкон проветривать! [Т. Окуневская. Татьянин день (1998)]. Психоз приближается по значению к заикленности на чем-либо и, как следствие, странности в поведении, предпочтениях – но в рамках адекватности в целом.

Более того, в контекстах, не принадлежащих профессиональному медицинскому дискурсу, происходит метафоризация исходного значения – слово начинает использоваться как характеризующее общее настроение, атмосферу. Характерно, что в таких контекстах существительное *психоз* синтагматически может сочетаться с прилагательным *массовый* (из 160 найденных документов, 19 содержали словосочетание *массовый психоз*), которое само по себе противоречит представлению о серьезности психического нарушения, существенному для профессионального языкового сознания. Анализ языкового материала показывает, что в публицистических и художественных текстах, классифицируемых в данной работе как отражающие обыденное языковое сознание, психоз используется в значении *истерия, ажиотаж, массовая склонность и интерес к чему-либо*:

А вот в школе где я учился — игры на деньги — вообще были как какое-то массовое наваждение и психоз среди учеников [Обсуждение фильма «Уроки французского» (1978) (2007-2011)];

Люди отказывались лечиться у еврейских врачей, начался массовый психоз страха отравления и порчи... [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого];

Я вижу здесь массовый психоз на тему избранности американской нации и поиск подтверждений такой избранности [«Синие» дети // «Наука и жизнь», 2008];

Вместо объяснения предлагается старая сказка про белого бычка: биржевой пузырь, массовый психоз, истерия необразованных вкладчиков, подрывная роль средств информации, скрывающих от трудящихся правду о реальном экономическом положении дел. [С. Голубицкий. Преодоление виртуальности (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.16];

Меня поражает сегодняшний массовый психоз по поводу так называемой «вошебной» литературы. [Светлана Врагова: Через театр произойдет возвращение к литературе (2002) // «Витрина читающей России», 2002.08.02]

Массовый психоз поразил всех — от детсадовцев до многодетных матерей и отцов семейства [Н. Барановская. Невероятные усилия любви. Подарки ко дню всех влюбленных продаются в зоомагазине (2003) // «Известия», 2003.02.10] и т.д.

Так же, как «обезглавленная» мигрень (мигрень без головной боли) — нечто невозможное для обыденного языкового сознания, массовый психоз детсадовцев в последнем примере — явление на грани фантастики, если воспринимать это сочетание с позиций профессионального медицинского сознания.

Однако следует учитывать, что профессиональное языковое сознание в определенной степени базируется на обыденном (общенациональном) языковом сознании (хотя, конечно, с ним не совпадает), потому что знакомство с языком и включение индивида в языковую картину мира происходит значительно раньше, чем получение специальных знаний — профессиональная надстройка накладывается на пласт лексики, используемой всеми носителями языка. Это значит, что профессиональный медик, прочитав предложение о массовом психозе, сможет идентифицировать *психоз* в нетерминологическом значении, опираясь на общенациональный пласт в своем языковом сознании, и коммуникативной неудачи вследствие соприкосновения обыденного и профессионального языкового сознания не произойдет. Как отмечает Е.И. Голованова, в реальности «между двумя глобальными сферами жизнедеятельности человека — бытовой и социально обусловленной профессиональной — нет непроходимых границ. Более того, они взаимосвязаны и взаимообусловлены, что объясняется целостностью человеческой личности <...> По мере “о-своения” человеком профессионального пространства он

переносит свое личное восприятие на внешний мир – в рамках, которые допускаются условиями осуществления деятельности, и, наоборот, сфера профессиональной коммуникации накладывает отпечаток на сферу бытового общения индивидуума (что проявляется в использовании характерных профессиональных слов, выражений и в актуализации стоящих за ними смыслов, а также в реализации свойственных данной сфере способов интерпретации объектов и отношений)» [Голованова 2011; 52 - 53].

Отметим, что мы рассматриваем как отражение профессионального языкового сознания не только собственно термины, но и профессионализмы. В.Ф. Новодранова, рассматривая соотношение обыденного и научного знания в профессиональной коммуникации, подходит к этому вопросу с других позиций, противопоставляя собственно термины и профессионализмы с точки зрения способа отражения действительности – чувственного или рационального, которое соответствует обыденному или научному знанию. Согласно В.Ф. Новодрановой в профессионализме «объективируются вместе с научными обыденные знания, полученные в чувственном, обыденном восприятии мира» [Новодранова 2008; 636], и «хотя исторически обыденное знание предшествовало научному, в современной научной и языковой картине мира они сосуществуют и взаимодействуют, дополняя друг друга. Различие между ними заключается в различных способах отражения действительности – чувственном и рациональном, что находит отражение в мотивационных признаках номинации: в основе терминов и профессионализмов, отражающих обыденно восприятие, лежит чувственное освоение действительности, а в основе терминов, отражающих научные ментальные процессы, лежит рациональное освоение окружающего мира» [Там же; 637]. В концепции настоящего исследования мы относим профессионализмы к профессиональному языковому сознанию, поскольку они являются единицами речи носителей профессионального знания. Так, упоминаемые В.Ф. Новодрановой как профессионализмы *заячья губа* и *бычье сердце* ни о чем не

скажут людям без медицинского образования, не сталкивающимся с обозначаемыми ими проблемами. Последнее может вызвать ассоциации с сортом помидоров, но не с увеличением размера сердца человека.

Методологически здесь принципиально важно разграничивать сферы, как правило, не имеющие точек взаимодействия с обыденным сознанием (например, ядерная физика), где общение происходит исключительно между специалистами внутри сферы (сугубо профессиональный либо обучающий дискурс), и сферы, имеющие выход на «потребителя»-неспециалиста (такие как, например, компьютерная, медицинская сферы). Так, практикующий медик должен общаться с пациентами-неспециалистами и, обладая профессионально медицинским языковым сознанием, определенным образом организующим его восприятие в системе терминов медицины, объяснять медицинские проблемы на языке, понятном обыденному языковому сознанию. С другой стороны, он должен «перекодировать» изложение пациентом симптомов на язык медицинских классификаций. Не случайно в последнее время на Западе ведутся исследования и готовятся специалисты в области нарративной медицины, одним из важнейших объектов которой является непосредственное общение доктора и пациента ([Charon 2006], [Mehl-Madrona 2007], <http://narrativmedicineng.wordpress.com/>, <http://www.narrativemedicine.org/> и др.). В таких случаях взаимодействие обыденного и профессионального языкового сознания представляет собой сложный процесс, также интересный для лингвистического рассмотрения.

3.1.2. Терминология как объект метаязыковой рефлексии

Языковая природа термина обуславливает интерес к терминологии в аспекте изучения метаязыкового сознания, как теоретически несистематизированного, так и систематизированного, профессионального лингвистического. Хотя вопрос о соотношении терминологии и литературного языка является спорным, не подвергается сомнению то, что терминология является пластом лексики национального языка, а значит, она становится

объектом метаязыковой рефлексии лингвистов-терминологов, так же как и «заинтересованных лиц» - самих специалистов той или иной области, представляющих обыденное метаязыковое сознание.

Обыденное метаязыковое сознание активно изучается в современных исследованиях (см. коллективные монографии «Обыденное языковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты», работы А.Н. Ростовской, Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой и др.) и приобретает черты отдельного лингвистического направления. Однако еще раз подчеркнем, что согласно разработанной модели языкового сознания, оно должно рассматриваться как профессиональное или обыденное в зависимости от его уровня (глубинного или поверхностного, метаязыкового). Иными словами, на метаязыковом уровне под обыденным понимается языковое сознание наивных лингвистов (но профессионалов в своей области) и под профессиональным – языковое сознание профессиональных лингвистов, а в применении к терминологии – профессиональных терминологов.

Рассмотрим, например, метаязыковой комментарий в статье по психиатрии по поводу терминов *психоз* и *невроз* [Психоз и невроз // <http://www.psyportal.net/51/psixoz-i-nevroz/>]:

*Термин **Психоз** относится главным образом к более тяжелым формам психического заболевания, например к органическим психическим расстройствам, шизофрении, аффективным расстройствам и т.п. Для уточнения определения этого термина предлагалось множество различных критериев. Очевидно, что было бы естественно использовать в качестве критерия такой признак, как более высокая степень тяжести, однако состояния, выделяемые в одну группу по этому принципу, могут наблюдаться как при тяжелых, так и при легких формах заболевания. Неоднократно рекомендовалось принять за основной критерий психоза отсутствие адекватного осознания психического расстройства, но это понятие само по себе трудно поддается определению (см. с.32). Более простым критерием*

является неспособность отделить субъективное переживание от реальности, о чем свидетельствуют галлюцинации и бред. Поскольку применение любого из этих трех критериев сопряжено с определенными трудностями, термин «психоз» нельзя признать удовлетворительным. Однако его использование нежелательно не только из-за сложности дефиниции. Существуют и две другие причины: во-первых, состояния, обозначаемые этим термином, имеют между собой мало общего; во-вторых, классифицировать то или иное расстройство как психоз — менее информативно, чем идентифицировать его как определенное расстройство (например, как шизофрению), представляющее собой частный случай в рамках более широкого понятия психоза.

Для метаязыкового сознания специалиста в области психиатрии важна дефинированность термина: он пытается определить четкие критерии, согласно которым то или иное состояние можно классифицировать как психоз (более высокая степень тяжести, отсутствие адекватного осознания психического расстройства, неспособность отделить субъективные переживания от реальности); убедившись в отсутствии определенной дефиниции у самих этих критериев, определяющих понятие психоза в профессиональном медицинском языковом сознании, он делает вывод о нецелесообразности использования этого термина для классификации болезней. Рефлексия по поводу информативности термина и употреблению терминов, находящихся в гипогиперонимических отношениях можно отнести к требованию точности термина, выдвигаемому также и профессиональными терминологами.

Несмотря на неточность термина, оправдывается его применение в повседневной практике: *«...он удобен для обозначения расстройств, которые из-за недостатка данных не могут быть диагностированы более точно, — например, в тех случаях, когда еще неясно, является ли психическое расстройство шизофренией или манией. Для аналогичных целей полезно сохранить и такие терминологические сочетания, как «психотические*

расстройства, нигде более не классифицируемые» (в DSM-III-R), «острые и транзиторные психотические расстройства» (в МКБ-10). Наконец, прилагательное «психотический», производное от слова «психоз», также достаточно широко употребляется, в частности в терминологических сочетаниях «психотический симптом» (это выражение обычно используется для обозначения бреда, галлюцинаций и возбуждения) и «антипсихотический препарат» (подразумевается фармакологическое средство, контролирующее указанные симптомы)» [Там же].

Рефлексия по поводу термина *невроз* аналогична по содержанию: к термину выдвигаются те же «претензии» (отсутствие однозначного определения, разнородность явлений, которые он охватывает, не позволяет выделить общий денотат, неинформативность): «Термин **Невроз** относят к расстройствам психической деятельности, в общем менее тяжелым, чем психозы, и характеризующимся симптомами, более близкими к нормальным ощущениям (например, тревожное состояние). Об истории термина говорится на с. 117; сейчас нас интересует его значение в классификации. Возражения по поводу данного термина аналогичны изложенным при рассмотрении термина «психоз». Первое: *невроз* труден для определения (см. с. 118); второе: состояния, которые он охватывает, имеют между собой мало общего; третье: более определенная формулировка диагноза (например, тревожное расстройство или обсессивное расстройство) несет больше информации» [Там же].

Зафиксированные случаи исторически неправильного употребления термина не расцениваются как препятствие для его использования в практике («в качестве удобного обозначения для расстройств, не поддающихся более точному диагнозу»): «Если негативное отношение к термину «*невроз*» обусловлено только подобными случаями неадекватного употребления, было бы целесообразнее принять меры для обеспечения правильного применения термина, чем отказываться от него» [Там же].

Правомерность использования термина также зависит от его включенности в нормативные классификации (его кодифицированности): *«тем не менее термин «невроз» не используется в американских системах классификации DSM-III и DSM-III-R. В МКБ-10 он сохранен в форме прилагательного в заголовке раздела «невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства».*

В некоторых областях российской науки (таких как экономическая или компьютерная) сложилась особенно проблемная терминологическая ситуация (подробнее см. п. 3.2), которая также провоцирует метаязыковую рефлексию как со стороны лингвистов, так и со стороны пользователей терминологий по поводу терминологических проблем и определению того, каким должен быть термин. Многочисленные примеры обыденной метаязыковой рефлексии находим в Интернете на специальных форумах, организующих целые дискуссии, посвященные выбору оптимального варианта термина. Например, активно обсуждаются терминологические проблемы в компьютерной сфере³⁹:

«Господа, обращаюсь к вам с большой-прибольшой просьбой! Возможно стоит, уже, определиться с терминологией которую мы используем, в наших статьях и комментариях на тему Интернета и всего что с ним связано. Я, например, в своих текстах стараюсь использовать как можно меньше англицизмов, и разного рода заимствований. Да, зачастую в русском языке по-просту отсутствуют необходимые термины, но ведь во многих случаях виной всему наша лень и банальное желание употребить словечко по-моднее. Мне хотелось бы заявить тем, кто злоупотребляет новомодными заимствованными словечками: от того, что вы эти словечки используете, ваш текст не выглядит более профессиональным или страшно умным, наоборот, от их обилия, ваш текст выглядит корявым и неряшливым». («О бедной терминологии замолвите слово», <http://habrahabr.ru/tag/англиц/>).

³⁹Здесь и далее цитаты приводятся с соблюдением орфографии и пунктуации источника.

Обеспокоенность терминологической ситуацией наталкивает пользователя на попытку анализа профессиональных текстов и своих представлений о том, какими эти тексты должны быть, и поиска причин несоответствия существующей ситуации мыслимому идеалу. В частности, во многих комментариях затрагивается проблема заимствования в терминологии и целесообразности перевода англоязычной терминологии на русский язык, причем одни пользователи считают англицизмы нежелательным явлением, затрудняющим профессиональную коммуникацию, другие не видят необходимости в критерии связности, выдвигаемом профессиональными терминологами:

«Я просто прошу мне объяснить смысл перевода всех терминов на русский? Традиционно есть отрасли науки и производства где терминология не переводится (взять ту же медицину где латынь используется по всему миру). ИМХО компьютеры, сети и их безопасность как раз из той оперы», или *«Давайте слово "exploit" поставим в один ряд со словами "сканер", "принтер", "драйвер" (мы же не говорим "изучатель", "распечатыватель", "водитель"), то есть не будем его переводить...»* (<http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3676/>, «Переводим слово "exploit"»).

Анализ подобной метаязыковой рефлексии интересен с точки зрения выявления отношения обыденного метаязыкового сознания, т.е. неспециалистов по русскому языку, к актуальным терминологическим проблемам (заимствования в терминологии, требования к термину) и к языковым нормам. Метаязыковые рефлексивы предоставляют возможность выявить, какая номинация в понимании профессионалов в своей области, но наивных лингвистов является «хорошим» термином и сопоставить это видение с требованиями, выдвигаемыми профессиональными лингвистами-терминологами. Так, в результате рассмотрение метаязыковой рефлексии компьютерных специалистов выяснилось, что среди самых важных критериев они отмечают однозначность, простоту и понятность, благозвучность,

лингвистическую правильность, своязычность, наряду с этим большое значение для пользователей имеет мотивированность, в то время как требование независимости от контекста оказывается спорным (подробнее см. главу 4).

3.1.3. Терминологическая деятельность как взаимодействие разных типов и уровней языкового сознания

Другим аспектом, интересным с точки зрения изучения языкового сознания, является терминологическая деятельность, то есть работа по созданию и нормализации терминосистем – упорядоченных систем терминов определенной области знания. Еще А.А. Реформатский говорил о том, что термин принадлежит двум разным системам: логосу и лексису. Впоследствии В.М. Лейчик и А.В. Суперанская уточняли это положение, разделяя логос на собственно логику, логическое осмысление и конкретное предметное знание: «Если быть точным, то термин является слугой трёх господ: языка, «логики» как общих закономерностей формулирования понятий и их определений и той предметной области, к которой этот термин относится» [Лейчик 1986; 88], «Необходимо всё время помнить о триединой основе термина: предметное знание, логическое осмысление и языковое выражение. Иными словами: лингвисту в терминологической деятельности принадлежит лишь одна треть работы, но чрезвычайно важная» [Суперанская, Подольская, Васильева 1989; 17]. В соответствии с этим существенная роль при формировании и упорядочении терминосистемы принадлежит, конечно, специалистам-предметникам, носителям предметно-логического знания. Характерно, что первые отечественные терминологии Д.С. Лотте и Э.К. Дрезен были инженерами, а не лингвистами и «вплоть до середины 1970-х гг. в терминоведении существовало два почти не соприкасавшихся направления исследований – языковедческое и инженерно-практическое. Возможно, одной из причин этого послужило убеждение языковедов (идушее еще от А.А. Потебни), что содержательные вопросы терминологии относятся к специальным знаниям и не могут рассматриваться лингвистами, которые

преимущественно должны ограничиваться вопросами структуры и образования терминов <...> хотя практика показала, что они вполне способны успешно выявлять и формировать понятийные системы» [Гринев-Гриневиц 2008; 261]. В Комитете научно-технической терминологии АН СССР терминологические исследования, результатом которых стали «Руководство по разработке и упорядочению научно-технической терминологии (1952), «Как работать над терминологией: основы и методы» (1968) проводились совместно инженерами (А.М. Терпигорев, В.С. Кулебякин, В.И. Сифоров, Н.К. Сухов, С.И. Коршунов, И.Е. Ожигов, К.А. Климовицкий), логиками (Г.Г. Самбутова, В.Ф. Журавлев) и лингвистами (Э.А. Натансон, Т.Л. Канделаки)⁴⁰.

Несмотря на то, что в современной ситуации роль профессиональных лингвистов-терминологов при формировании терминосистем, как правило, сводится к минимуму, сами специалисты, как показывает анализ комментариев, посвященных переводу иноязычных терминов на русский язык, видят пользу в их привлечении: *«Мнение кафедры Днепрпетровского университета [имеется в виду кафедра Компьютерных технологий при Днепрпетровском национальном университете] я всячески уважаю, только хорошо бы ещё была привлечена кафедра русского языка, если такая имеется»* (дискуссия «Переводим слово “entity”», <http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3985/>). Или ср. следующее размышление по поводу разработки терминологии из письма в редакцию журнала «Наука и Жизнь» Ю.Е. Купцова (кандидат технических наук, в прошлом ведущий научный сотрудник Всероссийского института железнодорожного транспорта): *«...рождение терминов - явление не только в конкретной области науки, но и в современном языке. В их разработках совершенно необходимо участие как специалистов в этих областях и при этом не лишенных чувства стиля и красоты языка, так и квалифицированных лингвистов, специалистов в области современного живого русского языка и, главное, разумно относящихся к узусу - принятому употреблению слов и*

⁴⁰ Данные С.В. Гринева-Гриневица [Гринев-Гриневиц 2008; 263].

выражений. В результате в терминологии будут гармонично сочетаться *Наука и Жизнь. Лингвисты, отзовитесь!*» [Договоримся о терминах // Наука и жизнь, <http://www.nkj.ru/archive/articles/4649/>].

Можно утверждать, что в идеальном случае терминологии создаются при взаимодействии трёх типов сознания:

- 1) профессионального сознания специалистов конкретной области (юристов, экономистов и т.д.), осмысливающего предметно-логическое содержание соответствующих областей знания;
- 2) их обыденного метаязыкового сознания, рефлексирующего над языковой стороной термина;
- 3) профессионального лингвистического сознания, дающего оценку термину с точки зрения его языковой правильности.

Изобразим это в виде схемы (схема наша):

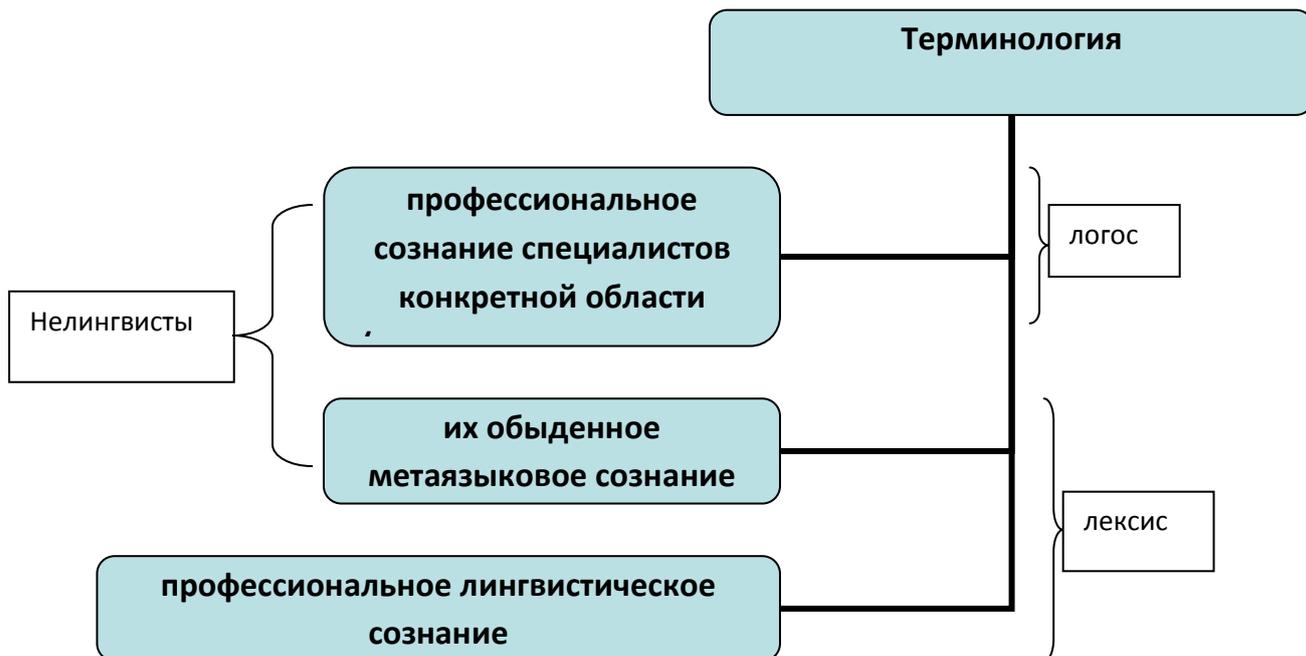

Схема 4. Терминология и языковое сознание

Профессиональное сознание как носитель предметно-логического знания отнесено в схеме к сфере *логоса* (термин, используемый А.А.Реформатским). Все, что связано с осмыслением языковой формы термина, отнесено нами к сфере *лексис* (термин, также используемый А.А.Реформатским). Поскольку терминология в некоторых областях современной науки в силу

экстралингвистических причин заимствуется из английского языка (см. п. 3.2.), к списку сознаний, формирующих терминологию на национальном языке помимо профессионально метаязыкового сознания лингвистов-терминологов можно добавить языковое сознание переводчиков (об обыденном метаязыковом сознании переводчиков см., например, в [Сидорова и др., 2009]). Так, для решения проблем финансово-экономической терминологии был создан Терминологический комитет при Национальной лиге переводчиков, в работе которого участвовали лингвисты, профессиональные переводчики и специалисты финансово-экономической сферы.

Таким образом, можно выделить три аспекта изучения терминологии в проекции на языковое сознание:

1) терминология как отражение профессионального языкового сознания и его соотношение и взаимодействие с обыденным языковым сознанием;

2) терминология как объект метаязыковой рефлексии профессиональных лингвистов (профессиональное метаязыковое сознание) и специалистов конкретных сфер (обыденное метаязыковое сознание);

3) терминологическая деятельность как взаимодействие разных типов и уровней языкового сознания (профессионального языкового, профессионального метаязыкового и обыденного метаязыкового сознания).

3.2. Специфика современной терминологической ситуации

Как указывалось в пункте 3.1., именно нестабильность терминосистем становится распространенным поводом для метаязыковой (метатерминологической) рефлексии, она же является предпосылкой для активной терминологической деятельности, поэтому мы считаем нужным остановиться здесь подробнее на анализе современной терминологической ситуации.

Развитие терминосистем и появление новых терминов - вполне закономерное явление в процессе роста научного, технического и любого

другого знания. Непрестанное развитие научной и практической мысли приводит к появлению новых понятий, возникает необходимость в создании новых терминов и, возможно, пересмотре уже существующей терминологии. Необходимость в этом особенно остро чувствуется в новых отраслях знания, при смене научной парадигмы или при заимствовании моделей практической деятельности из-за рубежа. В свете этого особое значение в современных терминоведческих исследованиях приобретает прикладной аспект (разработка, упорядочение и нормализация терминосистем), активно развивавшийся и в СССР, но на государственном уровне: «Отсутствие единой, упорядоченной терминологии часто приводит к тому, что один и тот же термин имеет несколько значений и служит для выражения разных понятий (многозначность) или для одного и того же понятия применяется несколько различных терминов (синонимия). Некоторые термины являются неправильно ориентирующими, противоречат сущности выражаемых ими понятий и создают ложные представления. Все эти недостатки нарушают взаимопонимание даже среди специалистов, затрудняют преподавание, мешают обмену опытом и нередко приводят к практическим ошибкам» [Прогностика. Терминология 1978].

В связи с относительно недавними изменениями в российском обществе (смена политической системы, переход на рыночную модель экономики и т.д.), а также стремительным развитием мировой науки (в том числе имеется в виду технический прогресс) во многих отраслях российской науки сложилась весьма сложная терминологическая ситуация. Интенсивное появление в русской науке и технике новых понятий не сопровождается столь же активным терминотворчеством, в результате чего вместе с использованием зарубежных теорий и технологий часто заимствуется и терминология, в основном англоязычная.

«Засилье» русской науки иностранными терминами происходит не впервые. Наиболее значительное по своему объёму терминологическое заимствование имело место в Петровскую эпоху. Подробно этот вопрос

рассмотрен в [Биржакова и др. 1972], [Кутина 1964], [Кутина 1966]. Экскурс в историю языка русской науки представлен также в [Суперанская и др. 1989; 172 – 181]. Кратко поясним, что имеется в виду. В начале XVIII в., когда законодательно внедрялись заграничные наука и технология, церковнославянский язык, бывший ранее языком научных трактатов, оказался неспособным и далее выступать в этой роли. Будучи языком книжным, возвышенным, отграниченным от повседневности, он был непригоден для перевода на него, например, трудов по высшей математике или технических инструкций. Письменный русский язык, использовавшийся и ранее как язык делового общения, также не имел достаточных ресурсов для удовлетворения быстро растущих потребностей нового общества и новой науки, поэтому при переводе трактатов и руководств, который осуществлялся в то время в массовом порядке в соответствии с указаниями Петра I, термины заимствовались, причем не только единичные термины, а целые блоки уже сложившихся терминосистем (например, терминология судовождения – из английского и голландского языков, балета – из французского, банковского дела – из итальянского и т.д.). В результате язык профессиональных сфер того периода представлял собой разнородную смесь русских, церковнославянских и западноевропейских элементов. В профессиональное языковое сознание, которое во многих сферах тогда же и создавалось, насаждалось большое количество новых, заимствованных единиц.

Между тем временем, каким бы отдаленным оно ни казалось, и современностью (особенно 90-ми гг. XX в.) можно найти определённые сходные черты:

1. Перелом в мировоззрении, идеологический переворот;
2. Дискредитирование национального, отечественного как устаревшего, непродуктивного и т.п.;
3. Попытки использования зарубежного опыта «на русской почве», следование иностранным образцам, их идеализация;

4. Адаптация зарубежных научных теорий;
5. Как следствие, заимствование иноязычной научной терминологии как более развитой (например, терминология рыночной экономики развивалась на Западе с XIX в., в то время как отечественная экономика до 90-х гг. XX в. была государственной и не нуждалась в разработке терминологии рыночных отношений).

Тем не менее, есть и отличие – в общей языковой ситуации. Если к началу XVIII в. русский язык ещё не был литературно обработан, практически не употреблялся в письменной форме (использовался только в документации, но не в книгах, где его заменял церковнославянский) и не воспринимался как язык, на котором можно создавать научные трактаты, то в конце XX в. возможности русского литературного языка функционировать в качестве языка науки в общем и целом не подвергаются сомнению.

Всё вышесказанное наталкивает на мысль о том, что потоки терминологических заимствований, обрушившиеся на русский язык с начала 90-х гг., не были неизбежны и столь необходимы. Заимствовать термин, не заботясь о том, насколько он соответствует системе русского языка, конечно, проще, чем создавать новый. Тем не менее, это отнюдь не означает, что второй вариант в сложившейся ситуации невозможен, поэтому очевидно, что на факт развитости зарубежной терминологии наложился ещё и фактор модности иноязычных слов⁴¹.

К тому же, метаязыковое сознание самих специалистов «проблемных» в терминологическом отношении сфер не всегда согласно со сложившейся терминологической ситуацией и оценивает ее негативно: *«Я, конечно, пойму, что такое бидить, оферить, матчить, клирить и сетлить. Но, несмотря на активное использование, эти слова по-прежнему будут оставаться лингвистическим мусором и им не должно быть места в русском литературном языке. Законодатели оставлены с проблемой отсутствия*

⁴¹ О моде на иностранные слова писал, в частности, Ю.В. Литвинов в статье «Об иностранных заимствованиях в русском языке».

«нужных» слов один на один. Переводчики уже давно идут по пути наименьшего сопротивления, заполняя переведенный текст словами типа «волатильность», «флуктуация», «фасилитатор», «бук-раннер», до учебников эти новые финансовые понятия пока не дошли, а значит, ещё не стали частью академического знания. Если пророчества о том, что Москва станет третьим финансовым центром мира после Нью-Йорка и Лондона сбудутся, почему бы нам не говорить о таком рынке на родном языке?» [<http://www.russian-translators.ru/terminologicheskyy-komitet/press/>]. Приведенный комментарий А. Григорьевой, выпускницы филологического факультета МГУ и Финансовой академии, вице-президента Ситибанка в России, является не только свидетельством отношения специалистов к терминологии, но и интересным случаем совпадения в одном лице профессионального экономического языкового сознания и в то же время профессионального метаязыкового сознания (в силу наличия теоретической подготовки в лингвистике). Итак, профессиональному языковому сознанию понятны заимствования типа *бидить*, *оферить*, *матчить*, *клирить*, *сетлить*, *волатильность*, *флуктуация*, *фасилитатор*, *бук-раннер*, они уже вошли в его состав, пусть и не как равноправные его члены, кодифицированные авторитетными изданиями. Однако метаязыковое сознание оценивает их как нежелательные («мусор») и настаивает на использовании русского языка в качестве языка науки.

Подобные метаязыковые высказывания не единичны. Ненормальность сложившейся ситуации (отсутствие упорядоченной терминосистемы, общепринятого перевода термина на русский язык) неоднократно отмечается самими специалистами, чьи нужды и призвана обслуживать терминология той или иной сферы. В интернете на специальных профессиональных форумах ведется обсуждение удачных и неудачных вариантов перевода термина на русский язык (заметим, что само наличие подобных форумов свидетельствует о

реальном существовании проблемы)⁴², в частности особенно активно метаязыковое сознание специалистов компьютерной сферы. Подобная деятельность самих пользователей терминологии обычно не приводит к реальным результатам и останавливается на уровне отдельных предложений: они так и не приходят к единому решению (немалую роль здесь играет «дело вкуса»). Кроме того, удачные варианты могут оказаться незамеченными в силу общей разрозненности и спонтанности комментариев. Но активность пользователей в обсуждении вопросов терминологии имеет практическое и теоретическое значение – с одной стороны, проясняет их нужды, с другой, предоставляет обширный материал для исследования их метаязыкового сознания, например, в отношении к иноязычным заимствованиям: *«Из-за того и предпочитают английский обычно, что разночтения в терминологии. Из-за них он становится понятнее родного. Это не слишком правильная ситуация, мне кажется»* (<http://habrahabr.ru/blogs/terminology/5317/>, обсуждение термина *cookie* «Испечём печенюку (cookie)»). Обращение к английскому языку в процессе профессиональной коммуникации в приведенном комментарии объясняется практическим неудобством использования русской терминологии, содержащей большое количество разночтений. Однако рассматриваемый рефлексив дает ситуации аксиологическую оценку: в целом метаязыковое сознание в данном случае характеризует ситуацию как неправильную.

Исходной точкой в проанализированных рефлексивах по поводу компьютерной терминологии остается один факт – терминология создается не на русском языке, это надо принять как данность, и отсюда и возникает наличие разных вариантов перевода. Однако использование очевидно иноязычной лексики не всеми расценивается как решение проблемы, метаязыковое сознание воспринимает это как неблагозвучность: *«Про то, что часто есть и неоднозначность переводов и вспоминать не хочется (view — вид, отображение, представление...)*. Но с другой стороны лично мне не очень

⁴² Здесь и далее цитаты приводятся с соблюдением орфографии и пунктуации источника

приятно читать фразу «Хелперы можно вызывать напрямую в контексте вью — в темплейтах, лайоутах, партиалах или сниппетах»(<http://volch.habrahabr.ru/blog/48499/#habracut>, «Вопрос: Каким должен быть перевод технической документации и терминов в ней?»). Таким образом, важным для метаязыкового сознания некоторых пользователей терминологии остается своязычность термина: *«Да, мне тоже кажется что то что можно перевести — перевести нужно, считаю оправданным в русскоязычной среде программистов называть вещи своими, русскими, именами, как впрочем и не только в среде программистов, «в субъекте регистрируются обзёрверы» уж извините меня, звучит несколько менее благозвучно нежели «в субъекте регистрируются наблюдатели»* (там же).

Необходимость перевода терминологии нередко доказывается «от противного» – конструированием непонятных рядовому носителю русского языка (обыденному языковому сознанию на глубинном уровне) предложений, состоящих исключительно из заимствованных слов и в силу этого абсурдных, создающих впечатление иностранной речи: *«В субъекте регистрируются обзёрверы», «Хелперы можно вызывать напрямую в контексте вью — в темплейтах, лайоутах, партиалах или сниппетах».*

Более того, пользователи пытаются проанализировать причины своего недовольства существующей терминологической ситуацией, и это не только чисто лингвистическое неприятие в категориях нравится / не нравится, хорошо / плохо звучит, но и практические неудобства: по их мнению неупорядоченность терминологии затрудняет профессиональную коммуникацию, мышление в рамках этой области и процесс передачи опыта и в целом понижает статус дисциплины: *«Во-первых, терминология — это первое, с чем сталкиваются новички в нашей области, как со стороны «юзабиллистов», так и со стороны заказчиков. Терминология — это один из источников информации о дисциплине. Сейчас состояние терминологической культуры в области таково, что оно в первую очередь вызывает у людей «не в теме»*

впечатление бардака. Во-вторых, слова — это инструмент мышления специалиста и коммуникации между специалистами. Хаос в словах вызывает хаос в мыслях» (http://www.gui.ru/ivan/terminology_wars_1, «Терминологические войны. Эпизод I»).

Разумеется, есть и комментарии, где отрицается необходимость перевода терминов на русский язык, например: *«Я просто прошу мне объяснить смысл перевода всех терминов на русский? Традиционно есть отрасли науки и производства где терминология не переводится (взять ту же медицину где латынь используется по всему миру). ИМХО компьютеры, сети и их безопасность как раз из той оперы»* или *«Давайте слово "exploit" поставим в один ряд со словами "сканер", "принтер", "драйвер" (мы же не говорим "изучатель", "распечатыватель", "водитель"), то есть не будем его переводить...»* (<http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3676/>, «Переводим слово "exploit"»). Некоторые специалисты, убежденные в бесполезности перевода терминов на русский язык, даже предлагают графическую запись термина латиницей – в оригинальном варианте: *«Но лучше, конечно, писать по-английски»* (<http://habrahabr.ru/blogs/terminology/5317/>, «Испечём печенюку (cookie)»), - но последнее встречает резко негативную реакцию: *«По-английски писать вообще хорошо, и говорить по-английски хорошо, и жить в англичанин. Но мы тут пытаемся всё же по-русски»* (там же).

Однако проблема состоит не только в том, что в некоторых областях науки (экономическая сфера, компьютерные технологии) почти вся востребованная на данном этапе терминология является иноязычной, т.е. чуждой системе русского языка, но ещё и в том, что заимствования ничем не регулируются и не упорядочиваются. На международном уровне существуют организации, направленные на стандартизацию терминологии и развитие международного сотрудничества в сфере терминологии. Прежде всего, имеется в виду Инфотерм (International Information Centre for Terminology), осуществляющий свою деятельность с 1971 г.

Организации по стандартизации научно-технической терминологии функционировали и в Советском Союзе: по инициативе Д.С. Лотте, одного из основоположников отечественного терминоведения, и его последователей были созданы терминологические комиссии Комитета научно-технической терминологии АН СССР (КНТТ), по результатам работы которых было выпущено более 100 Терминологических сборников, регламентирующих использование терминологии в научно-технической литературе, информации, учебном процессе, стандартах и документации. Характерно, что термины должны были быть также одобрены с точки зрения языковых норм Институтом русского языка АН СССР. В 1993 г. КНТТ был переименован в Комитет научной терминологии в области фундаментальных наук Российской академии наук (КНТ РАН), однако терминологические сборники больше не выпускались. Попыткой повлиять на нестабильную терминологическую ситуацию стало создание в 2008 г. Терминологического комитета при Национальной лиге переводчиков, фокусирующегося на терминологии финансовых рынков. Как уже упоминалось, в работе комитета предполагалось затронуть разные типы сознаний: профессиональное языковое (специалисты в экономической и юридической сферах), профессиональное метаязыковое (лингвисты, переводчики). Однако деятельность Комитета носила рекомендательный, а не нормирующий характер. Между тем, по замечанию М. Кронгауза, «жаргон развивается в Интернете, а терминология развивается с помощью нормативных актов. В современных условиях язык формируется скорее в Интернете. Тем самым специалисты скорее знакомятся с жаргоном, а не с терминологией» (из устного выступления, <http://www.russian-translators.ru/terminologicheskyy-komitet/>).

В такой ситуации формирование терминосистем осуществляется уже не на государственном уровне, а предоставлено специалистам конкретной сферы (привлечение профессионального метаязыкового сознания при этом сводится к нулю). В результате в устном общении между профессионалами во многих

случаях приживаются англоязычные термины, пришедшие вместе с новыми научными моделями, а перед переводчиками и авторами новых учебников, которые так или иначе должны зафиксировать терминологию и вписать ее в русский текст, встаёт задача терминотворчества. Решается она ими по-разному, но наиболее распространены следующие варианты:

- буквальное заимствование термина и запись латиницей;
- транслитерация;
- транскрипция;
- буквальный перевод (калькирование);
- при смене научных моделей поиск наиболее подходящего старого

русскоязычного термина, при этом его традиционное понимание не всегда соответствует описываемому понятию.

В результате могут возникнуть несоответствия, когда одно и то же понятие называется по-разному и разные понятия – одинаково (в случае поиска соответствующего уже существующего термина). Между тем, очевидно, что принцип «один автор – одна терминология» не способствует росту научного знания.

Для иллюстрации остановимся более подробно на терминологической ситуации в экономической сфере. С переходом России на рыночную модель экономики, русская экономическая наука «страдает» из-за отсутствия разработанной, чёткой и однозначной терминосистемы. В связи с формированием и развитием новых хозяйственных отношений интенсивно появляются новые понятия, отражающие перемены как в самой экономической ситуации, так и в отношении к ней (имеются в виду иные подходы к решению экономических задач) [Ковлакас 2003], [Рахимбердиев 2003], [Касьянов 2001], [Сахневич 1998] и др.). Между тем старые, «отечественные», термины не всегда актуальны, т.к. уже не соответствуют новой экономической обстановке, поэтому вместе с использованием зарубежных экономических теорий часто заимствуется и терминология, в основном англоязычная. В результате

специалисты общаются на некоем языке, очень мало похожем на русский: *«ОРИГИНАТОР посредством true sale уступает SPV пул лизинговых активов, SPV секьюритизирует этот пул, эмитируя несколько траншей collateralизованных бондов, хеджируя рисков дефолта, базисные и делинквентные риски, заключая свопы, коллары и кэпы»* (пример из посвященного терминологическим проблемам банковского дела выступления А.Н. Григорьевой – вице-президента «Ситибанка» в России; жирным шрифтом выделены слова, которые могут быть понятны рядовому носителю языка, т.е. обыденному языковому сознанию на глубинном уровне).

К тому же проблема состоит не только в том, что почти вся финансовая терминология недоступна для понимания неспециалисту, но ещё и в том, что, как упоминалось выше, терминологические заимствования не регулируются. Приведём примеры из речевой практики аналитиков (примеры взяты из комментариев на форуме брокеров www.procapital.ru):

«Уровни стоп-лоссов, которые дают уважаемые господа ведущие аналитики не каждый средний трейдер может себе позволить. Персон, к примеру, обычно рекомендует выставлять ордера типа stop close only, то есть брокер закрывает позицию только если цена дня закроется выше указанного уровня».

«Он использует фундаментальные сигналы на основе COT индикаторов, определение сильных уровней многократным пересечением и находит точки входа от этих уровней, на основе только тех ценовых фигур (паттернов), которые предлагают вход с малым риском».

«Фунт совершает стремительные свинги то туда, то сюда. Австралиец совсем зажался в узком коридоре и, наоборот ни туда, ни сюда. Как жить дальше бедному трейдеру?»

«Его индекс профессионалов три недели назад был экстремально медвежьим по фьючерсам на евро, фунт и австралиец, сейчас индикатор вышел из зоны продаж, но в зону покупок не вошел. ... Я заметил, что сильные

движения у валют начинаются тогда, когда у всех **majors** индикаторы указывают в одну сторону. Сейчас этого явно не наблюдается. ...Хочется спросить господ американских **трейдеров...**».

«Опять в пятницу прошла информация об **опционах**, истекающих в конце недели перед **payrolls**: евро – 1.3200, фунт – 1.9550, 1.9650. Эта информация настраивает на то, что **пробития** не будет и на следующей неделе».

«Фунт сделал попытку закрыть **гэп**, но она пока оказалась неудачной. Похоже он отрабатывает волну Вулфа. Ее целевая линия упирается в уровень 2.0440 – месячная поддержка прошлого месяца. Оттуда может последовать вторая попытка броска вверх. Фунтом стало очень сложно торговать – сплошные **В-образные развороты**».

«Ну не беда, **V-образные развороты** хоть и случаются, но не так часто. По прежнему предпочтительнее **лонги**, но от более глубоких уровней. Посмотрим, что нам принесут сегодняшние **пэйроллз**».

«Это хороший уровень поддержки – водораздел глобального **тренда**. Если цена ниже, то инструмент в нисходящем **тренде** и наоборот».

«Не пора ли порадовать поклонников **стейтом** за август?»

«В поролель торговал **мини на реале**, как в итоге оказалось боролся со страхом и жадностью».

«Как входить в сделку – ждать **ретеста** или входить сразу? К сожалению, однозначного ответа нет».

«Либо надо оставаться вне рынка, дабы не попасть под сенокос непредсказуемых **свингов**».

«Но есть информация, что сегодня у фунта истекают **опционы** с ценой «**страйк**» - 1.9000».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что терминология в этой сфере не упорядочена. Прежде всего, бросается в глаза большое количество англицизмов: **трейдер**, **стоп-лоссы**, **паттерны**, **свинги**, **фьючерсы**, **опционы**, **лонги**, **пэйроллз**, **тренд**, **гэп**, **стэйт**, **ретест**, **страйк** - причём некоторые

записаны латиницей: *stop close only, majors*, а некоторые функционируют в двух вариантах (транслитерированные / транскрибированные и записанные латиницей): *пэйроллз - payrolls*. Используется и описательный оборот *ценовые фигуры*, который для верности в скобках дублируется заимствованием *паттерны*.

Самими специалистами такая терминология воспринимается как иноязычная: они не знают, как её употреблять и передавать на письме. Особенно интересно преобразование *V-образных разворотов*, описывающих расположение линий на графике, в *B-образные развороты* – в этой номинации полностью теряется графический смысл.

Вообще, характерно, что экономисты с большим равнодушием относятся к терминологическим проблемам в своей области, чем, например, специалисты компьютерной сферы, металингвистическое сознание которых оказалось более активным и которых в гораздо большей степени интересует такой терминологические критерии, как лингвистическая правильность и связность.

Тем не менее, анализ подобных метаязыковых показаний дает ценный материал для лингвистов, которые хотели бы участвовать в нормализации современной терминологии, не диктуя свою точку зрения «извне», а прислушиваясь к потребностям и предпочтениям специалистов в конкретных сферах. Этот языковой материал наглядно свидетельствует, что при выборе оптимального варианта и даже при простом переносе термина из одного языка в другой необходимо учитывать несколько лингвистических аспектов:

- фонетический (адекватный вариант должен соответствовать фонетической системе принимающего языка и не вызывать трудностей при артикулировании и восприятии на слух, а также удовлетворять критерию благозвучности);
- морфологический (терминологи должны определиться с

морфологическими характеристиками термина как слова, принадлежащего русскому языку, и сформулировать соответствующие нормативные предписания для пользователей);

- словообразовательный (в частности, желательно, чтобы от термина легко образовывались производные);
- синтаксический (вся необходимая пользователям сочетаемость термина с другими словами языка);
- лексико-семантический (проблема дефиниции: что именно стоит за термином?; наличие синонимов и т.д.);
- стилистический (термин не должен вызывать негативных ассоциаций и «эстетического» неудовлетворения);
- графико-орфографический (термин должен быть закреплён в одном графическом облике, соответствующем графической системе языка).

Анализ комментариев на экономических форумах в Интернете, а также полемики на заседаниях Терминологического комитета при Национальной Лиге переводчиков убедил нас в том, что терминологические проблемы в финансово-экономической сфере весьма остры и текущая терминологическая ситуация требует согласованных действий лингвистов и профессиональных банкиров, юристов, экономистов и т.п. Проиллюстрируем эти проблемы на примере термина *benchmarking*. Термин пришел к нам из английского языка вместе с заимствованием соответствующей практики, однако, несмотря на его активное использование в речи специалистов, общепринятого перевода на русский язык на данный момент не имеется.

1. Содержание понятия

При нормализации терминологии большое значение имеет фиксация существенных признаков понятий; уточнение существующих дефиниций или создание новых [Терминология б/г]. Так или иначе, рассматриваемый термин достаточно широко представлен в словарях, специализированных статьях и материалах по экономике, например:

БЕНЧМАРКИНГ (англ. *bench mark* — начало отсчета) — **метод** использования чужого опыта, передовых достижений лучших компаний, подразделений собственной компании, отдельных специалистов **для повышения эффективности** работы, производства, совершенствования бизнес-процессов; основан на **анализе** конкретных результатов и их использовании в собственной деятельности [Современный экономический словарь, slovari.yandex.ru].

Бёнчмаркинг (англ. *benchmarking* — эталонное тестирование) — еще один очень перспективный **метод** обучения. Этот термин следует понимать как проведение **сопоставительной оценки** деятельности организации (предприятия) на основе определенных показателей. Это может быть и производительность, и качество продукции, и удовлетворенность потребителей и различных категорий персонала работой организации, и др. Сравнение проводится с успешно функционирующей организацией, причем ее отраслевая принадлежность может не совпадать с моделью сравнения. Цель бенчмаркинга — поиск возможностей для **совершенствования** и выявление путей дальнейшего развития организации [Российская энциклопедия по охране труда, slovari.yandex.ru].

Бенчмаркинг - **метод** контроля; особая управленческая **процедура** внедрения в практику работы организации технологий, стандартов и методов работы лучших организаций-аналогов. В процессе бенчмаркинга осуществляется поиск организаций, которые показывают наивысшую эффективность, обучение их методам работы и реализации передовых методов в собственных условиях [Словарь по экономике и финансам, Глоссарий.py, slovari.yandex.ru].

Представленность термина в печатных специализированных словарях и энциклопедиях сведена в таблицу:

«Новая экономическая энциклопедия»	бенчмаркинг - «оценка уровня организации производства и управления на предприятии по сравнению с лучшими на рынке, в отрасли или
------------------------------------	--

Е.Е. Румянцевой, 2011 [Румянцева 2011]	среди структурных подразделений данного предприятия». Разновидности: внутренний, общий, родовой, функциональный.
«Новый англо-русский экономический словарь» И.Ф. Ждановой, 2010 [Жданова 2010]	термин не представлен Отмечен термин <i>benchmark</i> – индикатор, используемый в качестве ориентира, база (для сравнения); сравнивать.
«Большой экономический словарь» под ред. А.Н. Азрилияна, 2008 [Большой экономический словарь 2008]	бенчмаркинг - «процесс нахождения и изучения самых лучших из известных методов ведения бизнеса; особая управленческая процедура внедрения в практику работы организации технологий, стандартов и методов лучших организаций-аналогов». Применение бенчмаркинга заключается в четырех последовательных действиях: 1. Понимание деталей собственных бизнес-процессов 2. Анализ бизнес-процессов других компаний 3. Сравнение результатов 4. внедрение необходимых изменений для сокращения отрыва Разновидности: внутренний, конкурентный, общий, функциональный. Также в словаре представлен термин бенчмаркетинг (<i>bench-marketing</i>) – «исследование и изучение опыта передовых компаний, прежде всего своих конкурентов, с целью использования их положительного опыта в своей работе».
«Большой англо-русский	термин не представлен

<p>экономический словарь» под ред. С.С. Иванова, Д.Ю. Кочеткова, 2007 [Большой англо-русский экономический словарь 2007]</p>	<p>Отмечается термин benchmark – «база (в статистике)».</p>
<p>«Большая экономическая энциклопедия», 2007 [Большая экономическая энциклопедия 2007]</p>	<p>бенчмаркинг – «исследование технологии, технологических процессов, методов организации производства и сбыта продукции на лучших предприятиях-конкурентах в целях повышения эффективности деятельности собственной фирмы».</p> <p>«В основе бенчмаркинга лежит <i>анализ превосходства</i> – взгляд на внутреннюю деятельность, функции и опыт предприятия, осуществляемый для того, чтобы проанализировать свою работу, выявить недостатки в функционировании предприятия и устранить слабые места».</p> <p>Бенчмаркинг состоит в четырех этапах:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) «определение объекта анализа превосходства, в качестве которого могут выступать товары, предприятия, подразделения предприятий»; 2) «выявление партнеров по анализу превосходства, заключающееся в поиске наиболее сильных конкурентов, которые должны иметь высокую степень сопоставимости с собственной компанией»; 3) «сбора информации, включающий не только

	<p>сбор количественных и качественных данных, но и изучение факторов, определяющих эффективность работы предприятия»</p> <p>4) «анализа информации и поиска путей укрепления конкурентных позиций и совершенствования деятельности предприятия».</p>
<p>«Современный экономический словарь» под ред. Б.А. Райзберга, 2006 [Райзберг 2006]</p>	<p>Бенчмаркинг – «метод использования чужого опыта, передовых достижений лучших компаний, подразделений собственной компании, отдельных специалистов для повышения эффективности работы, производства, совершенствования бизнес-процессов; основан на анализе конкурентных результатов и их использовании в собственной деятельности».</p> <p>Разновидности: конкурентный, функциональный, общий, внутренний.</p>
<p>«Экономический словарь» А.Ф. Никитина, 2006 [Экономический словарь 2006]</p>	<p>термин не представлен</p>
<p>Борисов «Большой экономический словарь» А.Б. Борисова, 2004 [Борисов 2004]</p>	<p>термин не представлен</p>
<p>«Большой англо-русский финансово-экономический словарь» А.Г. Пивовара, 2000 [Пивовар 2000]</p>	<p>термин не представлен</p> <p>Отмечен термин <i>benchmark</i> – «1. база (в статистике). 2. отметка уровня. 3. справочная цена; лимитная цена. 4. dxn контрольная задача».</p>

Таблица 7. Представленность термина *benchmarking* в словарях

Первая проблема при поиске русского эквивалента для термина *benchmarking* состоит в том, что толкования не идентичны, но в общем виде это «изучение опыта передовых компаний (но не только) в целях повышения эффективности работы», «проведение сопоставительной оценки», «использование чужого опыта» и «метод контроля». В указанных определениях на первый план выходят семы ‘метод (процессуальный признак, действие)’, ‘сопоставление’, ‘повышение эффективности’.

2. Употребление термина и наличие графических и орфоэпических вариантов.

Термин широко представлен в материалах поисковой системы yandex.ru в двух графических вариантах: как *бенчмаркинг*, так и *бэнчмаркинг*, что связано с вариативностью транслитерации. В печатных изданиях представлен вариант *бенчмаркинг*. В речевой практике ударение обычно ставится на второй слог, но в [Российская энциклопедия по охране труда 2007, slovari.yandex.ru] рекомендуется произношение с ударением на первом слоге.

Межотраслевых омонимов не зафиксировано, термин используется только в контекстах, связанных с областью экономики.

Для оценки целесообразности предлагаемых вариантов перевода необходимо учитывать сочетаемость термина, новый вариант должен ей соответствовать и свободно заменять *бенчмаркинг* по крайней мере в следующих сочетаниях:

внутренний бенчмаркинг, бенчмаркинг конкурентоспособности, функциональный бенчмаркинг, бенчмаркинг процесса, глобальный бенчмаркинг, стратегического бенчмаркинга, ассоциативный бенчмаркинг, бенчмаркинг альянс, общий бенчмаркинг, бенчмаркинг затрат, бенчмаркинг характеристик, бенчмаркинг клиента, стратегический бенчмаркинг, оперативный бенчмаркинг.

3. Варианты перевода термина

В результате анализа русскоязычных источников выяснилось, что возможны следующие варианты перевода термина:

1) Анализ превосходства:

«...бенчмаркинг или его еще называют **анализ превосходства** это не промышленный шпионаж» [Бенчмаркинг как функция маркетинговых исследований, URL: <http://www.iteam.ru>],

«Только тогда бенчмаркинг - **анализ превосходства** - это стратегия победителя» [Н.В.Афанасьева, Г.Л.Багиев, Г.Лейдиг. Концепция и инструментарий эффективного предпринимательства, URL:<http://www.marketing.spb.ru>].

На наш взгляд, *анализ превосходства* вряд ли может быть признан удачным вариантом перевода из-за ярко выраженной оценочности слова *превосходство* (сопоставление эффективности не всегда предполагает превосходство одной компании над другой).

2) Сравнительный анализ:

«На основе этих данных партнерство планирует для своих участников – генерирующих компаний готовить аналитические документы, содержащие **сравнительный анализ (бенчмаркинг) эксплуатации тепловых электростанций**» [Сравнительный анализ (бенчмаркинг) генерирующих станций, URL: <http://www.npvti.ru/docum/benchmarking>],

«Бенчмаркинг (от англ. *benchmark*, "начало отсчета", "зарубка") - это механизм сравнительного анализа эффективности работы одной компании с показателями других, более успешных, фирм», [Все лучшее – себе. Новое слово на букву "Б", URL: <http://www.adme.ru/business>].

Термин может быть приемлем, т.к. нейтрален и соответствует сущности обозначаемого понятия (отвечает критерию мотивированности).

3) Изучение конкурентов:

Бенчмаркинг действительно часто направлен на изучение практик конкурентов: «В поисках успешного опыта компании в первую очередь

обращают внимание на конкурентов <...> Однако доскональное **изучение конкурентов** - чрезвычайно сложная задача» [URL: <http://www.altrc.ru>]; «Бенчмаркинг: инструмент **изучения конкурентов**» (название статьи) [URL: <http://www.pharmvestnik.ru/publs/staryj-arxiv-gazety/benchmarking-instrument-izuchenija-konkurentov>]. Однако *изучение конкурентов* охватывает только часть оригинального понятия и может дезориентировать: наряду с конкурентным бенчмаркингом существует внутренний бенчмаркинг, т.е. бенчмаркинг в пределах одной компании, а значит, объем содержания *бенчмаркинга* шире, чем денотат *изучения конкурентов*.

4) **Промышленный шпионаж:**

«Легальный **промышленный шпионаж: Бенчмаркинг бизнес-процессов: технологии поиска и внедрение лучших методов работы ваших конкурентов**» (название книги, Кэмп С. Роберт).

«На первый взгляд, бенчмаркинг и **промышленный шпионаж** - это одно и то же. На самом деле разница между двумя этими методами принципиальная. Бенчмаркинг -- метод изучения чужого опыта, который не является тайной за семью печатями» [Новое слово на букву Б. URL: <http://www.altrc.ru>].

Хотя из названия книги следует, что *benchmarking* понимается как один из видов (легальный) промышленного шпионажа, первая приведённая цитата разводит эти понятия. К тому же слово *шпионаж* русском языке также несет отрицательную оценку, в то время как рекомендуемым признаком термина является эмоциональная нейтральность.

5) **Конкурентная разведка, разведка бизнес-процессов, конкурентная сравнительная стратегия:**

«Бенчмаркинг, или **Бизнес-разведка**» (название статьи) [URL: <http://chel.ru>];

«Бенчмаркинг или «**конкурентная сравнительная стратегия**» - является относительно новой концепцией развития бизнеса, связанной с

поиском и изучением наилучших методов и способов предпринимательства в конкурентном поле и переносом этих методов на конкретный бизнес, нуждающийся в улучшении. Как видим, бенчмаркинг является определенной формой конкурентной разведки» [Разведка в бизнесе. URL: <http://mtc.md/consulting/Razvedca>].

Указанные варианты также базируются на предположении, что бенчмаркинг направлен на изучение конкурентов («Бенчмаркинг – это метод копирования преимуществ у своих конкурентов» [URL: <http://chel.ru>], хотя это не всегда так. Более того, бенчмаркинг и конкурентная разведка часто разводятся, хотя не ясно, что из них является составляющей другого:

«Бенчмаркинг начинается с конкурентной разведки <...> Конкурентная разведка как потребитель результатов бенчмаркинга», [Бенчмаркинг в конкурентной разведке, URL: <http://www.it2b.ru>]; «Конкурентная разведка — важнейший элемент почти каждой фазы бенчмаркинга» [Пять этапов бенчмаркинга. URL: <http://www.elitarium.ru>]. С другой стороны, «...бенчмаркинг является определенной формой конкурентной разведки» [Разведка в бизнесе. URL: <http://mtc.md/consulting/Razvedca>].

б) Эталонное сопоставление:

«В статье рассказывается о процессе эталонного сопоставления (бенчмаркинге), который на сегодняшний день является одним из методов эффективной стратегии бизнеса» [Эталонное сопоставление (бенчмаркинг) как один из современных методов совершенствования организации предпринимательской деятельности. URL: <http://www.creativeconomy.ru>].

«...бенчмаркинг (или эталонное сопоставление) имеет свою историю, серьезную методологическую базу, инфраструктуру и ориентиры для развития» [Э. Белокоровин. Опыты с бенчмаркингом. URL: <http://www.benchmarkingclub.ru>].

Термин отвечает критериям мотивированности и понятности, т.к. соответствует сущности обозначаемого понятия: «По сути бенчмаркинг - это

эталонное сопоставление, оценка процессов предприятия и их сравнение с процессами мировых компаний-лидеров с целью получить информацию, полезную для усовершенствования собственной деятельности» [Глобальный бенчмаркинг. URL:<http://www.klerk.ru>].

7) *Динамическое управление по лучшим образцам - ДУПЛО* (авторский вариант):

«Перевести слово в слово оборот benchmarking невозможно. Мы с моим другом В.Ф. Комаровым месяца полтора обменивались вариантами перевода/ пока не сложилось нечто странное: «Динамическое управление по лучшим образцам», короче – ДУПЛО. Судьба этого перевода, скорее всего, незавидная, сродни попытке заменить иностранное слово «галюши» на «мокроступы» [Ю.П. Воронов. Бенчмаркинг в конкурентной разведке. URL: <http://econom.nsc.ru>].

В словаре В.Я. Факова [Факов 2005] и рекомендациях Терминологического комитета Национальной лиги переводчиков предлагается вариант *сопоставительный анализ*. Он соответствует критериям простоты и понятности, связности, внеположенности модальности, стилистики и экспрессии и лингвистической правильности. Однако, как показано выше, вариант не закреплён в практике (критерий внедренности).

В общем и целом, наличие обсуждений подобного рода свидетельствует об активности обыденного метаязыкового сознания специалистов этой области, к которому подключается профессиональное метаязыковое сознание (профессиональные терминологи). Наиболее ярко это проявляется в случае варианта *ДУПЛО*: учитываются одновременно несколько критериев – мотивированность (вариант представляет собой аббревиатуру, расшифровывающую значение термина) и связность (в результате получается русскоязычное слово), но выражаются сомнения по поводу целесообразности такой замены.

Информация о некоторых других «проблемных» терминах этой области

(триггер, asset-stripper, форензик) приведена в Приложении 1.

Таким образом, терминология является в настоящее время проблемной областью как для лингвистов, призванных изучать терминологию как часть системы языка, так и для самих специалистов-пользователей, испытывающих практические трудности из-за её неразработанности. В частности, особенно проблемная ситуация с языковой точки зрения сложилась в финансово-экономической области и науке о компьютерных технологиях из-за большого количества заимствованных терминов и номинаций как результат заимствования соответствующих практик и моделей из-за рубежа. В связи с отсутствием организации, которая бы занималась нормированием и кодифицированием терминологии в этих областях, в этих сферах складывается нестабильная терминологическая ситуация, которая затрудняет коммуникацию в профессиональной сфере и тем самым провоцирует метаязыковую рефлексию специалистов-предметников по поводу терминологии, ее свойств, содержания обозначаемых ею понятий и ее языкового выражения, заставляя их искать «идеальный» термин и размышлять над тем, чем он должен характеризоваться. Изучение метаязыковых «показаний» предоставляет возможность

а) сопоставить требования к термину, выдвигаемые обыденным метаязыковым сознанием (специалистами, но не лингвистами) и профессиональным метаязыковым сознанием (профессиональными терминологами-теоретиками);

б) рассмотреть различия относительно восприятия терминологии внутри обыденного метаязыкового сознания, обусловленные принадлежностью к разным профессиональным сферам. Так, для медицинских работников ключевой становится кодифицированность термина (отражение его в соответствующих классификациях), точная и понятная дефиниция, позволяющая различать клинические случаи.

Далее мы обратимся к рассмотрению соотношения обыденного и профессионального языкового сознания на поверхностном и глубинном уровнях на конкретных примерах, в частности подробнее остановимся на языковом сознании специалистов компьютерной и медицинской сфер. Выбор предметных областей обусловлен тем, что в обеих этих сферах есть необходимость порождать тексты для внешнего потребителя (неспециалиста), поэтому вопрос функционирования терминологии для них вдвойне важен.

ГЛАВА 4. СОПОСТАВЛЕНИЕ ОБЫДЕННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В РАЗНЫХ СФЕРАХ (ПОВЕРХНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ)

Метаязыковое сознание, как показано в предыдущих главах, признается поверхностным уровнем языкового сознания, находящим свое выражение в метаязыковых рефлексивах. В настоящей главе мы сопоставим показания обыденного и профессионального метаязыкового сознания. Под носителями **профессионального метаязыкового сознания** понимаются в данном случае профессиональные лингвисты и терминологи. К **обыденному метаязыковому сознанию** мы относим метаязыковые показания людей, не имеющих специальной лингвистической подготовки.

В главе 3 были заявлены 2 аспекта изучения терминологии, релевантных для исследования в области метаязыкового сознания: метаязыковая рефлексия по поводу терминологии и взаимодействие разных типов языковых сознаний в процессе построения терминосистем. Именно в этих направлениях будет проводиться сопоставление.

Для начала мы обратимся к теоретическому вопросу о разграничении терминологических единиц, а именно *терминологии* и *номенклатуры*. Этот вопрос, с одной стороны, является проблемной областью теоретического терминоведения, а значит, предоставляет широкие возможности для рассмотрения показаний профессионального метаязыкового сознания; с другой стороны, термины *терминология* и *номенклатура* являются общенаучными, а значит, широко используются не только лингвистами как название объекта их исследовательской деятельности, но и учеными в самых различных сферах, поскольку любая отрасль науки имеет свою терминосистему, которую необходимо описывать хотя бы в рамках обучающего дискурса (учебники, энциклопедии и т.д.), при этом единицы могут быть отнесены либо к терминологии, либо к номенклатуре.

Во второй части главы мы обратимся к компьютерной терминологии как проблемной области с точки зрения построения упорядоченной терминосистемы. В рамках этого исследования мы не будем останавливаться на профессиональном сознании компьютерных специалистов (см. схему в п. 3.1.), бесспорно, имеющем ключевую роль в организации терминосистемы как логическая модель определенной сферы деятельности, но не отвечающем задачам нашего лингвистического исследования. Мы сфокусируемся на обыденном метаязыковом сознании (размышлениях компьютерных специалистов по поводу терминологии в их области) и профессиональном метаязыковом сознании (рекомендациях профессиональных терминологов-лингвистов).

4.1. Профессиональное и обыденное метаязыковое сознание на примере использования терминов *терминология* и *номенклатура*

Данный вопрос интересует нас в двух аспектах: во-первых, он имеет общетеоретическую значимость в области терминоведения, во-вторых, он интересует нас как предмет «показаний» профессионально метаязыкового сознания (рассмотренные точки зрения лингвистов-терминологов являются по сути метаязыковыми рефлексивами высокого уровня теоретической систематизации, безусловно осознанными, эксплицированными в вербальной форме) в сопоставлении с выбором слова *терминология* или *номенклатура* в нелингвистических текстах, что мы классифицируем как отражение обыденного метаязыкового сознания, имплицитного, неосознанного, теоретически несистематизированного (мы исходим из предположения, что авторы рассмотренных текстов не имеют специальной подготовки в теоретическом терминоведении, хотя и имеют бесспорную теоретическую одготовку в своей области).

4.1.1. Проблема типологии специальной лексики: терминология и номенклатура (профессиональное метаязыковое сознание).

В отличие от зарубежной лингвистики, где не сложилось традиции четкого противопоставления номенклатуры и терминологии как таковой, отечественное терминоведение характеризуется повышенным вниманием к теоретическому вопросу о разграничении этих единиц. И, хотя сама идея выделения номенов не является заслугой отечественных терминологов (она принадлежит английскому логик В. Хьюэллу), именно в отечественном терминоведении было сломано немало копий в попытках разрешить эту теоретическую проблему.

Очевидно, с одной стороны, что, как полноценное средство общения специалистов конкретной отрасли знания, профессиональный язык включает в себя разнородные элементы. Эти элементы лингвисты-терминологи стремятся определить, классифицировать и охарактеризовать как разные лингвистические единицы (например, в научной литературе выделяются *собственно термины, номены, терминоиды, предтермины, прототермины, квазитермины, профессионализмы* и т.д.).

С другой стороны, оказывается, что на практике критерии подобного разграничения не всегда ясны, а сама классификация не имеет общего основания: термин в большинстве работ признается основной единицей терминоведения, а статус остальных специальных единиц определяется именно в их соотношении с термином – и чаще всего они оказываются своеобразными «недо-терминами», т.е. терминами, не обладающими классическим набором признаков, признанных конституционными для терминов в полном смысле. Так, согласно С.В. Гриневу-Гриневичу⁴³, терминоиды представляют собой специальные лексемы для наименования недостаточно устоявшихся и неоднозначно понимаемых понятий, которые не имеют четких границ и, как следствие, дефиниций. В отличие от собственно терминов, они не

⁴³ Подробное описание терминологических единиц дается в [Гринева-Гриневиц 2008; 23 - 49], [Гринева-Гриневиц 2009; 84 - 93]

характеризуются точностью значения, контекстуальной независимостью и постоянным устойчивым характером, поэтому, хотя и фиксируются в словарях, но с указанием различных точек зрения на их содержание. Еще один класс единиц, не отвечающих основным требованиям, в соответствии с которыми они могли бы быть признаны терминами - **предтермины** – также определяются как специальные лексемы, употребляемые в качестве терминов при наименовании новых сформировавшихся понятий. Иными словами, это «неустоявшиеся термины с колебаниями значения и формы». От собственно терминов предтермины отличаются временным характером использования, неустойчивостью формы, несоответствием требованиям краткости и общепринятости и отсутствием нейтральности. По замечанию С.В. Гринева-Гриневича, предтермины с течением времени обычно заменяются терминами (например, предтермин *лаки и краски* вытесняется термином *лакокрасочные материалы*), однако могут закрепиться в специальной лексике и приобрести устойчивый характер, превратившись в **квазитермины**, которые, впрочем, по-прежнему не соответствуют стандартным требованиям.

В то же время в науке не сложилось общепринятого определения термина [Лейчик 2009; 20 - 32], прежде всего потому, что он является объектом разных дисциплин. Так, философско-гносеологический подход акцентирует внимание на том, что термин закрепляет результаты познания в материальной форме и поэтому является элементом научного аппарата наряду с научными приборами и инструментами. Логический подход определяет связь термина с понятием. Семиотика говорит о том, что термин – это знак-обозначение, «используемое в качестве элемента знаковой модели определенной специальной области знания или деятельности» [Там же; 26]. Представляется, что в лингвистическом исследовании термин можно определить как специальную номинативную единицу (слово или словосочетание), принимаемую для точного наименования понятия. Ср. определение, данное в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой: «слово или словосочетание специального (научного,

технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 1966]. Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу [Гринева-Гриневич; 2008], к основным конституирующим признакам термина относятся: обозначение понятия, принадлежность к специальной области знания, дефинированность, точность значения, контекстуальная независимость, конвенциональность и целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи, номинативность, стилистическая нейтральность. Кроме этих свойств, существует также ряд желательных свойств – требований к термину (непротиворечивость семантики, однозначность, отсутствие синонимов, соответствие нормам языка, краткость, мотивированность, внедренность, благозвучность и др.).

При лингвистическом определении *термина* нельзя обойти вниманием проблему соотношения термина и литературного языка. Этот вопрос стоял особенно остро вплоть до 70-х гг. XX в., но и сейчас остается дискуссионным. С одной стороны, термины противопоставляются общеупотребительной лексике («Терминология образует автономный раздел лексики национального языка, имеющий мало общего с литературным языком» [Суперанская 1989; 17]; «Все свойства, присущие единицам общей литературной лексики (многозначность, синонимия, стилистическая маркированность и т.д.), у терминов или отсутствуют, или принципиально иные» [Чурсина, Чурсин 2006].), с другой, приравниваются к ней: «термины - это не особые слова, а только слова в особой функции...» [Винокур 1939; 5], «ни в форме, ни в содержании нельзя найти существенной разницы между словом общеупотребительной лексики и словом лексики терминологической» [Кузьмин 1962; 145]; «Термины – это слова, и ничто языковое им не чуждо» [Котелова 1970; 124]; «... терминологическая лексика, являясь частью общелитературного языка, во многом подвержена тем же лексико-семантическим процессам, по которым развивается словарный состав

литературного языка в целом» [Даниленко 1971; 72]; «Мы являемся убеждёнными сторонниками «словности» термина и «лексичности» терминологии и поэтому рассматриваем термины как слова и фразеологические единицы литературного языка, выступающие в особой функции» [Прохорова 1996; 6]. Мы придерживаемся точки зрения, что термин – это «слово в особой функции», но именно эта функция определяет свойства термина, отличающие его от лексических единиц обыденного языка. Именно с функцией, которую призван осуществлять термин как лексическая единица, связаны требования, предъявляемые термину лингвистами, терминологами и пользователями терминологией. Этой же функцией определяется и отсутствие коннотаций у терминологической лексики в отличие от нетерминологической, различия в содержании и т.д. В пользу языковой природы термина свидетельствует нестабильность границ между терминологической и общеупотребительной лексикой и их взаимопроникновение. Так, по данным Г.П. Мельникова, около 80% лексики современного русского языка составляют научные и технические термины [Мельников 1991; 3]. С другой стороны, как замечает С.В. Гринев-Гриневиц [Гринев-Гриневиц 2008; 26], практически каждое существительное общеупотребительного языка (кроме стилистически маркированных) обозначает понятие, являющееся предметом исследования той или иной области, а значит, соотносится с тем или иным термином. Поэтому слово классифицируется как термин на основании следующих критериев:

- 1) специальная область употребления и обозначение понятия (основное свойство термина)
- 2) дефинированность (наличие дефиниции) - содержательная точность, четкость, ограниченность значения.

Согласно современной точке зрения слово обыденного языка и термин отражают разные уровни мыслительной деятельности. Дефиниция термина отражает понятие – «мысль, представляющую собой обобщение (и мысленное выделение) предметов некоторого класса по их специфическим (в совокупности

отличительным) признакам» [Философский словарь 1991; 350]. Толкование слова отражает представление – «чувственно-наглядный, обобщенный образ предметов и явлений действительности», сохраняющий и закрепляющий в сознании «то, что объективно становится его [человека] достоянием благодаря практике» [Там же], не раскрывающий внутренних связей и отношений и, как следствие, основанный на несущественных признаках.

Итак, в свете расплывчатости самого понятия *термин* и дискуссионности вопроса о критериях терминологичности (напомним, что в последнее время исследователи склоняются к точке зрения, что упомянутые критерии не являются неотъемлемо присущими свойствами термина), проблема типологии специальной лексики становится еще сложнее. Встает вопрос о целесообразности строгого разграничения терминологических единиц, если того не требуют цели и метод специального исследования, и прежде всего здесь имеется в виду нерешенная проблема разграничения терминов и единиц номенклатуры – *номенов*.

Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой термины и номены являются единицами разного порядка, поскольку термин – это слово или словосочетание, принимаемое в конкретной области знания для наименования общих понятий, в то время как номены – это «наименования единичных понятий, а также конкретной массовой продукции, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз» [Канделаки 1970]. С другой стороны, эти единицы имеют ряд общих свойств: принадлежность к специальной области знания, независимость от контекста, принадлежность к нейтральному слою лексики, целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи⁴⁴, - поэтому не всеми терминологами признается правомерность и обоснованность их разграничения.

Теоретическую неясность этого вопроса можно проследить по определению номенклатуры, данному О.С. Ахмановой: **номенклатура**,

⁴⁴Список по [Гринев-Гриневич 2008; 41]

согласно «Словарю лингвистических терминов», - «это совокупность специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области; названия типичных объектов данной науки (в отличие от терминологии, включающей обозначения отвлеченных понятий и категорий)» [Ахманова 1966]. Из этого определения вполне отчетливо следует, что номен является разновидностью термина (относится к специальным терминам-названиям), в то же время в рамках этой же словарной статьи постулируется жесткое разграничение этих единиц.

Идея о необходимости подобного различения при изучении языка науки поддерживается мнением таких авторитетных лингвистов, как Г.О. Винокур [Винокур 1939] и А.А. Реформатский [Реформатский 1959, 1964, 1968].

Г.О. Винокур, впервые в отечественной лингвистике предложивший выделять номены как особый класс специальной лексики, отличный от собственно терминов, понимал номенклатуру как систему полностью абстрактных символов, главная функция которых – указание на объект, то есть трактовал номены как исключительно названия, ярлыки конкретных предметов, в то время как термин для него являлся не просто именем того или иного предмета, но прежде всего отражением понятия. Еще в 1939 г. он писал: «... не следует смешивать термин, как название предмета мысли, ни с собственным именем, ни с номенклатурным знаком⁴⁵. Ни собственное имя, ни номенклатурный знак не имеют, строго говоря, оправдания в логической функции слова <...> Что касается номенклатуры, то в отличие от терминологии, под ней следует понимать систему совершенно абстрактных и условных символов, единственное назначение которой состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям

⁴⁵По этому поводу позднее замечал А.А. Реформатский: «Абсолютно правильна мысль Винокура, что надо отличать термины и «номенклатурные знаки» и что настоящие собственные имена не могут быть терминами (последние «пишутся с маленькой буквы!»). Но, во-первых, собственные имена и могут как раз быть «номенклатурными знаками», а во-вторых, название предмета мысли», хотя и идет от Ф.Ф. Фортунатова, но остается не вполне ясным: ведь и то, что «кроется» за «номенклатурными знаками» и даже за собственными именами, - тоже «предметы мысли», пусть и в ином качестве» [Реформатский 1959; 302].

теоретической мысли, оперирующей этими вещами. Почему данный предмет назван так, а не иначе, для номенклатурных обозначений более или менее безразлично, тогда как для термина, стремящегося обладать осмысленной внутренней формой, это очень важный вопрос» [Винокур 1939; 223 - 224].

Как видно из приведенной цитаты, для Г.О. Винокура мотивированность языкового выражения термина оказывается одним из его ключевых свойств. Отметим, что в современном терминоведении мотивированность не считается основным критерием при определении границ термина, поскольку буквальное значение термина не может в полной мере соответствовать содержанию понятия, напротив, содержание термина определяется в большей мере всей терминологической системой. При разработке новых терминосистем и упорядочении уже существующих мотивированность термина остается, тем не менее, рекомендуемым свойством, так как способствует запоминанию и облегчает его связь с другими терминами, однако известны примеры успешного функционирования терминов, языковое выражение которых не соответствует содержанию научного понятия (ср., к примеру, термин *атом*, прочно внедренный в терминологию естественных наук, при этом обладающий формой, противоречащей содержанию). С другой стороны, нельзя с полной уверенностью сказать, что для всех номенклатурных наименований абсолютно безразличен способ названия (ср., химическую и биологическую номенклатуры, в которых прослеживается тенденция к построению четкой осмысленной системы названий).

Независимо от Г.О. Винокура к аналогичным выводам о разной природе термина и номена приходит и А.А. Реформатский, который выдвигает в 1959 г. хрестоматийно известное положение: «...если данная машина имеет столько-то тысяч деталей и каждая из них имеет свое название, то это не значит, что есть столько же понятий. Это именно в номенклатуре». Так же, как и для Г.О. Винокура, для А.А. Реформатского терминология связана главным образом с системой понятий отдельной науки, тогда как функция

номенклатуры – этикетировать ее объект, именно поэтому «номенклатура может быть мыслима и как последовательность букв алфавита (витамин А, витамин В...), и как последовательность цифр (МАГ-5, МАГ-8) и иных любых произвольно условных обозначений. Номенклатура прямо не соотнесена с понятиями науки. Поэтому она не репрезентирует науку в системе ее понятий» [Реформатский 1959; 302]. Так как прямое назначение номенклатуры - служить этикетками предметов, она неисчислима, и хотя и сопряжена с понятиями, но более номинативна, термины же напрямую «связаны с понятиями науки, они для каждой науки (в каком-то едином направлении) исчислимы и принудительно связаны с понятиями данной науки, так как словесно отражают систему понятий данной науки» [Там же; 304].

Впоследствии идея о необходимости разграничения собственно терминов и номенов получила широкое распространение среди терминологов. Так, настаивает на необходимости разведения этих понятий А.Д. Хаютин в монографии «Термин, терминология, номенклатура»: «Мы неоднократно подчеркивали <...> плодотворность распространившегося в последние годы в языкознании разграничения *номенклатуры* – «перечисления онтологического инвентаря» (А.А. Реформатский) определенных организованных областей познания или преобразования мира или системы конкретных объектов, с которыми имеет дело данная область и с которыми она оперирует без прямого обращения к их содержанию, и *терминологии* (в первую очередь научной) – слов и словесных комплексов, соотносящихся с понятиями каждой конкретной науки и вступающих в системные отношения с другими подобными словами и словесными комплексами, составляя вместе с ними (для каждой конкретной области) в каждом конкретном случае особую замкнутую систему [Хаютин 1972; 17].

В дискуссиях о целесообразности выделения номенов как отдельного класса единиц ученые указывали различные причины: от системных до практических. Например, Р.Е. Березникова объясняет необходимость

разграничения терминов и номенов с типологической точки зрения, т.к. это «позволяет более точно определить место каждого типа специальных наименований в лексической системе». В частности, бесспорным признается именно характер единиц номенклатуры как ее отличительный признак, в отличие от терминов, для которых характерно лишь стремление к субстантивности, в то время как номены отличает «абсолютная номинативная значимость», являющаяся следствием специфики обозначаемых ими объектов [Березникова 1978; 141]. В практических целях, а именно в лексикографической практике, предлагает различать эти единицы С.В. Гринев-Гриневиц: «Такое разграничение необходимо прежде всего потому, что по сравнению с терминами число номенклатурных единиц крайне велико и продолжает быстро увеличиваться во всех областях человеческого знания, как, например, в случае открываемых химических соединений, регистрируемых новых звезд или производимых товаров и изделий. Поэтому, если не проводить границу между терминами и номенклатурой, мы не сможем удержаться в разумных пределах при составлении специальных словарей для многих наук» [Гринева-Гриневиц 2008; 37 - 38].

Характерен, тем не менее, тот факт, что, хотя впервые в отечественной лингвистике вопрос о номенах был поставлен еще в 30-е гг. XX в., в работе 2008 г. С.В. Гринев-Гриневиц констатирует, что в настоящее время о номенах как таковых «известно немного, они практически не подвергаются специальному изучению и встречаются в терминологических статьях только в связи с проблемой разграничения терминов и номенов» [Гринева-Гриневиц 2008; 40]. Действительно, в большинстве случаев номенклатура, как и другие единицы специальной лексики, рассматривается в сопоставлении с собственно терминами, отталкиваясь от свойств которых, терминологи и определяют номены.

В ходе дискуссий о номенах им давались разные дефиниции. Согласно А.В. Суперанской, номен – это «лексическая единица, с помощью которой мы

именуем видимый и воспринимаемый предмет без реализации его точного места в системе классификаций и без соотношения с другими предметами» [Суперанская 1976; 138]. Интересно, что под это определение не подходит биологическая номенклатура: как одна из самых детально разработанных, биномиальная номенклатура однозначно определяет иерархию видов и родов и их соотношение в построенной теоретической системе. Тем не менее, аналогично характеризует номены Р.Б. Березникова – как «наименования конкретных предметов данной области науки или производства» в противоположность терминам - «наименованиям понятий, отражающим наиболее важные, существенные в системе данной науки свойства классов предметов, процессов или явлений объективной действительности» [Березникова 1978; 141]. Решительно сужая сферу функционирования номенов, Т.Л. Канделаки определяет их как исключительно «наименования конкретной массовой продукции народного хозяйства, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз, а также наименования единичных понятий», таких как, например, *Меркурий, Урал, Днепрогэс* [Канделаки 1973]. В.М. Лейчик рассматривает номенклатуру как промежуточное звено между терминами и собственными именами и не относит к номенам наименования единичных понятий [Лейчик 1974]. С.В. Гринев-Гриневиц, напротив, полагает, что в качестве номенов, отражающих единичные понятия, можно рассматривать уникальные объекты исследования и произведения искусства, например: *Орион, Полярная звезда, Волга, Апассионата, Война и мир, Ночной дозор, БАМ, КАМАЗ, Китай-город*; в качестве примеров технических номенов приводятся наименования марок материалов и изделий, машин, механизмов и оборудования, индустриальных серийных типов зданий и сооружений, например, *СБ-5-24* (вид строительного-бетонного блока) [Гринева-Гриневиц 2008; 43].

С.Д. Шелов в статье «Об одном классе научно-технической лексики» [Шелов 1985; 156] выделяет три различных подхода к пониманию номенклатурных наименований:

1) номенклатура как совокупность научных названий представителей природного и животного мира - номенклатура₁;

2) номенклатура как совокупность обозначений «низших естественных разрядов», видов – номенклатура₂;

3) номенклатура как совокупность условных обозначений – номенклатура₃

Номенклатуру как номенклатуру₁ склонны понимать исследователи специальных наименований естественных наук (ботаники, зоологии, химии): [Березникова 1978], [Забинкова 1976], [Суперанская 1976]. В последнем случае проводится параллелизм «предметной направленности» номенклатуры и непосредственной закреплённости названия за реалиями окружающего мира и «понятийности» термина и способности познания закреплять общее и различное в объектах за соответствующими именами.

При втором подходе номенклатура «трактруется как лексика, находящаяся на самом низком уровне в родо-видовой иерархии обозначений соответствующих объектов науки; номенклатура₂ обозначает понятия «низшего вида», «наиболее частных» объектов. Так, в соответствии с точкой зрения В.Н. Прохоровой, номены – это «термины, являющиеся конечным звеном цепи родо-видовых отношений в терминосистемах»⁴⁶.

Номенклатура₃ выделяется по лингвистическому критерию – отсутствию мотивированности: «Признаком, выделяющим номены как особый класс специальной лексики, непременно оказывается обозначение объекта с помощью внешних – для соответствующей тематической области – признаков» [Шелов 1985; 156]. В связи с этим подходом уместно вспомнить приводившееся выше утверждение Г.О. Винокура: «Почему данный предмет назван так, а не

⁴⁶Прохорова В.Н. Лексико-семантическое образование русской терминологии: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1983

иначе, для номенклатурных обозначений более или менее безразлично, тогда как для термина, стремящегося обладать осмысленной внутренней формой, это очень важный вопрос»[Винокур 1939; 224]. Номенклатура₃ «оказывается низшим звеном научно технической лексики и парадигматически, и синтагматически. Парадигматическая производность номенклатуры заключается в том, что ее понимание невозможно без понимания других собственно терминологических обозначений данной области знания; в логико-семантическом отношении номенклатура₃ всегда находится на более низком уровне, чем термины, необходимые для закрепления ее семантики. Синтагматическая производность номенклатуры₃ проявляется в постоянной синтаксической опоре номена на соответствующий термин или имя нарицательное общелитературного языка»[Шелов 1985; 156]. Необходимо отметить, что положение о смысловой вторичности и производности номенклатуры по отношению к терминологии имеет место и при втором и первом подходе: для номенклатуры₁ это связано с необходимостью ее точного описания и фиксации ее семантики с помощью собственно терминов естественных наук (ботаники, зоологии, анатомии или микробиологии), а для номенклатуры₂ – с соотнесенностью с соответствующими родовыми терминами.

В общем и целом основания, по которым терминологи проводят разграничение терминологии и номенклатуры, можно свести к следующим:

- 1) Номены относятся к категории лексис, у них ослаблена связь с понятиями, они «оказываются лишь потенциальными λόγοι, т.е. они представляют собой лишь инструменты или средства, которые, попадая в понятийную систему, могут быть по-разному использованы при формировании настоящих λόγοι сообщения» [Суперанская 1976; 138]. Что касается термина, еще А.А. Реформатским [Реформатский 1959] была выдвинута идея о том, что термин является единицей двух разных систем: логоса (системы научных знаний) и лексиса (лексической системы языка). Позже В.М. Лейчик и А.В. Суперанская писали о тройственной природе терминов: «Если быть точным, то

термин является слугой трёх господ: языка, «логики» как общих закономерностей формулирования понятий и их определений и той предметной области, к которой этот термин относится» [Лейчик 1986; 88]. «Необходимо всё время помнить о триединой основе термина: предметное знание, логическое осмысление и языковое выражение» [Суперанская 2003; 17]. Таким образом, логос, логическое осмысление является свойством, неотъемлемо присущим термину, в то время как номены рассматриваются как единицы в этом отношении вспомогательные.

2) Если понятийность – важнейшая характеристика термина, то для номена основным качеством является вещественность или предметность и даже осязаемость. По определению философа Г.Г. Шпета «*nomen* есть эмпирическая, чувственно воспринимаемая вещь, а также знак, связанный с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления» [Шпет 1923: 32]. Номену также присуща некоторая понятийность, но его понятийность условна: «Безусловно, каждый предмет, обозначаемый с помощью номена, может претендовать на свою исчерпывающую дефиницию, но на практике нередко бывает удобнее нарисовать или показать отличие однотипных деталей (например, различного вида шайб) друг от друга, чем давать их исчерпывающее словесное описание» [Суперанская 1976; 138]. Впрочем, в отношении вопроса о дефиниции номенов, С.В. Гринев-Гриневиц проводит различие по сферам их функционирования: «Номенам науки и искусства дефиниция, как правило, не нужна. В технике же, если дефиниция термина чаще всего содержит указания на ближайший род и отличительные видовые признаки, то дефиниция номена должна содержать указание на термин, к которому она относится, и индивидуальные признаки обозначаемого ею объекта» [Гринев-Гриневиц 2008; 41]. Как бы то ни было, по замечанию Г.П. Мельникова, отличие между номеном и термином состоит в том, что «лексис» номена непосредственно соотнесён с предметами и объектами реальности, с уровнем «онтоса», а не с теоретическими единицами (не с

единицами уровня «логоса» - понятиями об этих предметах) и позволяет работать с «онтологическим инвентарем». Если даже признавать, что на уровне номена функционирует единица логоса (см. п.1), обычно считается что номен лишь именуется эту единицу, но не реализует функцию раскрытия понятия, которая свойственна прежде всего термину [Мельников 1991; 14].

3) Терминология каждой отдельной области науки исчислима, так как отражает систему ее понятий. Номенклатура неисчислима, так как соотносится с предметами и объектами изучения, ограничить число которых принципиально невозможно.

4) Термин функционирует строго внутри терминологического поля, вне его он перестает быть таковым. На это свойство термина особое внимание обращал К.Я. Авербух, настаивая, в свою очередь, на первичности терминосистемы по отношению к термину и в связи с этим считая некорректными некоторые определения: «Несмотря на господствующее ныне мнение об относительности существования термина, о первичности системы терминов и вторичности ее элементов (термин существует лишь постольку, поскольку является элементом этой системы), практически все предпринимавшиеся до сих пор попытки определения основных понятий терминоведения вначале адресуются к термину и только потом на основе его дефиниции к терминосистеме (терминологии). А это методологически некорректно» [Авербух 1986; 103].

В отличие от терминов, номены, согласно А.В. Суперанской, легко употребляются вне контекста: «...если номен обозначает название химического вещества или деталь машины, практически безразлично, находят ли эти предметы применение в быту или в какой-либо научной лаборатории. Химические свойства вещества (серной кислоты, окиси магния) или физические свойства детали (гвоздя, винта, шайбы) от этого не изменятся. Тесная связь номенов с именуемыми предметами выводит их из специального поля науки и делает возможным их включение в любой контекст» [Суперанская

1976; 139]. Р.Е. Березникова в этом отношении не так категорична, хотя в целом согласна с положением А.В. Суперанской: «...тесная связь номена с предметом, конкретность обозначаемого номеном предмета приводит к тому, что, выходя за пределы языка науки, номен не так резко меняет свое значение, сохраняя большую степень соответствия именуемому предмету, тогда как термин сохраняет свою точность только в рамках определенной терминологии» [Березникова 1978; 143 - 145].

5) Как следствие, в случае номенов выше вероятность их включения в общий словарь, они достаточно легко могут переходить в бытовые слова (например, *зеленка* вместо *раствор бриллиантовой зелени*). У термина шансы подобного включения в общеупотребительную лексику намного ниже, они принадлежат специальному словарю [Суперанская 1976; 140].

б) Для некоторых областей, особенно для технических, характерны особенности в языковом выражении номенов, в чем проявляется «стремление к размещению возможно большего объема значения при минимальной форме». Часто такие номены представляют собой сложные слова, состоящие из графемной части – во многих случаях компрессии родового для данной единицы термина - и цифровой части, показывающей основные характеристики объекта, его видовые отличия (ВАЗ-210, Ил-28, БП-1-2; Север-5, цемент-200). Именно такая фиксированность функций каждой части позволяет отказаться от дефиниций номенов и разработать общие правила и закономерности их формирования [Гринев-Гриневиц 2008; 40].

Таким образом, можно выделить несколько принципов, на основании которых в теоретических работах разграничиваются термины и номены. Тем не менее, сам вопрос о необходимости их разграничения остается дискуссионным. Следует отметить, что в зарубежной лингвистике нет традиции четкого противопоставления терминологии и номенклатуры (хотя сама идея о необходимости этого впервые была высказана английским логиком Хьюэллом еще в конце XIX века), и номенклатурные единицы рассматриваются главным

образом как термины низшей ступени классификации. В отечественном терминоведении также ряд исследователей считает, что подобное деление излишне и неоправданно ни с теоретической, ни с практической точки зрения [Веселов 1965; 31], [Моисеев 1970; 132- 133]. В ответ на известное положение А.А. Реформатского А.И. Моисеев выдвигает противоположное: «Если машина имеет столько-то тысяч деталей и каждая из них имеет свое название, то это значит, что имеется столько же понятий. В связи с этим и все учение о различии терминологии и номенклатуры обесценивается, будучи лишенным серьезных оснований» [Моисеев 1970; 133]. Дискуссия, впрочем, на этом не закончилась, и А.А. Реформатский прокомментировал это выступление следующим образом: «...мнение А.И. Моисеева сформулировано аподиктично, безапелляционно и бездоказательно: неужели же можно всерьез думать, что если в машине тысяча однотипных болтов, различающихся только величиной или диаметром сечения, то каждому болту соответствует особое понятие?» [Реформатский 1974; 353]. В связи с этой дискуссией не лишним будет привести философское определение *понятия*: согласно Новейшему философскому словарю под ред. А.А. Грицанова, понятие – это «форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств».

О безусловной взаимосвязи терминов и номенов говорят и сторонники разграничения этих единиц: «...номенклатурные наименования непосредственно «привязаны» к терминам, они группируются вокруг определенных родовых понятий. Вместе с ними (и некоторыми другими типами понятий) они образуют систему понятий соответствующей области знания, но <...> выражают понятия несколько иного характера» [Канделаки 1973; 68]. Хотя существование номенов не обусловлено непосредственно местом в системе понятий, но они связаны с понятиями через соответствующие термины. Так, номен *СБ-5-24* предполагает существование термина «стеновой бетонный блок» и без него невозможен, аналогично, за номенами *Орион*, *Волга*,

Аппассионата стоят термины «созвездие», «река», «соната» [Гринев-Гриневиц 2009; 88-89]. При этом «ни о какой номенклатуре не может быть и речи там, где еще не выработана терминология. До того, как это произошло, имеется лишь некоторый фонд специализированных обозначений, недостаточно четко выделяющихся из общего словарного состава, ср. народную ботаническую, геологическую, географическую, зоологическую номенклатуру и т.д.» [Суперанская 1976; 137]. Номены же представляют собой следующий после создания собственно терминологии этап развития специальной лексики [Гринев-Гриневиц 2008; 43].

Что не менее важно, одно и то же слово может функционировать в одном случае как номен, в другом – как термин: «одни и те же лексические единицы в одном своем аспекте (как отражающие чувственное восприятие) оказываются принадлежащими к категории лексис, а в другом (как отражающие познавательный процесс и место в системе) – к категории логос. На основе этого строится различие терминологии и номенклатуры: слово в системе понятий, в понятийном поле – логос, термин; слово как обозначение изучаемого и наблюдаемого предмета – лексис, номен» [Суперанская 1976; 137]. Кроме того, в истории науки неоднократно случаи превращения отдельных номенов из чисто номинативных единиц в термины, то есть в элементы логического сообщения. Механизм такого преобразования прослежен Р.Е. Березниковой: «Номен науки через предмет связан с понятийной сферой ближайшего родового понятия, а понятие, соответствующее номену, находится на периферии родового понятия. В целом взаимосвязь терминов и номенов науки такова, что законченность научной классификации создается лишь в результате непосредственной связи *infimaspecies* логического деления с предметом. При превращении номена в термин <...>непосредственная связь вновь возникшего термина с предметом ослабевает. Вместо этого слово получает тесную связь с понятием, которое в свою очередь становится более широким, лишаясь при этом конкретных признаков» [Березникова 1978; 146].

Г.П. Мельников, разграничивая понятия термина и номена, упоминает в своей монографии «концепцию Хьюэлла-Лотте», в соответствии с которой как термины, так и номены могут иметь дефиницию или же просто быть называемыми индексами и выражать единицы уровня логоса. Отличие же состоит в том, что содержанием номенов являются понятия самых низких, самых формально-конкретных уровней в классификационной иерархической схеме, поэтому номенклатура оказывается не столько противопоставленной, сколько включённой в терминологию как её содержательно наиболее конкретный уровень [Мельников 1991; 14]. В своих собственных рассуждениях по вопросу Г.П. Мельников также приходит к компромиссу: номен - это частная разновидность терминов в широком смысле. Признавая в целом, что процесс разработки терминосистемы отличается от процесса разработки номенклатуры (в первом случае выявляют системные свойства и отношения, характеризующие сущность, а во втором учитывают свойства, значимые лишь прагматически для внешних систем), исследователь говорит о том, что деятельность по разработке терминосистемы, и номенклатур для определённой онтологической системы оказывается практически однотипной и в этом отношении **разграничение терминов и номенов излишне, особенно если речь идёт о лингвистической части этой работы.** Вообще создание номенклатур вторично по отношению к созданию терминосистемы: оно может быть результативным только после того, как обнаружены внутрисущностные свойства системы. При таком подходе собственно терминологическая деятельность «единственна», а работа по построению номенклатуры «надстроечна». Число таких надстроек может быть велико, но они являются лишь проекциями первичной терминосистемы, что позволяет считать работу по созданию номенклатур лишь частью общей терминоведческой деятельности и дает право говорить о терминоведческой работе и в смысле создания любых номенклатур для конкретной терминосистемы [Мельников 1991; 49- 51]. Для обобщённого названия того языкового явления, когда ещё не произошла

дифференциация между терминологией и её номенклатурами, предлагается использовать термин *терминолект*.

Иными словами, если какое-либо понятийное поле классифицировано по существенным признакам и описано в системе дефиниций, то в результате терминолог получает «единственную терминосистему». Если же появляется необходимость рассматривать те же самые «онто-сущности» (и их «лого-сущности» - понятия) в частном аспекте, то продуктом деятельности окажется не терминосистема, а номенклатура. Тогда одному и тому же наименованию понятия в терминосистеме может соответствовать столько номенов, сколько полных номенклатур разработано на данном поле терминируемых понятий⁴⁷, и только в этом случае, по Г.П. Мельникову, целесообразно разграничение терминов и номенов.

Итак, дискуссии по поводу разграничения терминологии и номенклатуры являются отличительной особенностью русского терминоведения и ведут свой отсчет с 30-х гг. XX в., достигнув апогея в 60 – 70-е гг. Несмотря на такой длительный период изучения вопроса, общепринятой точки зрения на проблему так и не было выработано. С одной стороны, постулируется разграничение этих терминологических единиц как принадлежащих разным уровням мышления и выполняющих различные функции, с другой стороны, не отрицается их безусловная взаимосвязь. Как замечает С.В. Гринев-Гриневиц, термин номенклатура используется и в значении «упорядоченная терминология с правилами создания новых терминов» [Гринева-Гриневиц 2008; 43].

В связи с этим нам представляется рациональным разграничивать номенклатуру и терминологию исключительно в тех случаях, когда того требуют конкретные задачи исследования. В своих рассуждениях в данном

⁴⁷В качестве примера приводится поле «растительный мир», где одно и то же растение, как член терминосистемы, обладающее определёнными сущностными характеристиками, может одновременно оказаться кровеостанавливающим в медицинской номенклатуре, богатым питательными маслами в сельскохозяйственной номенклатуре и гнилостойким в строительной номенклатуре.

случае мы опираемся на положения Г.П. Мельникова о «единственности» терминологической деятельности.

4.1.2. Употребление слов *терминология* и *номенклатура* в профессиональном (нелингвистическом) дискурсе (обыденное метаязыковое сознание)

Анализ профессиональных текстов показывает, что в современной науке (в широком смысле) не только существуют терминологические проблемы, связанные с неразработанностью или неупорядоченностью отдельных узкопрофессиональных терминологий, например, экономической или компьютерной (что может происходить по различным, в том числе экстралингвистическим, причинам, см. п. 3.2), но неоднозначно используются и такие общенаучные термины, как *терминология*, *номенклатура* и *классификация*. В научных текстах указанные термины нередко образуют линейную последовательность, при этом из текста не всегда понятно, что для авторов между этими понятиями есть существенная разница, при том что иногда эти термины оказываются взаимозаменяемыми:

«Гемоглобинопатия: классификация, терминология и номенклатура»
(название статьи, humbio.ru);

«Все вышеизложенное целиком и полностью относится к проблемам терминологии, номенклатуры и классификации острой ревматической лихорадки (ОРЛ)» (статья «Классификация и номенклатура ревматической лихорадки», www.r-factor.ru);

«Из многих проблем и задач в области систематики микроорганизмов мы останавливаемся на терминологии (номенклатуре) преимущественно медицински значимых микромицетов и вызываемых ими заболеваний в рамках Международного Кода ботанической номенклатуры» (статья «Микологическая терминология, её использование на практике», www.rusmedserv.com);

«В настоящее время упорядочение и стандартизация медицинской терминологии, совершенствование классификационных систем медицины проводятся с учетом общей теории классификации, терминологии и номенклатуры. Поэтому для последующего обсуждения рассматриваемой нами проблемы сформулируем некоторые положения современного учения о классификации, терминологии и номенклатуре» (статья «Номенклатура и классификация стрептококков», bezdna.eu);

«Унификацию терминологии, касающейся определения номенклатуры и классификации болезней, нельзя установить простым декретированием» (Статья о классификации психических нарушений, www.insai.ru);

Обращает на себя внимание, что часто сочетание *классификация, терминология и номенклатура* представляет собой в рассматриваемых контекстах некий неразрывный континуум. Авторы статей указывают его как некую общую метатекстовую единицу, позволяющую им охватить тему, но не проводят дальнейшей спецификации.

Что касается упоминания в этом контексте *классификации*, то классификация безусловно связана с понятиями терминологии и номенклатуры. Ср. значения, указанные в МАС [Словарь русского языка... 1999]:

1. Действие по значению глаг. *классифицировать*. *Заниматься классификацией минералов.*

2. Система распределения каких-л. однородных предметов или понятий по классам, отделам и т.п. по определенным общим признакам. *Классификация товаров. Классификация растений.*

Разработанная терминология (терминосистема) и номенклатура являются результатом классификации в первом значении (классификационной деятельности ученых). По метонимическому переносу слово переносится и на результат классификационной деятельности – систему, организованную определенным образом. Тогда классификацией могут быть названы терминология и номенклатура, с тем различием, что в слове *классификация*

акцентирует системность содержания, а *терминология* и *номенклатура* – словесное выражение, хотя последние не в меньшей мере предполагают системность выражаемых ими понятий (термин существует только в определенной терминосистеме, вне ее он не имеет смысла). Ср. иллюстрации, приведенные в МАС: классификация товаров соответствует определению номенклатуры, данному Т.Л. Канделаки («наименования конкретной массовой продукции народного хозяйства, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз»), классификация растений относится к номенклатуре₁ (в классификации номенклатур С.Д. Шелова) и соответствует ботанической номенклатуре.

В отношении слов *терминология* и *номенклатура* нет однозначности. Хотя в лингвистической науке между *терминологией* и *номенклатурой* принято производить различия, в других профессиональных сферах (в частности, в медицинской) они обычно употребляются синонимично. Возникает вопрос о классифицировании этих единиц как терминов (пусть и общенаучных) или слов общеупотребительного языка.

Ср. определения, данные в толковых словарях. В словаре Ушакова [Толковый словарь русского языка... 1935 – 1940] *терминология* и *номенклатура* разграничены и даны с пометами (научн.) и (книжн.) соответственно:

ТЕРМИНОЛОГИЯ(науч.). Совокупность терминов какой-н. области.
Грамматическая т. Философская т.

ТЕРМИН. Слово, являющееся названием строго определенного понятия.
Точный, неточный т. Удачный, неудачный т. Новый т. Философские термины. Технические термины. Специальные термины (обозначающие специальные понятия отдельных отраслей науки, искусства, техники, производств и т. д.).
...Для масс надо писать без таких новых терминов, кои требуют особого объяснения... Ленин. || Специальное слово и выражение, принятое для

обозначения чего-н. в той или иной среде, профессии. *Термины карточных игр. Шахматные термины.*

НОМЕНКЛАТУРА (книжн.). Совокупность употребляемых в какой-н. специальности названий. *Н. медицинская, географическая, телеграфная и т. д.*

По поводу данных определений заметим, что, во-первых, термин как единица терминологии в словарь включен, а вот номен никак не упоминается (номенклатура – совокупность *названий*); во-вторых, определение термина допускает широкое толкование: то, что, с точки зрения теоретического терминоведения, можно было бы отнести к термину в полном смысле, обозначается в словаре как *специальный термин*. Из чего можно сделать вывод, что отнесенность к строго определенной области знания, по-видимому, не формирует семантическое ядро термина.

Сравним с определениями, данными в МАС [Словарь русского языка... 1999]:

ТЕРМИНОЛОГИЯ - совокупность терминов, употребляемых в какой-л. области знания, искусства, общественной жизни. *Медицинская терминология. Техническая терминология.* □ *Ревнивая каста [ученых] хочет удержать свет за собою, окружает науку лесом схоластики, варварской терминологии, тяжелым и отталкивающим языком.* Герцен, Дилетантизм в науке.

ТЕРМИН - слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-л. специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т. п. *Философские термины. Ботанические термины. Термины мореходства.*

НОМЕНКЛАТУРА - перечень, совокупность названий, терминов и т. п., употребляемых в какой-л. отрасли науки, производства и т. п. *Географическая номенклатура. Медицинская номенклатура.* || Перечень названий чего-л. *Номенклатура изделий. Номенклатура товаров.*

Определения *терминологии* и *термина* в МАС значительно ближе к научной дефиниции этих терминов: четко эксплицирована связь и

терминологии, и термина с определенной областью знания. С другой стороны, номенклатура представляет собой совокупность как названий, так и терминов и не отграничивается существенно от терминологии как таковой.

Таким образом, в обыденном, нетерминологическом употреблении:

1) номенклатура может не отличаться по значению от терминологии
2) в случае с терминологией и термином по сравнению с научной дефиницией может происходить расширение значения и исключение элемента значения ‘принадлежность к определенной области знания, сфере деятельности’, который для термина в научном понимании является ключевым.

3) в обыденном сознании нет понятия *номен*, хотя есть *номенклатура*, (сближающаяся по содержанию с терминологией и классификацией).

4) *терминология* в обыденном сознании может приобретать коннотацию ‘не доступное для понимания неспециалиста, запутанное, чрезмерно (иногда намеренно) сложное’ (ср. иллюстрации, данные в словарях);

Рассмотрим это более подробно на примере следующего текста из медицинской энциклопедии:

«Анатомическая номенклатура (Nomina anatomica) — совокупность анатомических терминов. Римляне заимствовали ряд анатомических терминов у персов и египтян, положив в основу номенклатуры греческую терминологию. В средние века получила широкое распространение латинская терминология, так как латинский язык в течение многих столетий служил единственным средством научного общения. В период расцвета арабской культуры и в эпоху Возрождения анатомическая номенклатура пополнялась новыми терминами в связи с развитием анатомических исследований. Количество анатомических терминов все увеличивалось еще и оттого, что отдельные исследователи, описывая новую деталь, подчас давали ей каждый свое особое обозначение» [Анатомическая номенклатура. URL: www.medical-enc.ru].

Совершенно очевидно, что в приведенном отрывке автор статьи не различает терминов *номенклатура* и *терминология* и использует их в качестве взаимных эквивалентов, чтобы избежать лексического повтора. При этом, судя по всему, ему не известно, что единицей терминологии считается термин, а единицей номенклатуры – номен, поэтому номенклатура и оказывается «совокупностью терминов», в основе латиноязычной номенклатуры может лежать греческая терминология, и номенклатура может пополняться терминами.

Необходимо отметить, что, если считать номен частной разновидностью термина в широком смысле (подробно вопрос о разграничении номенклатуры и терминологии в теоретическом терминоведении рассмотрен нами выше и, в частности, обоснована такая точка зрения на их соотношение), употребление слова *терминология* вместо *номенклатура* возможно: замена гипонима на гипероним допускается правилами логики. Но, тем не менее, в анализируемых контекстах такая замена не всегда оказывается логически корректной. Рассмотрим первое предложение: *Анатомическая номенклатура (Nomina anatomica) — совокупность анатомических терминов*. Если X есть совокупность Y, значение Y должно быть уже значения X. Иными словами, Y должно покрывать меньший объем денотатов, чем X. Терминология при широком понимании включает в себя номенклатуру, то есть ее значение шире. По логическим связям первое предложение аналогично сконструированному нами **Свора овчарок - совокупность собак*, которое, хоть и не является ложным, но не соответствует коммуникативной задаче определения, которое должно выявить специфические свойства определяемого объекта. Далее, *Римляне заимствовали ряд анатомических терминов у персов и египтян, положив в основу номенклатуры греческую терминологию*. Аналогично, если в основе X лежит Y (X базируется на Y, и X есть расширение класса Y), значение Y должно быть не шире значения X. Так, можно положить в основу художественного произведения сюжет, но нельзя положить в основу сюжета

художественное произведение, частью которого этот сюжет и является. Или: в основе дома может лежать фундамент (являясь в то же время частью дома), но дом в основе фундамента лежать не может. Эти логические принципы не соблюдаются в приведенном отрывке, поэтому он и создает впечатление терминологической путаницы.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на внутрилингвистические дискуссии относительно разграничения терминологии и номенклатуры, носители профессионального знания (не лингвисты-терминологи) могут использовать эти лексические единицы не в терминологическом значении, а в общеупотребительном, отражаемом в толковых словарях. В этом случае *номенклатура* и *терминология* знания часто используются как синонимы, совпадая в реальном употреблении. Представляется, что это можно трактовать как отражение подсознательного уровня метаязыкового сознания, ответственный за речевой самоконтроль.

4.2. Взаимодействие обыденного и профессионального метаязыкового сознания при разработке терминосистем (на примере компьютерной терминологии)

Несмотря на то, что компьютерные технологии и Интернет прочно вошли в нашу жизнь, так что стало возможным поднять вопрос о том, вошли ли некоторые компьютерные термины в состав общелитературного языка, профессиональное обслуживание сферы предполагает наличие упорядоченной терминологии в строгом смысле слова.

Сложности сферы в терминологическом плане во многом связаны с тем, что компьютерные технологии являются относительно новой областью знания, в то же время активно развивающейся, и что немаловажно, в глобальном пространстве. Как следствие, терминология представлена на английском языке и профессиональная коммуникация нередко осуществляется при участии

английского языка, русскоязычная же терминология не разработана.

Как указывалось в главе 3, разработка терминосистем происходит при взаимодействии трех типов сознаний. Применительно к компьютерной области это профессиональное сознание компьютерных специалистов, осуществляющее систематизацию понятий (сфера логоса), в отношении же организации собственно языковой стороны термина, которая и интересует нас в настоящем исследовании, задействованы метаязыковое сознание самих компьютерных специалистов, классифицируемое нами как обыденное, не основанное на специальной лингвистической подготовке, а также (в идеале) метаязыковое сознание профессиональных лингвистов-терминологов. Привлечение лингвистов при упорядочении терминологии рекомендуется самими специалистами-терминологами («Необходимо всё время помнить о триединой основе термина: предметное знание, логическое осмысление и языковое выражение. Иными словами: лингвисту в терминологической деятельности принадлежит лишь одна треть работы, но чрезвычайно важная» [Суперанская 1989; 17]), но, как будет показано далее, и сами специалисты видят смысл в консультациях по поводу терминологических проблем со специалистами, в частности, по русскому языку.

Цель настоящего раздела - сопоставить ОМЯС как уровень теоретически несистематизированного метаязыкового сознания и научные, собственно-лингвистические взгляды на термин и терминологию, также представляющие собой уровень метаязыкового сознания, но теоретически систематизированный, в «областях пересечения интересов», а именно в практической разработке русскоязычных терминологических систем (на примере компьютерной сферы).

4.2.1. Опыт отечественных терминоведов по нормализации терминологии. Критерии, предъявляемые к терминам профессиональными терминоведом.

Отечественное терминоведение имеет достаточно давнюю традицию и успешный практический опыт по нормализации терминосистем (напомним, что именно это виделось первоочередной задачей терминоведения в эпоху его формирования в 30-е гг. XX в.). В СССР была предпринята масштабная работа по упорядочению и стандартизации научно-технической терминологии с целью создания отраслевых государственных и международных стандартов на термины и определения, издания сборников рекомендуемых терминов, терминологических словарей. «Результаты этой работы дают возможность сделать вывод: терминологии (одни в большей, другие в меньшей степени) поддаются упорядочению и стандартизации, их можно сознательно контролировать и изменять» [Чурсина, Чурсин 2006].

Терминологические комиссии Комитета научно-технической терминологии АН СССР (КНТТ) в соответствии со стоявшей перед ними задачей разработки терминологических стандартов в различных отраслях естественных и технических наук, вывели требования к идеальному термину, т.е. определили те свойства термина, которые способствуют, по мнению терминоведов, к его успешному внедрению в использование и эффективному функционированию. Д.С. Лотте и его последователями были выдвинуты следующие требования к термину:

- **однозначность** – в пределах конкретной терминосистемы одному термину должно соответствовать одно понятие: «Любой научно-технический термин в противовес обычному слову (или словосочетанию) должен иметь ограниченное, твердо фиксированное содержание» [Лотте 1941; 5], и хотя степень «вредности» многозначных терминов различна («одни из них вызывают лишь затруднение при чтении литературы, ограничивают возможность обмена опытом, другие ведут к шаткости

представлений и к более менее тяжелым практическим ошибкам»), она «должна быть в известных пределах, безусловно, устранена» [Там же; 7], а именно в пределах одной терминологической системы, в пределах отраслевой и общетехнической терминологии и по возможности в пределах родственных соприкасающихся областей [Там же; 7 – 8];

• **отсутствие синонимов** – одному понятию должен соответствовать один термин: «Существование двух терминов для одного понятия представляет собою ту опасность, что в один из этих терминов постепенно вкладывается содержание или более узкое, чем в другой, или более широкое, или, наконец, совершенно иное. Таким образом, абсолютные синонимы в подавляющем большинстве случаев превращаются в относительные со всеми пороками многозначных терминов» [Лотте 1941; 7 – 8]. Синонимия терминов признается допустимой только в двух случаях: а) «когда для различных систем терминов необходимо класть в основу построения отдельных терминов различные признаки одного и того же понятия или придавать разную конструкцию терминам, составленным из одних и тех же лексических элементов»; б) когда один термин является краткой формой другого;

• **мотивированность** – требование не может быть признано основным критерием, т.к. буквальное значение термина не может в полной мере соответствовать содержанию понятия, оно определяется всей системой; но мотивированность термина способствует его запоминанию и облегчает связь с другими терминами. В работах Д.С. Лотте этот термин соотносится с требованием *соответствия*: в зависимости от соответствия буквального значения термина (т.е. «значения входящих в его состав терминологических элементов с учетом их морфологии и синтаксических связей» [Лотте 1941; 12]) его действительному значению (содержанию) термины классифицируются Д.С. Лотте на «правильно ориентирующие термины», в которых языковое выражение «создает правильное представление о самом

понятии)), «нейтральные термины», «в которых мы не распознаем никакого буквального значения», и «ложно ориентирующие термины», в которых «терминоэлементы, являющиеся сами терминами (применяемыми в той же системе) или обычными словами, по своему буквальному значению противоречат действительному значению термина, способствуют неправильному представлению о понятии» [Там же; 12 – 13]. Правильно ориентирующие термины, «обладающие максимально возможной степенью точности» признаются «наилучшими», нейтральные – допустимыми в силу ограниченности словарного запаса, необходимости стремления к краткости и стремления избежать сторонних ассоциаций [Там же; 14]. Неправильно ориентирующие термины, согласно Д.С. Лотте, должны устраняться, т.к. они не только могут нарушать взаимопонимание, но и создают неустойчивость терминологии. Чтобы построить правильно ориентирующий термин, необходимо «откинуть все несущественные, второстепенные признаки понятия и учесть все необходимые и достаточные признаки, вскрывающие физическую сущность <...> терминируемого понятия в должной связи со всеми соответственными другими понятиями» [Там же];

• **системность** – термин – член определённой терминологической системы, и системность понятий должна по возможности отражаться в языковой структуре термина: аналогичные явления имеют аналогичные обозначения. В этом ключе Д.С. Лотте пишет о согласовании между терминами: «... при построении терминов надо установить, какое место занимает каждое понятие среди всех других понятий данной системы или данного классификационного ряда и, в зависимости от этого, выбрать признак, который должен быть положен в основу построения термина. Для понятий одного порядка, стоящих на одной классификационной ступени, признаки, кладущиеся в основу построения их терминов, должны быть так же одного порядка; вместе с тем и конструкция терминов должна быть

одинакова» [Лотте 1941; 17];

- **точность** – «... каждый термин должен соответствовать понятию или во всяком случае не противоречит ему, а определение – содержать все необходимые и достаточные признаки, характеризующие понятие» [Лотте 1961; 16];

- **простота и понятность** – «достоинством каждого термина является его меткость, доходчивость, легкое запоминание и освоение» [Лотте 1941; 22];

- **краткость** – признается Д.С. Лотте «большим достоинством» термина, поскольку «такие недостатки, как отрыв отраслевой терминологии от общетехнической или книжной от практической, наличие многозначимых и синонимических терминов и т.д., в значительном числе случаев объясняются тем, что первоначально построенный термин был слишком длинен». Как только термин «выходит за пределы книги и появляется необходимость в его частом и широком употреблении», он либо подвергается эллипсису (что может привести к многозначности или созданию «явно курьезных, неясных и недопустимых терминов»), либо вытеснению его другим, более кратким термином [Лотте 1941; 18 – 20];

- **внедрённость** – предпочтение отдаётся термину, имеющему более широкое распространение и длительную традицию употребления: «... как бы плох ни был термин, его чрезвычайно трудно повсеместно изъять из применения, если только он получил широкое и длительное распространение. Поэтому необходимо учитывать степень вредности того или иного существующего термина и заменять его лишь таким, который имеет явные преимущества перед старым» [Лотте 1941; 24];

- **независимость от контекста** – «... содержание должно принадлежать термину вне зависимости от контекста, в то время как значение обычного слова уточняется лишь в определенном контексте в сочетании с другими словами» [Лотте 1941; 5];

• **«своязычность»** – недопустимость необоснованных иноязычных заимствований. Д.С. Лотте констатирует: «Массовое заимствование в большинстве случаев приводит не к обогащению терминологии, а к ее засорению», а необоснованное и некритическое введение иностранных терминов часто сопровождается искажением [Лотте 1941; 22]. Тот факт, что «русская техническая терминология отличается громадным количеством чуждых терминов, заимствованных в буквальной или искаженной звуковой форме, или, наконец, представляющих собою перевод иностранного термина (часто без учета специфики соответственной иностранной терминологии)», очевидно, видится как явление негативное [Там же]. Вместе с тем, это не призыв изгонять все иноязычные терминоэлементы или переводить все устоявшиеся термины – «война коверканию русского языка» объявлена в двух направлениях: 1) не заимствовать без необходимости, 2) не искажать заимствованный термин [Там же; 23].

Впоследствии перечень требований к термину был дополнен⁴⁸:

- внеположенность термина модальности, экспрессии и стилистике (Реформатский 1968; 103);
- принадлежность к специальному языку (Лейчик 1986;14);
- лингвистическая правильность;
- словообразовательная способность (дериватность);
- благозвучие;
- современность (Новикова 1998; 198 – 204), (Васильева 1998; 508).

Следует отметить, что о некоторых из них говорил и Д.С. Лотте, не выделяя их в отдельный критерий.

Требования подвергались критике, доказывалась невозможность выполнения их всех. Как отмечается в статье «Прескриптивный подход к изучению термина» [Чурсина, Чурсин 2006], «на сегодняшний день в терминоведении остаются актуальными вопросы о вариантах и синонимах

⁴⁸ Список составлен по [Чурсина, Чурсин 2006].

терминов и принципах их разграничения, об абсолютных (дублетах) и оттеночных терминах-синонимах (Гринев 1993; Татаринцов 1996 и др.), о широкой синонимии, расцениваемой либо как признак начального периода развития терминосистем, что предполагает дальнейшее устранение смыслового тождества терминов (Кутина 1970 и др.), либо же как свойство «зрелости» терминосистем, обусловленное социальной значимостью объекта исследования... (Казарина 1999:275)... о терминах языка и терминах речи (Головин 1970:17 – 26; Лейчик 1990: 85), о структуре значения терминов (наличие которого признаётся не всеми лингвистами), о коннотации в значении терминов (Прохорова 1996 и др.), их стилистической (стилевой) и функциональной маркированности (Власова, Загоруйко 2005) и т.д.»

4.2.2. Требования к термину, выдвигаемые «наивными» носителями языка

Анализ требований, выдвигаемых в процессе общения специалистов компьютерной сферы (но «наивных» носителей языка) на Интернет-форуме и являющихся отражением их обыденного метаязыкового сознания и в то же время насущных нужд, показывает справедливость основной части критериев, которые профессиональные лингвисты-терминологи применяют к «идеальному термину».

Начнём с постановки проблемы. Как бы ни относились пользователи к заимствованиям в терминологии, большинство согласны в том, что её необходимо упорядочить, что терминологическая проблема существует и остро нуждается в решении: *«Кто-то скажет, что слова обсуждают те, кому нечего делать. Тем не менее, как в российском, так и в западном профессиональных сообществах в спорах о терминологии сломано огромное множество копий. Чем же так важна для нас терминология? Во-первых, терминология — это первое, с чем сталкиваются новички в нашей области, как со стороны «юзабилистов», так и со стороны заказчиков. Терминология —*

это один из источников информации о дисциплине. Сейчас состояние терминологической культуры в области таково, что оно в первую очередь вызывает у людей «не в теме» впечатление бардака. Во-вторых, слова — это инструмент мышления специалиста и коммуникации между специалистами. Хаос в словах вызывает хаос в мыслях. «Зашоренность» таких названий, как «Human-Computer Interaction», вызывает «зашоренность» в мышлении специалиста, от которого часто требуется более широкий взгляд на проблему, чем предполагает проектирование интерфейса в узком смысле этого слова» («Терминологические войны. Эпизод I»).

Существующая терминология неудобна в использовании. Например, отмечается как крайне нежелательное явление наличие большого количества синонимов (терминов или номенов), обозначающих идентичные явления: *«В проектировании интерфейсов существует огромное количество терминов, обозначающих направления и подходы. Существующая практика использования этой терминологии во многом сводится к тому, что почти все они употребляются как синонимы. Российскому сообществу разработчиков это свойственно еще в большей степени, чем западному. Такие названия, как «юзабилити»⁴⁹, «User Experience Design», «проектирование пользовательских интерфейсов», «проектирование, ориентированное на пользователя» и другие, используются как различные названия одной общей области знаний» (там же).*

При этом никаких серьезных оснований для предпочтения того или иного варианта нет, поскольку нет единого стандарта; в результате приоритеты в выборе подходящего термина расставляются в индивидуальном порядке: *«Это вызывает ситуацию, в которой споры о терминах выглядят похожими на споры между представителями разных религий. Одним людям больше нравится один термин, а другим симпатичен другой. Некоторые и вовсе отрицают существование всех понятий, помимо одного — их любимого. Объясняют они это тем, что введение новых терминов — это*

⁴⁹ В «Англо-русском толковом словаре компьютерных терминов» *usability* трактуется как *удобство, простота использования* [Колисниченко 2009; 262] – А.К.

маркетологические «происки» со стороны разных крупных игроков рынка. В самом деле, некоторые названия являются самыми настоящими торговыми марками, например, «Goal-Directed Design» Алана Купера. Тем не менее, это не говорит о том, что за этим понятием не стоит никакой сущности. Ведь многие компании используют методологии, близкие к куперовской»(там же).

С другой стороны, распространено и обратное явление – неоднозначность терминов, что обычно связано с переводом: *«Про то, что часто есть и неоднозначность переводов и вспоминать не хочется (view — вид, отображение, представление...))» («Вопрос: Каким должен быть перевод технической документации и терминов в ней?»).*

За этим следует вывод: необходимо создать общепризнанную терминосистему. Некоторые пользователи предлагают довольно развёрнутую программу её создания, вырабатывают принципы её формирования и выдвигают критерии «хорошего» термина: *«Для того, чтобы примирить «воюющие племена», необходимо разделить значения терминов, выделив их существенные различия и сходства между собой. Такой подход на порядок более продуктивен, чем попытка заменить все термины одним или каждый раз подбирать слова исходя из интуитивно-эмоциональных представлений об их смысле. Наша цель: получить понятийный аппарат, который может быть использован как эффективное средство описания структуры нашей дисциплины. Для этого выбираемые термины должны быть в первую очередь: однозначными, строгими и адекватными современному состоянию знаний. По возможности, они должны быть узнаваемыми, короткими и простыми в написании, благозвучными, хорошо вписывающимися в грамматику и лексику языка. Я убежден, что проектирование интерфейсов — достаточно молодая область, в которой приоритет адекватности терминологии преобладает над историческим приоритетом и узнаваемостью терминов» («Терминологические войны. Эпизод I»).* Заметим, что указанные критерии являются преобладающими и в других рассмотренных комментариях.

Так как проблема в своей основе связана с заимствованием в терминологии, неизбежно возникает вопрос: стоит ли вообще переводить термины? Другими («научными») словами, развёртывается дискуссия по поводу критерия связности термина.

Есть комментарии о том, что в переводе нет необходимости. Интернационализм считается более эффективным в силу его предполагаемой общепонятности и общепризнанности: *«Тем не менее я за единые стандарты по всему миру. Пускай английский выступает этим самым стандартом».* («Переводим слово "exploit"»). Но даже в этом случае подчёркивается необходимость единства графического оформления термина, его закреплённости в словаре в одном варианте: *«...хотя для меня тоже не очень понятен смысл искать русский аналог или адаптацию слову exploit - просто надо его написать один раз в словаре правильно (а то ведь можно и иксплоит, и иксплоит, и ксплоит ну и т.д.) - ведь не переводим же мы компьютер :) или принтер»* (там же).

Указывается на то, что вся литература о предмете написана на английском, следовательно, английский вариант термина необходимо знать в любом случае, чтобы ориентироваться в своей профессиональной области, и тогда перевод оказывается бессмысленным: *«А я вот думаю что мы будем деградировать не уча английский язык, мне к примеру в диковинку читать MSDN на русском. Я считаю, что вы должны обязательно упомянуть один раз английский термин «а вот тут пригодятся шаблоны(templates)». Зачем? К сожалению вы никогда не сможете перевести все на свете, человек начинающий начнет читать ваши переводы, но наступит момент когда ему придется искать и найден он документацию или решение с объяснением на английском и тогда у него будет проблема, что такое layout и т.п. А так он уже сможет цепляться за знакомые слова и с горем по полом вникать в суть»* («Вопрос: Каким должен быть перевод технической документации и терминов в ней?»). Или: *«Мы тем и отличаемся от других наций, как словяне, что знаем*

много языков, это развивает. Мы же работаем с языком, который придумали англичане, не мы, мы на ихней территории, мы должны хорошо ориентироваться на чужой территории» (там же).

Иногда специалисты считают, что термины не нуждаются в переводе в силу того, что они относятся к особому «разделу языка»: *«Термины как и фамилии — переводить нет необходимости» (там же).* Или просто: *«Нет, таки можна не использовать англицизмы. <...> Неологизм, профессионал, терминология - не исконно русские слова. И вообще вон из сети - пишете на бересте, это же так исконно по-русски» («О бедной терминологии замолвите слово»).* *«Что идиотского во фразе 'Ресайкл позволяет переводить сэмплы⁵⁰ и лупы⁵¹ в формат Rex 2'? Семпл только надо было написать, по-русски» (там же).* *«На мой взгляд, художественный перевод терминологии так или иначе не есть разумное решение. А вот использование словечек вроде "ресайкл" или "луп" делает мысль автора куда более доступной для продвинутых пользователей, владеющих английским. А о, пардон, уродовании русского языка здесь не может быть и речи. Ну а таргетинг постов подобного содержания это, разумеется, продвинутые англоговорящие юзеры. :)» (там же).*

Некоторые комментарии показывают, что пользователи боятся излишней русификации терминологии, что сказывается в ироничном отношении к переводу:

«Приходилось ли видеть, или придумывать, нормальный термин для HTTP cookie⁵²? Я видел несклоняемые «куки, кукис, кукес», они же, но в кавычках, и просто непереведённое, как в предыдущем предложении у меня.

⁵⁰ Sample – выборка, замер, пример, образец [Колисниченко 2009; 237] – А.К.

⁵¹ Loop – цикл, петля [Колисниченко 2009; 177] – А.К.

⁵² В «Англо-русском толковом словаре компьютерных терминов» дается следующее определение: «Cookies – текстовая информация небольшого размера, которую Web-сервер предлагает браузеру. При следующем запросе Cookies отправляются обратно на сервер в виде HTTP-заголовка. Некоторые Cookies хранятся в памяти компьютера и удаляются при закрытии браузера. Некоторые (установленные со специальным параметром – время жизни) записываются в специальный файл и «живут» указанный программистом (сценарий которого отправил Cookies) срок. По истечению этого срока Cookies удаляются» [Колисниченко 2009; 77]. Перевод термина на русский язык в словаре не предлагается, термин используется в записи латиницей, причем только во множественном числе. В «Большой компьютерной энциклопедии» предлагается запись кириллицей: «КУКИ – это файл «cookie» <... > По-русски часто - «кука», мн.ч. – «куки» - это текстовые строки, которые помещают во все запросы и ответы, включенные в протокол http.» [Большая компьютерная энциклопедия 2007; 143] – А.К.

Эстетствующие маргиналы говорят «печенька». А как бы сказали вы?» («Испечём печеньку (cookie)»);

«Печенюшки! сайт дал мне печенюшку :) браузер сожрал все мои печенюшки :(я на диете 8)» (там же);

«русифицированный GAIM тем временем радостно заявляет, что "Печеньки отосланы" ;)» (там же);

«а русифицированная винда «Приложеньице запущено»? ;)» (там же).

«Многоступенчатые стильные простыни :)» («Cascading Style Sheets⁵³»).

В последнем случае комический эффект достигается благодаря намеренно неадекватному переводу (примерный перевод - каскадные таблицы стилей). Игра основана на омонимии слов «sheet» («простыня») и «sheet» («лист», «таблица»), а также на несоответствии синтаксических конструкций в английском и русском языках. Для русского языка нехарактерны аналитические конструкции, состоящие из двух существительных, поэтому существительное *style* переведено как прилагательное (в словаре Macmillan English Dictionary [Macmillan 2007; 1489] слово *style* определяется только как существительное или глагол, но не прилагательное). Тем не менее в этом случае при переводе допустимо прилагательное, но относительное – «стилевые», - а не качественное – «стильные».

Показательно, что во всех остальных указанных примерах «предлагаемые» варианты являются словами эмоционально и стилистически окрашенными и уже поэтому могут восприниматься как неподходящие для роли термина, а не собственно потому, что являются русскими словами. Тем более что достаточно распространены комментарии, которые фиксируют контртенденцию – стремление перевести термин на русский язык. Несмотря на все недостатки перевода, он воспринимается как более реальный выход из

⁵³ Style sheet – таблица стилей, стиль оформления; правила использования стилей [Колисниченко 2009; 247]; таблица стилей [Настольный 2008; 323], при этом стиль – 1) стиль, в текстовых процессорах – именованный набор параметров форматирования текста (размер и гарнитура шрифта, выравнивание строк, размещение на странице и т.д.) Применение стиля к выделенному блоку текста вызывает преобразование текста в соответствии с описанием стиля; 2) стиль, дизайн, стилиевой [Там же].

ситуации, чем «поголовное» знание английского: *«Не секрет, что большинство технической документации (гайды, мануалы, tutorиалы, описание API и т. п.) в мире веб-программирования, да и вообще ИТ, представлено на английском языке. Так же не секрет, что многие российские (да и не только российские) программисты не владеют английским так, чтобы читать тексты на нем так же легко как на родном языке. Выхода я вижу два: либо всем поголовно учить английский до такой степени, чтобы не замечать разницы на каком языке читаешь, либо переводить документацию на русский. И если первое представить можно с трудом, то с переводами документации, качественными и не очень, наверняка все знакомы» («Вопрос: Каким должен быть перевод технической документации и терминов в ней?»).* Тем более что, *«видимо, с блогов пошла мода писать техническую документацию с элементами разговорного языка — шутки, сленг и т. п., что для меня представляет некоторые трудности (всегда писал в анкетах и резюме „технический английский — бегло читаю“), много времени занимает перевод непривычных слов и выражений, да еще в контексте изучения собственно фреймворка»* (там же).

В качестве компромисса предлагается для ясности записывать оба варианта (оригинал и перевод) или создавать глоссарий: *«Мне кажется, что идеальным вариантом будет перемежение исходного термина и его перевода в самом тексте с переводом в самом начале. Например, «Представление (view) служит для отображения результатов работы логики.... Представление является неотъемлемой частью паттерна MVC — Model-View-Controller (Модель-Представление-Контроллер).... Для интеграции View».* Либо использовать только вариант номер два — перевод с исходником в начале текста и только переводы далее в тексте» (там же).

Как негативное явление отмечается общее увлечение англицизмами: *«Да, мне тоже кажется что то что можно перевести — перевести нужно, считаю оправданным в русскоязычной среде программистов называть вещи*

своими, русскими, именами, как впрочем и не только в среде программистов, «в субъекте регистрируются обзёрверы» уж извините меня, звучит несколько менее благозвучно нежели «в субъекте регистрируются наблюдатели», тем более что для большинства расхожих терминов уже существует общепринятый перевод, как в примере выше — для MVC общепринятым переводом «view» является «представление». Но это конечно исключительно мое мнение, мерчандайзеры с супервайзерами, занимающиеся программингом, консалтингом и клинингом вызывают у меня лютый гнев. Однако-же непереуведенный термин в скобках в начале текста оставить я считаю необходимым, для обратной, так сказать, совместимости, чтобы программист знающий русский термин не испугался аналогичного в английском варианте, и vice versa» (там же).

Важно, что пользователи, считающие перевод необходимым, не намереваются доводить ситуацию до абсурда и переводить общепринятые транслитерации, всё вышесказанное касается только неустоявшихся терминов: «Понятно, что сейчас уже никто не станет в переводе документации для веб-разработчиков переводить «browser»⁵⁴ как «обозреватель», а «server»⁵⁵ как «слуга», но вот многие термины (беру, в основном, из области веб-фреймворков), такие как «view»⁵⁶, «helper»⁵⁷, «template»⁵⁸, «layout»⁵⁹ в неформальном общении часто вообще не переводятся, а используются кальки⁶⁰ с английского («вью», «хелпер» и т. д.). Про то, что часто есть и неоднозначность переводов и вспоминать не хочется (view — вид, отображение, представление...). Но с другой стороны лично мне не очень приятно читать фразу «Хелперы можно вызывать напрямую в контексте вью — в темплейтах, лайоутах, партиалах или снippets» (там же). Переводить

⁵⁴ Browser – браузер – программа для просмотра Web-содержимого [Колисниченко 2009; 54] – А.К.

⁵⁵ Server – сервер; обслуживающее устройство [Колисниченко 2009; 240] – А.К.

⁵⁶ View – просмотр, представление, вид, видимое изображение, проекция [Колисниченко 2009; 267] – А.К.

⁵⁷ Helper – вспомогательное средство [Колисниченко 2009; 142] – А.К.

⁵⁸ Template – шаблон [Колисниченко 2009; 253] – А.К.

⁵⁹ Layout – размещение; формат; компоновка; раскладка [Колисниченко 2009; 173] – А.К.

⁶⁰ Термин «калька» используется неправильно

необходимо, потому что иначе «в технических текстах не останется практически ничего кроме союзов и предлогов, *browser, client*⁶¹, *server, request*⁶², *response*⁶³ — это ведь тоже термины :) Просто надо найти золотую середину» (там же).

Таким образом, делаем вывод, что необходимость перевода является частотной точкой зрения. Следующий этап – это вопрос: как переводить и какие критерии учитывать?

Одним из самых важных критериев оказывается однозначность, что объясняется практическими нуждами: при её отсутствии могут возникнуть такие нежелательные явления, как разночтения и недопонимание в общении между специалистами.

«То есть предлагается и слово HTML⁶⁴, и слово "HTML entity" переводить одним словом? Ну это не решение проблемы, а уход от неё» («Переводим слово “entity”⁶⁵»). Дословный перевод необязателен: *«Я, может, неточно выражаюсь, когда говорю «перевод». Мне не нужно, чтобы русское слово старалось изо всех сил быть ближе к смыслу английского по словарю. Мне нужен термин, который я могу удобно использовать в речи и в тексте, который бы был недлинным и по возможности однозначным»* (там же).

Часто встречается требование краткости термина, что также связано с неудобством использования длинных терминов (затруднённая запоминаемость и восприятие, неудобство в устном общении, неэкономность во временном отношении). В частности данная установка отражается в предыдущем комментарии. При этом громоздкие термины воспринимаются с иронией:

⁶¹ Client – клиент. Клиентом называется любое приложение, запрашивающее данные от сервера – от иного приложения, которое, возможно запущено на другом компьютере [Колисниченко 2009; 69] – А.К.

⁶² Request – запрос [Колисниченко 2009; 232] – А.К.

⁶³ Response – ответ, реакция [Колисниченко 2009; 233] – А.К.

⁶⁴ HTML (Hyper-Text Markup Language) – гипертекстовый язык описания документов, язык разметки Web-страниц [Колисниченко 2009; 145] – А.К.

⁶⁵ В «Англо-русском толковом словаре компьютерных терминов» *entity* переводится как *сущность* [Колисниченко 2009; 111]. В «Настольном англо-русском словаре компьютерных терминов» приводятся следующие значения: 1) объект, логический объект, логическая категория; 2) графический примитив, модуль [Настольный англо-русский словарь компьютерных терминов 2008; 114]. В «Современном англо-русском словаре компьютерных терминов» дается 3 значения: 1) объект, сущность, категория; 2) примитив; элемент [Современный 2005; 90] – А.К.

«Предупреждаю, что варианты типа «маркер индивидуализации запроса» будут подвергаться общественному осмеянию» («Испечём печенюшку (cookie)»);

«Где-то я видел имхо гениальный перевод этого термина как "аутентификация на основе жетонов". Но конечно "коврижки" и "печенюшки" мне тоже безумно нравятся...» (там же);

«Символьные имена символов это архикруто» («Переводим слово “entity”»);

«Адекватнее «использования уязвимости» ничего нет. Чем не нравится слово эксплойт?» («Переводим слово ”exploit”»).

Здесь же можно отметить требование простоты и общепонятности термина, он не должен выделяться в общем строе речи: *«Ну "печенюшки" и ладно (= Слово как слово, даже забавно. Десктоп⁶⁶ (тем более такой, как гном) не должен напрягать пользователя техноснобизмом» («Испечём печенюшку (cookie)»); «А в жизни употребляю так, как и автор, т.к. звучит естественно и всем понятно» (там же). Обращается внимание на многофункциональность термина, т.е. удобство его использования не только в официальной обстановке или в письменной речи, но и в непринуждённом общении между специалистами: «Вот только честно, в простой речи, к коллеге, вы говорите "сущность?» (Ответ: «хм, задумался... пытаюсь вспомнить :) скорее назову символом...») («Переводим слово “entity”»). Общепонятность и проверенность временем становятся трудноопровержимым аргументом: «Сущность. Давно уже использую, и меня всегда отлично понимают» (там же).*

Если признается, что термин необходимо перевести, в комментариях неоднократно выдвигается требование мотивированности термина, т.е. наличия у него внутренней формы, призванной облегчить его понимание:

«Некоторые источники предлагают «сокращение», но считать, например, «`» сокращённой формой «ì» у меня язык не повернётся»

⁶⁶ Desktop – рабочий стол (если рассматривается графический интерфейс) [Колисниченко 2009; 92] – А.К.

(«Переводим слово “entity”»);

«ИМХО HTML-представление наиболее четко отражает суть»;

«HTML-представление спецсимволов» — вполне чётко отражает смысл» (там же). Это предложение сразу же наталкивается на замечание из-за громоздкости варианта, хотя есть оговорка о возможности применения в некоторых случаях: *«Слишком длинно. Но иногда всё-таки применимо»* (там же).

Переводить термин *Cascading Style Sheets* как *каскадные таблицы стилей пользователей* останавливают именно сомнения в мотивированности, в результате чего возникает дискуссия о том, какой вариант наиболее соответствует сущности термина («Cascading Style Sheets»):

«PS Вопрос что в них каскадного?»

«Cascade, по задумке, это набор стилей, которые борются за один и тот же элемент, и система правил по определению победителя. ПМСМ, слово "каскад" тут уместно с трудом».

«в таком случае рекурсивные таблицы стилей. Поидее если я правильно понимаю выбор стиля для элемента идет снизу-вверх».

«ну рекурсия подразумевает другое - стиль в стиле например :) наследуемые тоже не то - так как нельзя в смысле ООП отнаследовать один стиль от другого. я бы назвал лучше не каскадные а иерархические таблицы стилей»

«О! А весьма неплохо. Иерархия там действительно имеет место быть. Но не всегда».

«каскад уместен, ибо: 1) есть несколько типов стилей - в отдельном файле, в хидере документа и в самом элементе - чем "ниже" по иерархии они описаны, тем главнее. 2) в самом CSS есть элемент каскадности: если написать `body { AAA }` и `body p { BBB }` то это значит, что стиль на `body` устанавливается AAA, а если в нем находится элемент `p` - то для него устанавливается BBB. Есть масса других примеров как при помощи

каскадирования можно делать очень компактные стили с хитрыми условиями».

С проблемой мотивированности связан вопрос о допустимости метафоры. В целом метафора может оцениваться как удачный вариант:

«дырокол нельзя это всё обозвать - и слово придумывать не надо и вроде как смысл есть - "колют" систему через дыру безопасности...» (Переводим слово «exploit»);

«Мысль интересная. Но "дырокол" у нас ассоциируется с проделыванием дыр, а не с использованием имеющихся...» (там же).

Но прослеживается тенденция доводить подобные предложения до абсурда:

«Если нравится вариант про использование дыр, то могу предложить дятла. Ну и новостные заголовки соответствующие: «Найден дятел для уязвимости в Microsoft Word 2007», «Команда „КулХацкБойз“ сообщает, что закончила разработку дятла, который дуплит недавно обнаруженную дырку сервера Apache» (там же);

«отлично... особенно пример новости :) - нет правда супер ещё вариант - дуплятор или дуплитель :)» (там же);

"Дятел уязвимости"... Что вроде "Вепрей суицида ®" :) Я всё понял. Вот что значит коллективный разум. Тот, кто лезет в дыру, это "дыролаз". Или "дыропёр". Или "дырЕц" :) (там же);

Ср. дискуссию о «печенюшках», последовавшую после комментария: *«Для эстетствующих славянофилов могу предложить термин "коврижка". При этом выражение "ни за какие коврижки" может означать, что автор не согласен делать или делиться чем либо даже за регистрационные данные блогов (форумов, почты), обычно сохраняемые в коври.. в cookies»* («Испечём печенюку (cookie)»).

Вообще характерно, что участники подобных дискуссий уделяют большое внимание лингвистической правильности термина, его соответствию общей системе языка. Так, последний комментарий основан на использовании

фразеологического выражения из общей лексики и проведении аналогии к сфере компьютерных технологий. Создаётся новый термин, омоним уже существующего в языке слова, но так, что новое слово входит в состав тех же фразеологических единиц, что и исходное слово. При этом сохраняется ассоциативная связь с английским вариантом термина «cookie».

По поводу лингвистической правильности и системы русского языка, его способности к адаптации заимствованных слов разворачиваются целые дискуссии. Некоторые считают, что русский язык в силу своих особенностей в большой степени подвержен заимствованиям из других языков: *«Дело в том, что разные языки в разной мере подвержены заимствованиям из других языков. Так вот русский язык, — очень сильно этому подвержен. Это может не нравиться, этим можно гордиться, но это факт. Интерес представляет то, что при «заимствованиях» слово, естественно, может обогатиться, изменить звучание. Например: семпл, семплик, семплюшечка, семпля. Хотя я с вами полностью согласен в том, что о значении слов забывать не надо и комфортабельный = удобный»* («О бедной терминологии замолвите слово»). Другие указывают на то, что хорошо адаптируются только те слова, которые заимствованы из языков, близких по своей системе к русскому. В частности в ответ на замечание о том, что существуют отрасли науки, где используются интернациональные языки, например, латынь в медицине, пользователь пишет, что, во-первых, даже в таких случаях всегда есть параллельный русский термин, а во-вторых, латынь по своей структуре гораздо ближе к русскому языку, чем английский: *«Мединская латынь не переводится?! Позволю не согласиться. Любой медицинский или биологический термин имеет более или менее нормальное русское название. Помню свой собственный первый курс, когда нужно было знать названия около двухсот знаков на четырёх языках. Русский среди них присутствовал. Никогда не слышал, чтобы медик написал по-русски "форамен акципитале магнум" вместо "большое затылочное отверстие". Вряд ли я вам скажу "дактилис гломерата" вместо "ежа*

сборная". В науке и медицине есть множество слов латинского происхождения, это верно. Но они не являются простой транслитерацией, они АДАПТИРОВАНЫ на русский, как например приданием романских по происхождению, но русских сигнальных окончаний "-ция" или "-изм". Мы это воспринимаем нормально не в последнюю очередь из-за фонематической близости латыни к русскому языку (чередование согласная-гласная в словах и прочее). Об английском этого сказать совсем нельзя, и так просто слова переписывать кириллицей результата не даёт. Английский язык синтетического типа, окончаний нет, а характерных суффиксов крайне мало. Единственный, который приходит на ум, это "-ер/-ор". Думаете, почему так легко вошли в язык принтер, компьютер, сканнер, адаптор, брокер и дилер, ассемблер и транслятор, маркер и процессор, контроллер и дигитайзер, дизайнер и менеджер? Потому что есть сигнальный суффикс, к которому русский приучился. Окончание слова на "-ойт" (как в "эксплоит") совершенно нехарактерно для русского. Мне проще сказать "краниоорбитальная псевдосаггитальная арахноидэндотелиома", потому что там все окончания естественные, русские. (Переводим слово «exploit»). Рассуждение в целом верное: отмечены фонетическая структура SVC – «согласный – гласный – согласный», характерная, как для русского, так и для латинского языков, большая роль суффиксов в русском словообразовании и практическое отсутствие окончаний в английском языке. Но термин «синтетический» использован неправильно: русский язык в большей мере синтетичен, чем английский. Судя по контексту, имелось в виду, что английский принадлежит к языкам аналитического типа, т.е. грамматические значения выражаются вне слова.

Соответствие системе русского языка оказывается для пользователей очень важным, поэтому они говорят о необходимости привлечь лингвистов: *Мнение кафедры Днепропетровского университета* [имеется в виду кафедра Компьютерных технологий при Днепропетровском национальном

университете] я всячески уважаю, только хорошо бы ещё была привлечена кафедра русского языка, если такая имеется. Во-первых, слово "сущность" очень тяжело натягивается на нужный нам объект. «Сайт не понял мою кодировку, и мне пришлось в слове "français" употребить сущность...» Во-вторых, это слово шестого склонения, и не очень любит множественное число, что не особо удобно для словоупотребления: "Текст изобилует HTML-сущностями..." Не знаю, как у кого, но я, заслышав бы такое, как-то бы напрягся... :} («Переводим слово "entity"»). Сначала говорится о несоответствии предложенного варианта критерию мотивированности. Далее не совсем понятно, что имеется в виду под шестым склонением.

По поводу лингвистической правильности разворачивается дискуссия вокруг термина «cookie» («Испечём печеньку (cookie)»).

«Мой выбор — полагать, что «куки» это множественное число слова «кука». Оно созвучно с оригиналом, склоняется, и не вызывает никаких лишних ассоциаций (по крайней мере, у меня)

Примеры словоупотребления:

- сайт посадил мне куку..*
- сотрите все куки..*
- с отключенными куками это не работает..*
- я задумался о куках с гугля...*
- надо обойтись без кук...*
- вся правда о куках...»*

Термин транслитерируется, но, т.к. при этом его конец по звучанию совпадает со стандартным в русском языке окончанием множественного числа, именительного падежа у слов, заканчивающихся на заднеязычный, ему приписывается эта грамматическая форма. Далее образовывается «исходная» форма именительного падежа единственного числа – «кука». Таким образом, «кука» по форме оказывается стандартным словом русского языка, принадлежащим к склонению слов женского рода на –а, твёрдой

разновидности, с основой на заднеязычный согласный.

«Если исходить из английского, то должно быть так

ед. число: a cookie – куки

мн. число: cookies – кукисы».

В этом случае предпочтение отдаётся системе английского языка, термин транслитерируется, получившийся вариант остаётся начальной формой (именительный падеж, единственное число), и пользователя не смущает то, что существительные на -и для современного русского языка не характерны.

Тем не менее, они есть, хотя и не так многочисленны (часы, сани, пони), и возможно, стоило бы последовать при склонении моделям этих слов. Но автор комментария следует системе языка источника и дальше – в образовании форм множественного числа. При этом сохраняется английский показатель множественного числа (-s), но он оказывается в основе, к которой добавляется ещё и русское окончание множественного числа (-и). По нашему мнению, это только усложняет ситуацию, т.к. такой модели в русском языке нет. Об этом пишут и другие пользователи: *«Так быть как раз не должно - множественное/единственное число должно образовываться по русскоязычным правилам!»*

Далее оказывается, что пользователь не совсем точно понимал сущность транслитерации как способа терминовтвочества: *«Я полагаю что в данном случае мы имеем дело лишь с транслитерацией термина, а значит должны действовать по правилам языка источника. Либо нужно придумать новое эквивалентное русское слово, как предложено в некоторых комментариях».* В ответ на замечание, что *«транслитерация - это и есть способ образования нового эквивалентного русского слова»*, пользователь ссылается на Википедию (это не единственный случай обращения к этому источнику в рассмотренных комментариях):

«Посмотрим в Википедию:

Транслитерация — конверсия систем письма, при которой каждый

графический элемент (знак) одной системы письма представляется (заменяется) одним и тем же графическим элементом другой системы письма».

В указанной статье имеется в виду способ перевода из одной графической системы в другую, но не способ образования нового слова.

Ещё один пример влияния формы исходного англоязычного термина на русский вариант: *«Насколько я понимаю, окончание "-ing" там есть неспроста. И, видимо, это нужно перевести как "каскадирующие" ну или "каскадируемые"»* («Cascading Style Sheets»). Однако обращение к грамматическим категориям исходного языка в данном случае непоследовательно: окончание наводит пользователя на мысль о причастии, но не учитывается залог.

К критерию независимости термина от контекста пользователи относятся по-разному. Это проявляется в обсуждении «Переводим слово “entity”». В некоторых комментариях этот критерий поддерживается: *«“Сущность” — слишком глобальный термин, любая попытка вынести из контекста с треском провалится. Думаю, что HTML-представление (дословно) лучший вариант, т.к. сразу несёт в себе признаки контекста и никаких сомнений не возникает».* В других утверждается, что в этом требовании к термину нет необходимости: *«XHTML-сущность. Или просто сущность, если в контексте речи понятно, что не про философию Платона говорим».* Сходный комментарий в «Cascading Style Sheets»: *«Хотя проще и короче всё-таки CSS. Кому надо те поймут».*

Требование благозвучности не вызывает сомнений, у термина не должно быть негативных ассоциаций. Это отражается в дискуссии по поводу варианта «литерал» («Переводим слово “entity”»):

«Литерал вас не устроит?»

«Слово, безусловно, красивое. Но в некоторых кругах за него могут и по физиономии съездить, не разобравшись».

«Да, уж - этим шрифтом как-то не очень эстетично получилось :-))»

«О, первый дельный вариант! А физиономии у нас твёрдые, ничего)»

На негативных ассоциациях основана ирония по поводу «предлагаемых» вариантов «эксплюха» и «уязвимень».

Обсуждающие оперируют целым рядом лингвистических терминов: *англицизмы, заимствования, неологизмы, несклоняемые слова, множественное число, транслитерация, шестое склонение, окончание, фонематический, согласная, гласная, синтетический язык, суффикс, калька, синонимы*. Использование этих слов свидетельствует о разном уровне лингвистической компетенции говорящих, т.е. разной степени «наивности» их металингвистических размышлений. Некоторые из терминов (*суффикс, синонимы, неологизмы*) можно считать наследством школьного образования. Другие (*синтетический язык, фонематический*), с одной стороны, заставляют предположить наличие какой-либо специальной лингвистической подготовки, с другой стороны, их некорректное употребление доказывает правильность отнесения соответствующих комментариев к «показаниям» обыденного метаязыкового сознания.

Наивные носители языка, как и профессиональные лингвисты, среди самых важных критериев отмечают однозначность, простоту и понятность, благозвучность, лингвистическую правильность, связность. Последнее требование вызывает споры, но в целом в приведённых дискуссии стоит отметить характерное нежелание пользователей слепо следовать иноязычной модели, стремление создать свой наиболее адекватный вариант термина. С другой стороны, частотно внимание к форме иноязычного термина, которая влияет на предложенные варианты. Чрезвычайно большое значение для пользователей имеет мотивированность, в то время как требование независимости от контекста оказывается спорным.

Практика показывает, что выполнение всех указанных критериев – недостижимая задача, поскольку они часто действуют в противоположном

направлении. Так, в некоторое противоречие вступают между собой критерии мотивированности и краткости. Мотивированность, с одной стороны, предполагает включение элементов толкования термина в его название, стремится к наиболее полному охвату его значения и отражению его в звучании, что чаще всего приводит к громоздкости термина. С другой стороны, краткость стремится максимально сократить длину термина как в устной речи, так и на письме. Это отражено в анализируемых дискуссиях, например:

1) «HTML-представление спецсимволов» — вполне чётко отражает смысл.

2) Слишком длинно. Но иногда всё-таки применимо.

В первом комментарии в выборе русскоязычного варианта термина «SGML/HTML entity» пользователь ориентируется на требование мотивированности (есть и другие подобные комментарии). Во втором — обращается внимание на критерий краткости.

Кроме того, анализ выявил, что критерии связности и простоты вступают в противоречие с требованием принадлежности термина к специальному языку. ОМЯС предполагает, что терминология компьютерных технологий как профессиональной области знания должна отличаться от повседневного языка. Именно это положение приводит к настороженному отношению пользователей к переводу термина на русский язык и иронизированию по поводу коврижек, печенюшек и т.д. При этом как негативное явление отмечается излишняя сложность термина, в том числе из-за его иноязычности (ср. комментарий о нежелательности «техноснобизма»). К тому же, как показано выше, во многих комментариях содержится призыв перевести термин, не взирая на возможную непривычность подобного использования (ср. многочисленные комментарии против сочетаний типа «*в субъекте регистрируются обзёрверы*»). В связи с этим вспомним, что Г.О. Винокур, родоначальник т.н. «функциональной теории» в терминоведении, писал: «... в роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было

тривиально... Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это – функция названия... Бытовой термин есть название вещи. Между тем научно-теоретический термин есть неперменное название понятия» [Винокур 1939].

Таким образом, анализ требований к термину у «наивных» носителей языка, но специалистов в своей области показывает почти полное совпадение их с критериями, выдвинутыми профессиональными терминологами-лингвистами. Это говорит об оправданности этих критериев практическими нуждами носителей терминологии. То, что в действительности трудно или невозможно совместить все сформулированные терминологами критерии, не свидетельствует об их полной неприменимости и несостоятельности. Выявленное нами соответствие между обыденным (нелингвистическим) и профессиональным металингвистическим сознанием относительно того, какой должна быть терминология, позволяет утверждать, что при нормализации терминологии эти критерии целесообразнее рассматривать не как абсолют, а как желательные черты создаваемого термина, которые могут способствовать его более быстрому внедрению и успешному функционированию.

ГЛАВА 5. ОБЫДЕННОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ В РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СФЕРАХ (ГЛУБИННЫЙ УРОВЕНЬ)

Понятие языкового сознания на глубинном уровне мы сближаем с языковой картиной мира, опираясь на определение языкового сознания, данное Е.Ф. Тарасовым («совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000; 26]). Т.к. профессиональная деятельность определенным образом формирует сознание, в задачи настоящей главы входит сопоставление терминологических единиц как отражение профессионального языкового сознания с соответствующими единицами в общеупотребительном языке как отражение обыденного языкового сознания. Анализ производится на примере двух профессиональных сфер – медицинской и компьютерной (выбор обусловлен значительной ориентированностью этих сфер на «массового» потребителя). В медицинской сфере для сопоставления выбрано слово *мигрень* как медицинский термин и как слово, понятное рядовому носителю русского языка. В компьютерной сфере рассматривается образ компьютера и Интернета в современном русском языковом сознании, при этом предполагается что пользовательский интерфейс, созданный специалистами для пользователей (далеко не всегда обладающими какими-либо познаниями в области компьютерных технологий) является синтезом обыденного и профессионального языкового сознания.

5.1. Медицинская сфера (на примере номинации *мигрень*)

Специфика медицинской сферы заключается в том, что, с одной стороны, изначально это было своего рода закрытое знание, доступное только узкому кругу посвященных. С другой стороны, любой человек так или иначе сталкивается с медицинскими проблемами, поэтому неизбежно те из них, которые наиболее актуальны на данном этапе существования языкового

сообщества, будут отражены в общеупотребительном языке – либо в виде параллельных названий (*цефалгия/головная боль, ОРЗ, ОРВИ/простуда, туберкулез/чахотка, акне/прыщи*), либо в виде омонимичных/полисемичных термину лексем (сюда относится в том числе *головная боль*, употребляемая и в медицинском дискурсе в его строгом понимании, т.е. в речи медицинских работников, *ангина, грипп*). Таким образом, медицинская терминология, несмотря на значительное количество узкоспециальных терминов (главным образом латинского происхождения), не понятных рядовому носителю русского языка, содержит большое число номинаций, которые соотносятся с лексическими единицами быденного языка, отраженными в толковых словарях. Это значит, что при одинаковом языковом выражении и одинаковом денотате (симптомы болезни не изменяются в зависимости от того, как ее называть), термин и слово быденного языка имеют различные сигнификаты, поскольку объем их содержания не совпадает.

Как правило, для специалиста набор дифференциальных признаков оказывается шире. Например, *бешенство* определяется в Словаре Ожегова как «вирусное заболевание, поражающее нервную систему» [Ожегов, Шведова 1999], однако для носителя быденного сознания представление о бешенстве как заболевании связано прежде всего с возможностью заразиться им от собак и необходимостью сделать большое количество уколов в случае укуса бешеного животного, чтобы предотвратить заражение. Для медицинского сознания оказывается важным параметр водобоязни, болезнь также называют *гидрофобией* или *водобоязнью* [Энциклопедический медицинский словарь 2011; 58]: при попытке пить, при виде воды и упоминании о ней наблюдаются болезненные судороги мышц глотки, гортани, дыхательных мышц. Ср.: «Бешенство – инфекционная болезнь вирусной этиологии; характеризуется поражением центральной нервной системы с приступами водобоязни, приводит к смертельному исходу» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 94]. Если для быденного сознания представление о бешенстве

коннотативно связано с агрессивностью, крайней степенью раздражения (эти элементы значения выходят на первый план во втором, переносном, значении слова, относящегося не к болезни, а к эмоции: *Бешенство бросилось ему в голову, он сильно ударил сапогом — в морду Трайчо, в окровавленную морду! — и серые веки Сталина вздрогнули от удовлетворённого чувства справедливости.* [А. Солженицын. В круге первом]; *И красноармейцы могли есть суп, чинить обувь, вести разговор о жёнах, о плохих и хороших начальниках, мастерить ложки в такие дни и часы, когда, казалось, люди способны испытывать лишь бешенство, ужас либо изнеможение.* [В. Гроссман. Жизнь и судьба]), то в определении бешенства как термина эти элементы даже не упоминаются, и, хотя повышенная возбудимость и отмечается среди проявлений заболевания, но в ряду с другими признаками (которые обыденное сознание к признакам бешенства не отнесет): чувство тревоги, депрессия, головная боль, боли в области укуса, повышенная возбудимость, кошмарные сновидения, затем водобоязнь, светобоязнь, фонобоязнь, слюнотечение, лихорадка и развитие паралича различных мышц.

Аналогично, не совпадает иерархия и состав элементов смысла в обыденном и медицинском понимании *мании*. Для обыденного языкового сознания *мания* – навязчивое стремление к чему-то: *Но душа?! — Вот мания всё персонифицировать! Клетка делится* [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)]; *О, не беспокойтесь, мадам, я знаю, у каждого — своя мания...* [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006)]; *Ну, мания цветочная осталась до сих пор.* [Красота, здоровье, отдых (форум) (2005)]. В проанализированных контекстах неспециализированного употребления также часто встречаются сочетания *мания преследования* и *мания величия*, причем последняя не воспринимается как нечто патологическое и может сочетаться с прилагательным *нормальный*: *Что означало — ты должен был стать таким же как он. Нормальная мания величия. Даже у самого глупого, самого неудачливого, самого неталантливого мужчины ее всегда хоть отбавляй*

[А. Геласимов. Год обмана (2003)]. В современном медицинском понимании *мания* (*маниакальный синдром*) – это «*болезненное состояние, характеризующееся приподнятым, радостным (независимо от объективных обстоятельств) настроением, ускорением ассоциативных процессов (мышления) вплоть до скачки идей, усиленной, но не всегда продуктивной деятельностью, расторможенностью влечений*» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 429]; «*психо-эмоциональное расстройство, сопровождающееся повышением двигательной активности, возбуждением, ускорением мышления, экзальтацией и неустойчивостью внимания*» [Англо-русский медицинский энциклопедический словарь 2003; 378]. Для профессионального медицинского языкового сознания существует *мания величия* (*мегаломания*), *веселая мания*, *гневливая мания*, *заторможенная, непродуктивная*, при этом вполне знакомая обыденному сознанию *мания величия* определяется как «сочетание мании с бредом величия»⁶⁷, т.е. семы 'навязчивость идеи', 'неспособность с ней справиться' выходящих на первый план в обыденном толковании, профессиональным языковым сознанием приписываются именно номинации *бред*. И хотя мания часто сопровождается ложными идеями (например, переоценкой своих возможностей – физической силы, художественных способностей и т.д.) для *мании* в специализированном психиатрическом понимании «характерна повышенная активность больных, они нередко вмешиваются не в свои дела, предлагают необоснованные проекты улучшения трудового процесса, работы учреждения и т.п.; другие беспорядочно тратят деньги, приобретая ненужные вещи» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 429].

Качества и явления, которые в обыденном языковом сознании не относятся к заболеваниям, в медицинском сознании могут восприниматься как нарушение. Так, явление *дежа вю*, известное русскому языковому сознанию

⁶⁷ Бред – одно из наиболее распространенных психических расстройств: идеи и суждения, объективно ложные, не соответствующие действительности, возникающие на болезненной основе, полностью овладевающие сознанием больного и не поддающиеся разубеждению и разъяснению [Новейший 2009 107]

хотя бы по фильму "Наваждение" ("Операция Ы и другие приключения Шурика") Л. Гайдая, в медицинском словаре определяется как *«психическое расстройство в виде ощущения, что все видимое в данный момент (лица, события, обстановка) уже переживалось в прошлом»*, «разновидность дереализации» и связывается с психическими заболеваниями, в том числе шизофренией, а также поражением височной доли головного мозга [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009]. Де жа вю, впрочем, может наблюдаться и у психически здоровых лиц, но «при некоторых эмоциональных и органических *расстройствах*» [Англо-русский медицинский словарь 2003; 486]. Кроме того, в профессиональном языковом сознании эта номинация связана с понятиями *дежа антандю*⁶⁸, *дежа вею*⁶⁹ и противоположным им *жаме вю*⁷⁰, *жаме антандю*⁷¹, *жаме вею*⁷², и все эти явления рассматриваются как «разновидность дереализации».

Еще одним примером может служить номинация *гедонизм*. Гедонизм понимается обыденным сознанием как стремление к удовольствию, наслаждениям, и может использоваться в контекстах, несущих отрицательную оценку (*Началась критика западной культуры за высокомерие и расизм, праздность и индивидуализм, гедонизм и бездумное отношение к будущему*

⁶⁸ Дежа антандю - психическое расстройство в виде ощущения, что слышимое в данный момент во всех смысловых и эмоциоанльных деталях имело место в прошлом; может возникать при поражении височной доли головного мозга, в том числе при височной эпилепсии [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 229].

⁶⁹ Дежа вею - психическое расстройство в виде ощущения, что переживаемое в данный момент состояние в точности имело место в прошлом. Разновидность дереализации. Может наблюдаться при различных психических заболеваниях (в том числе при шизофрении), при поражении височной доли головного мозга (в том числе при височной эпилепсии) [Там же].

⁷⁰ Жаме вю – психическое расстройство, заключающееся в том, что знакомые предметы, лица, обстановка воспринимаются как впервые увиденные. Разновидность дереализации. Может возникать при различных психических заболеваниях, поражении височной доли головного мозга (в том числе при височной эпилепсии) [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 269].

⁷¹ Жаме антандю – психическое расстройство, заключающееся в том, что знакомые звуки, голоса воспринимаются как впервые услышанные. Разновидность дереализации. Может наблюдаться при различных психических заболеваниях, поражении височной доли головного мозга (в том числе при височной эпилепсии) [Там же].

⁷² Жаме вею - психическое расстройство, заключающееся в том, что привычные явления, ситуации осознаются и переживаются как впервые возникшие. Разновидность дереализации. Может наблюдаться при различных психических заболеваниях, поражении височной доли головного мозга (в том числе при височной эпилепсии) [Там же].

[И. Ионов. Империя и цивилизация (Идеи и догадки Н. Данилевского в сравнительно-историческом освещении) (2003) // «Общественные науки и современность»], но может использоваться и безоценочно: *Он рассказал «РР», почему судьба сколковского инновационного центра зависит от судьбы «несогласных», о чем молчит российский крупный бизнес, почему олигархи обречены быть меценатами, чем Куршевель лучше мегаяхт, а Casio — Rolex'a, что общего между уходом из бизнеса и отказом от курения и как поставить личный гедонизм на службу общественному благу.* [П. Бурмистров, Д. Зимин. Гедонист на службе обществу // «Русский репортер», № 3 (181), 27 января 2011]. В медицине же гедонизм может восприниматься как нарушение - «патологически повышенное влечение к получению наслаждений, развлечениям» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 168], аналогичное определение дается в «Медицинском толковом словаре» [Медицинский толковый словарь 2010; 43]. В частности, в словаре указывается, что гедонистическая установка, когда «стремление к получению приятных ощущений, в т.ч. эйфории, доминирует над всеми другими психологическими установками» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 169] может являться основной предпосылкой развития наркотической или токсикоманической зависимости.

С другой стороны, встречается и сужение денотата обыденным сознанием, т.е. в обыденном языковом сознании номинация применима к меньшему количеству явлений реальной действительности, чем в профессиональном. Так, в обыденном употреблении *инфаркт*, как правило, связывается с сердцем: *Мы осторожно перенесли его на ковёр — боялись, что инфаркт (нелады с сердцем у него случались)* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]. В медицине инфаркт – «участок органа или ткани, подвергшийся некрозу (омертвлению) вследствие прекращения его кровоснабжения» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 307], поэтому для медицинского языкового сознания нормальными

оказываются сочетания *инфаркты миокарда, головного мозга, легких, почек, кишечника, селезенки.*

Аналогично, *маразм* для обыденного языкового сознания – деградация мыслительных процессов вследствие старости (старческий маразм): *Мужик— он всегда либо болтлив, либо выпивает, либо быстро стареет и впадает в маразм* [Г. Горин. Иронические мемуары (1990-1998)]. На базе этого значения возникает вторичное, и слово превращается в оценочное – ‘бред’, ‘глупость’: *А на вопросы учителей о том, почему не готовы к уроку — отвечают выпятив грудь колесом «Я же защищал честь школы!?» Полный маразм! Это точно* [Система начисления баллов. Справедлива ли она (2010-2011)]; *Бизнес-элита даже в судах европейских предпочитает судиться и при всём при этом — мы самые умные, и у нас всё самое лучшее, а Европа нам на фиг не нужна — маразм...* [Хватит губить детей! (2011)]. При этом *маразм* уже отличает не отдельного человека, а некий сложившийся порядок вещей, организации жизни: *Царящий в Доме маразм явно придумывался несколькими поколениями не совсем здоровых людей* [М. Петросян. Дом, в котором... (2009)]; *Всякий шаг в сторону рациональности обвешивается гирями «школы жизни», и в результате все то, что хорошо работает на Западе, у нас превращается в яростный маразм, удивляющий даже тех, кто сам его организовывал* [Марат Хайруллин. Богачей контролировать не будут (2003) // «Московский комсомолец», 2003.01.11]. Интересно, что для контекстов советского периода характерно также значение, фиксируемое МАС и Словарем Ушакова, – упадок, разложение: — *Мандельштама я не знаю, — сказал Дрелинг, — а Хлебников — это маразм, распад* [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]. Для медицинского же сознания маразм как клинический случай (т.е. в прямом значении) – это «истощение организма с постепенным угасанием всех жизненных процессов, атрофией органов и тканей, в том числе кожи, скелета, мышц и внутренних органов» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 431], он развивается не только вследствие старости, но и некоторых хронических

заболеваний. По всей видимости, прототипом для маразма в обыденном понимании стал психический маразм, для которого характерно «преобладание распада психики с угасанием всех видов психической деятельности, утратой речи, беспомощностью в быту» [Там же].

В обыденном языковом сознании термины могут быть переосмыслены и сближены по значению, хотя в профессиональном сознании эти термины представляют собой эквиполентную оппозицию. Так, в русском обыденном языковом сознании понятия *дебил* и *идиот* практически совпадают в значении ‘дурак’, ‘болван’: *Он жуткий дурак, прямо дебил, но сильный и машину хорошо водит* [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]; *Оппонент—лентяй, бездельник и немощный дебил, чего с ним спорить? [12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]; Любой идиот знает, что Америку открыл Колумб— мореплаватель и большой молодец* [А. Геласимов. Ты можешь (2001)], *А я-то, идиот, боялся, что он меня отругает!* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)]. Однако для профессионального медицинского языкового сознания разница между этими понятиями существенная, хотя оба и классифицируются как умственная отсталость, но дебилность – это «легкая степень умственной отсталости, характеризующаяся примитивностью суждений и умозаключений, недостаточной дифференциацией эмоций, ограниченностью возможностей обучения, сниженной социальной адаптацией» [Новейший медицинский энциклопедический словарь; 227], а идиотия – «наиболее тяжелая форма умственной отсталости, характеризующаяся почти полным отсутствием адекватных психических реакций на окружающее; мышление и речь не развиваются, восприятия мало дифференцированы; эмоции примитивны, элементарны; любая осмысленная деятельность, в том числе навыки самообслуживания, недоступна» [Там же 291]. Более того, люди с диагнозом идиотии часто не умеют самостоятельно стоять и ходить – все это совсем не соответствующее портрету князя Мышкина из романа Л. Толстого.

Наконец, есть случаи, когда термин имеет совершенно другое значение по сравнению со словом общеупотребительного языка. Так, согласно медицинским словарям, *ипохондриа* (ипохондрический синдром) – «*патологически преувеличенное опасение за свое здоровье, а также убежденность в наличии того или иного заболевания при его отсутствии*». Ипохондриа может проявляться с разной степенью тяжести: при неврозах она характеризуется навязчивыми мыслями о наличии серьезного заболевания «при сохранении критики к этим переживаниям»; при депрессиях мысли о тяжелой, часто неизлечимой болезни могут сопровождаться неприятными ощущениями в разных частях тела; при бредовых ипохондрических синдромах возникает твердая убежденность в наличии болезни, больные «активны в плане медицинских обследований, консультаций, обращения с жалобами в различные инстанции при отказе им в этом (вплоть до агрессивного поведения). В некоторых случаях ипохондрический бред приобретает фантастический характер (внутренние органы «разрушились, сгнили» и т.п.)» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 311]. В других рассмотренных специализированных словарях определения аналогичны: «болезненная мнительность с чрезмерным вниманием к своему здоровью или бредовая уверенность в наличии неизлечимой болезни [Энциклопедический медицинский словарь 2011; 248], «мнительная убежденность в наличии болезни, с навязчивыми идеями или бредом» [Ривкин, Луцевич, Хасаншин 2012; 144], «болезненная забота о собственном здоровье и преувеличенное внимание к различным обычным телесным и психическим ощущениям; ложная убежденность в наличии болезни» [Англо-русский медицинский энциклопедический словарь 2003; 313]. Слово *ипохондриа*, возможно, знакомо не всем носителям русского быденного языкового сознания, однако, если и знакомо, то в другом значении – подавленность, угнетенное состояние, тоска: *Она застывала в тоске от одиноких часов как от взгляда медузы Горгоны, понимая, что ждать некого. Весьма временная осенняя ипохондриа...*

[Д. Симонова. Сладкий запах вторых рук (1997)]. Это же значение отражают и толковые словари: «болезненная мнительность, подавленность, угнетенное состояние, тоска» [Словарь русского языка 1999; 675], «состояние мрачной безнадежности, подавленность» [Толковый словарь русского языка 1935; 1224], «болезненно-угнетенное состояние, болезненная мнительность» [Ожегов, Шведова 1999].

Также для обыденного и профессионального медицинского языкового сознания не совпадают понятия о *склерозе*. В обыденном понимании склероз – снижение памяти вследствие возрастных изменений нервной системы, часто гиперболически употребляемое в шутку для указания на забывчивость: *К концу жизни Лида стала терять память, приговаривала, что **склероз** — самое удобное заболевание, с ним забываешь о других болячках и о маразме тоже* [Александр Иличевский. Медленный мальчик // «Знамя», 2008]; *Она пояснила на случай, если у меня **мощный склероз**...* [Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева (2010)]; *А американское подобие ЕГЭ называется, если не изменяет **склероз**, SAT* [Мысли про ЕГЭ (2008)]. В профессиональном медицинском сознании *склероз* обозначает другое: «уплотнение ткани или орган, вызванное гибелью элементов паренхимы, с замещением их зрелой соединительной тканью, иногда с последующим его сморщиванием» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 732], он может быть вызван как возрастными изменениями, так и воспалением, нарушением обмена веществ и т.д. При этом в профессиональном языковом сознании склероз имеет определенную локализацию: в сердце (кардиосклероз), легких (пневмосклероз), сосудах и т.д.

В медицинской терминологии также встречаются метафорические номинации, которые отсылают к сюжетам и героям литературных, музыкальных, фольклорных произведений или фактам культуры, задействуя общенациональный пласт языкового сознания (см. схему структуры языкового сознания): *синдром Моны Лизы, синдром Мюнхаузена, ожерелье Венеры, синдром Пизанской башни, пиквикский синдром, синдром проклятия ундины,*

циклопия, Эдипов комплекс, обломовизм и т.д. Принцип номинации оказывается понятен сознанию неспециалиста (обыденному языковому сознанию), при условии знакомства с соответствующими сюжетами/фактами. Отмечается также явление межотраслевой омонимии (термины имеют одинаковое языковое выражение, но различное значение в разных областях знания), которое также может быть основано на переносе по сходству, например, *палимпсест* в медицине – это «разновидность расстройств памяти при алкоголизме: из памяти выпадают отдельные фрагменты событий, происходивших во время опьянения, при сохранении способности воспроизводить общий ход событий» [Новейший медицинский энциклопедический словарь 2009; 551 – 552].

Таким образом, термин и единица обыденного языка могут быть как омонимами, так и разными значениями одной лексемы в зависимости от различий в значении. Также различным может быть направление мотивации.

Далее мы подробнее остановимся на рассмотрении соотношения обыденного и профессионального языкового сознания на примере номинации *мигрень* – как термина и как слова обыденного языка.

5.1.1. Мигрень: обыденное языковое сознание (немедицинские тексты)

В настоящем разделе мы обратимся к обыденному языковому сознанию в медицинской сфере на примере слова *мигрень*. Следует отметить, что концепт *болезнь* не раз был предметом лингвистического изучения ([Кобелева 2009], [Туленинова 2008], [Некора 2008], [Бурова, Буров, б/г] и др.), однако отдельные названия болезней, значение которых выходит за пределы чисто понятийного и приобретает особый статус в русской картине мира (*мигрень, туберкулез*), в этом аспекте не рассматривались. Задача раздела – выявить, что представляет собой мигрень в непрофессиональном языковом сознании, проанализировав употребление слова в непрофессиональном дискурсе. Для этого с помощью Национального корпуса русского языка методом сплошной выборки были

извлечены контексты, в которых встречается лексема *мигрень*. Всего было проанализировано 300 текстов (470 вхождений). Для целей анализа использовались тексты, которые нельзя отнести к профессиональному/обучающему медицинскому дискурсу, на этом основании подборку в том числе были включены тексты художественного и общественно-политического дискурса. Методологической базой исследования послужили работы Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976], Л.О. Чернейко ([Чернейко 2010]), Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2008].

5.1.1.1. Что такое мигрень? Общие замечания

Анализ отобранных контекстов выявил, что *мигрень* для русского обыденного языкового сознания – это головная боль. Обращаем внимание на это, казалось бы, очевидное положение, поскольку, как будет показано далее, локализация мигрени в профессиональном дискурсе не сводится к головным болям, но может также использоваться и для обозначения болей в животе (абдоминальная мигрень) [Международная классификация головных болей 2003]. Приведем некоторые примеры:

Отчаянные головные боли мучили меня невыносимо. У вас бывают мигрени? Вы представляете себе эту ужасную нудную боль? [А. Беляев. Легко ли быть раком. Рассказ-фантазия, 2009];

— *Голова. Мигрень. Слышали про такую болячку?* [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)];

Последние, воздействуя на людей, вызывают болевые ощущения, долговременную глухоту, а также приступы головной боли (мигрени) [Разработка некоторых видов несмертельного оружия в США (2004) // «Зарубежное военное обозрение», 2004.10.25];

РЕЗУЛЬТАТ: я пила для избавления от головных болей, ужасных, сильных, т.е. мигрени [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)];

*Он привставал по привычке, когда к нему обращались, и, сославшись на сильную **мигрень** — а **голова** у него действительно раскалывалась, — как-то боком, боком удалился из комнаты [В. Катанян. Прикосновение к идолам (1998)];*

*У Коликой мамы сильно **болела голова**: у нее была болезнь, которая называется «**мигрень**», и при этой болезни ни в коем случае нельзя в доме мяукать [Е. Чеповецкий. Приключения шахматного солдата Пешкина (1986)].*

Если более точно описывать локализацию болезни, то в анализируемых контекстах упоминаются *виски* (наиболее частотное, встречается 20 раз, причем, исходя из контекстов мигрень может проявляться как боль в одном виске, так и в обоих), *лоб*, *затылок*:

*От жары и от постоянного негромкого гула у Ксении Петровны каждую секунду могла начаться **мигрень** и она уже чувствовала **неприятное давление в висках**, от которого просторная панорама холла превращалась временами в дрожащее желе [С. Болмат. Сами по себе (1999)];*

*Что, наступая с моря, вечер отдавливает духоту, как **мигрень**, от висков к затылку [А. Иличевский. Ай-Петри (2005) // «Октябрь», 2006];*

*Сударевский сморщился от боли в левом виске. Начиналась **мигрень**. [Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)];*

*Утро: туман, сине-серая зелень и подленький крап декабря на вагонные стекла — ландшафт под Парижем; в виске — **винт мигрени** [А. Белый. Между двух революций (1934)];*

*Фуражка, свесясь козырьком с настенного крюка, раскачивалась из стороны в сторону, точно пробуя **вытряхнуть из суконных висков мигрень** [С.Д. Кржижановский. Боковая ветка (1927-1928)];*

*Меня мутит, **висок начинает болеть** — это **мигрень** [Е.А. Нагородская. Гнев Диониса (1910)];*

*Совсем одна, словно Мальмгрен во льду, Заточена, словно **мигрень во лбу** [В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)];*

В панике и в ярости Любаша готова была заплакать, но тут по лбу полоснула и моментально исчезла мигрень, и потная слабость окутала ноги и ладони [Д. Симонова. Настройщик (2002)].

Ни в одном из анализируемых контекстов употребление слова *мигрень* не предполагает болей в других частях тела кроме головы. Так же определяется *мигрень* и в толковых словарях. Согласно Малому академическому словарю под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС), мигрень – «заболевание, выражающееся в приступах сильной боли, обычно в одной половине головы» [Словарь русского языка 1999]. В словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова мигрень описывается как «нервная головная боль, поражающая обычно одну сторону головы и проявляющаяся в виде припадков через различные промежутки времени» [Толковый словарь русского языка 1935 – 1940]. Но если МАС и Словарь Д.Н. Ушакова определяют боли в одной половине головы как самый частотный случай проявления мигрени, но не единственный, то в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *мигрень* описывается исключительно как «приступы боли в одной половине головы» [Ожегов, Шведова 1999].

Обращает на себя внимание то, что в трех указанных словарях в качестве иллюстрации приводится одинаковая сочетаемость – *страдать мигренью* ([Словарь русского языка 1999], [Ожегов, Шведова 1999]), *страдать от мигрени* ([Толковый словарь русского языка 1935 – 1940]). Глагол *страдать* часто используется в значении «иметь какую-л. болезнь, недомогание»: *Онегин сохнет, и едва ль Уж не чахоткою страдает*. Пушкин, Евгений Онегин ([Словарь русского языка 1999]. Это второе значение глагола *страдать*, и в этом случае его экспрессивность ослаблена, поскольку смысловой акцент падает на название болезни, а не на процесс ее протекания. Ср. переносное значение *страдать самомнением* (пример из [Ожегов, Шведова 1999]): человек, страдающий самомнением, не испытывает физических или душевных мучений, скорее наоборот. Глагол в данном случае выступает как

неполнозначительный, в семантике остается единственный компонент – болезнь как указание на ненормальность, некое нарушение, но вовсе не на болезненность процесса.

Тем не менее, в проанализированных текстах часто актуализируется первое значение глагола *страдать* - «испытывать сильную физическую или нравственную боль, страдания; мучиться» [Словарь русского языка 1999], поддерживаемое контекстом. Анализ сочетаемости показывает, что мигрень в обыденном языковом сознании - боль интенсивная, резкая, острая, приносящая невыносимые страдания. Встречающиеся определения: *отчаянная, ужасная* (5 раз), *нудная, сильная* (11 раз), *дикая, несносная, страшнейшая, непреходящая, мучительная, жесточайшая* (2 раза), *беспрестанная, жуткая, жестокая* (5 раз), *попыхающая, адская, страшная* (8 раз), *нечеловеческая, смертельная, тяжелая* (3 раза), *рвущая мозг, доводящая почти до помешательства, невыносимая* (2 раза), *лютая, сильнейшая* (2 раза). Все это попадает в семантическое поле **страдания, муки**. Ср. следующий контекст:

*Актёр с побледневшим лицом, со **страдальческими**, помутневшими глазами, вдруг наваливался сбоку на барьер, шептал: — Дикая мигрень... Филя, не удивляясь, не оборачиваясь, протягивал руку назад, открывал настенный шкафчик, на ощупь брал коробочку, из неё вынимал пакетик, протягивал **страдальцу**...* [М.А. Булгаков. Театральный роман].

Повторение однокоренных лексем в рамках такого короткого контекста неслучайно, оно подчеркивает интенсивность физической боли, сбивающей с ног («наваливался сбоку на барьер»), замутняющей сознание («помутневшими глазами»). Заметим попутно, что корень *-страд-* (*страдать, страдалец, страдания*) встречается в проанализированных контекстах 50 раз. Частотны и слова с корнем *мук-* /*муч-* (встречается 24 раза), например:

*Она прошла к себе, попросив прийти Анну Павловну. Начиналась **жестокая** мигрень. Весь день она **мучилась** **несказанно*** [В.В. Вересаев. Euthymia (Эйтемия) (1943)];

Отчаянные головные боли *мучили* меня *невыносимо*. У вас бывают мигрени? Вы представляете себе эту *ужасную нудную боль*? [А. Беляев. Легко ли быть раком. Рассказ-фантазия, 2009].

Нагнетание слов, выражающих высокую степень признака, в приведенных выше контекстах служит той же цели – показать нестерпимость боли.

Мигрень может приносить такие невыносимые страдания, что в контекстах появляется семантическое поле **смерти**, хотя все это гиперболические употребления – от мигрени не умирают:

Жестом супруги *присяжного поверенного Гоголева Алевтина* *взялась пальцами за виски* *сжала их*, как *мадам Гоголева* *вовремя приступов* своей «*нечеловеческой, смертельной*» мигрени [Ю. Герман. Дорогой мой человек (1961)];

Недаром *вчера чуть не издохла от мигрени* [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)];

Только не сердитесь, — *я почти умираю от мигрени* *и от моего несчастного сердца* [А.И. Куприн. Яма (1915)];

... *она как мертвая*, *целыми неделями* *лежит в постели* *без сна и пищи* — *с лютой мигренью* — *и проч.* [К.И. Чуковский. «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...» (1925-1926)].

Одним из частотных предикатов *мигрени* является глагол *мучить*. Характерно, что в своем основном значении это глагол акциональный и предполагает наличие субъекта. Представление о мигрени как о враждебной силе дает основание для развернутых метафор в литературных контекстах:

В Италии мигрень отступила, *но маячила неотложно*, *и приступы беспокойства* *связывались с приближением серой птицы боли*, *готовой наброситься*, *перебить шейные позвонки*, *начать клевать череп*, *впившись в него стальной плюсной* [Александр Иличевский. Облако // «Октябрь», 2008].

В очередной раз обращаем внимание на то, что зловещая птица боли – это не мифический орел, терзавший Прометея, ее цель – череп, а значит, мигрень представляется как боль исключительно головная.

Метафора чудовища прослеживается и в других текстах:

Ученый — исчадие анекдота. Мигрень тихо пожирала половину головы. Глядя на него, вы думаете: вот человек, с которым я не хотел бы жить в одной комнате... [Виктор Кин. Записные книжки (1921-1937)];

Бледный Эдик осторожно массировал себе виски с мучительным выражением на лице, словно его глодала мигрень. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964)].

Мигрень наступает как неприятель, раздирает на части, уподобляется ожесточенной битве:

Две части ее сталкивались в схватке близящейся мигрени... [Александр Иличевский. Облако // «Октябрь», 2008],

обрушивается, заслоняет собой все вокруг, поглощает человека и уносит в иную реальность:

И она спохватывается, чтобы не шагнуть в отдельность, как раньше, когда ее захватывала мигрень, дорогой гость, после которого забывала мир, себя, а не то — близких, мужа [Александр Иличевский. Облако // «Октябрь», 2008];

она несет разрушения, как взорвавшаяся бомба:

Мигрень просто взорвалась в голове, погребя под собой остатки разума [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)],

отравляет все вокруг:

Теперь ей лучше перебраться в гостиную, там свежий, не зараженный мигренью воздух [Тамара Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003].

Мигрень как стихийное бедствие, буря - разыгрывается и умолкает:

Но вместо него примчался на финской тележке потный, растрёпанный, волосатый студент, учитель его сыновей, и, запыхавшись, сказал, что у

Леонида Николаевича **разыгралась мигрень** и он вынужден отложить свой визит [К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940-1969)];

Я поспешил на Новорыбную сообщить про сегодняшнее судбище маме, но у нее как нарочно **разыгралась мигрень** [К.И. Чуковский. Серебряный герб (1936)];

Я однажды — попался: увидевши жест мой в переднюю дернуть (**мигрень разыгралась**), дразнясь и сутулясь тяжелой, скругленной спиной, две руки свои д'Альгейм уронил мне на плечи... [Андрей Белый. Начало века (1930)];

Я слушал — и каждое его слово запоминал навсегда, но не буду приводить всего, иначе на склоне лет опять ярко припомню этот час и, наверно, **разыграется мигрень** [А.С. Грин. Золотая цепь (1926)];

Ломота в костях, правда, унялась, насморк стих и **мигрень умолкла** [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)].

Как агенс, сознательная сила, враждебная по отношению к человеку, мигрень выступает и внехудожественных текстах:

Существуют исторические факты, свидетельствующие, что **мигрень преследует человечество** уже по крайней мере 7 тыс. лет» однако она все еще остается одним из самых загадочных и непризнанных недугов, Многие люди не обращаются за медицинской помощью, считая, что доктора не смогут облегчить их **страдания** или же проявят по отношению к ним недоверие и враждебность [Умный журнал для умных людей // «Наука и жизнь», 2008];

Провоцируют приступы стрессовые ситуации, метеоусловия (дождь, ветер), времясуток (утром **мигрень нападает** чаще), громкий шум, сильные запахи, мелькающие огни, нерегулярный прием пищи, недосыпание. [Маргарита Озерова. Раскол в думе (2000) // «Карьера», 2000.02.01]

Посмотрим на сочетаемость с глаголами. Предикаты, встречающиеся со словом **мигрень**: *начинается, терзает, мучает, разыгрывается, нулевая глагол-связка, приключается, последует, появляется, близится, наваливается, не отпускает, укачивает, полоснула, исчезает, донимает, гложет,*

преследует, рвет мозг, доводит до помешательства, приходит, подбирается, сделается.

Объектное употребление: *лежать с мигренью, заболеть мигренью, страдать мигренью, сослаться на мигрень, доводить до мигрени, вызывать мигрень, задавить мигрень, избавить от мигрени, помогать от мигрени, лезть на стену от мигреней, иметь мигрень, почувствовать припадок мигрени, измучиться от мигрени, чуть не издохнуть от мигрени, спасти от мигрени, излечить мигрень, плести невесть что от мигрени, успокоить мигрень, облегчить мигрень, спровоцировать приступ.*

Лексема *мигрень* часто сочетается со словами *приступ* или *припадок*, с которыми согласуются прилагательные тех же семантических групп (семантическое поле страдания, интенсивность боли):

Он застал ее в жестоком приступе мигрени [С.Т. Григорьев. Тысяча женихов и невест (1948)].

Приступ - это «острое и внезапное проявление признаков болезни», как и припадок - «внезапное и обычно повторяющееся острое проявление какой-либо болезни» [Ожегов, Шведова 1999]. Таким образом, мигрень может проявляться резко, неожиданно, как например, в следующем контексте:

В панике и в ярости Любаша готова была заплакать, но тут по лбу полоснула и моментально исчезла мигрень, и потная слабость окуталаноги и ладони [Дарья Симонова. Настройщик (2002)].

Вместе с тем, болезнь может проявляться постепенно: в большом количестве контекстов *мигрень* сочетается с предикатом *начинается* (она также может *близиться*), и лица, страдающие от этого недуга, чувствуют его приближение:

Чувствуя, что начинается мигрень, я, сделав над собой огромное усилие, поболтала еще несколько минут с Никиткой, потом, оставив ему свой телефон, ушла [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)].

Чувствуя, как к мозгам подбирается мигрень, я пробормотала... [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)].

Мигрень - не разовое явление, ее приступы продолжительные и повторяются через какой-то промежуток времени. Форма множественного числа - *мигрени*, как правило, указывает, не на разные типы мигрени (в отличие от текстов профессионального медицинского дискурса, обыденное сознание не классифицирует мигрень на подвиды с разными симптомами), а на периодические приступы болезни одного человека:

Теперь стали понятны причины постоянного раздражения, усталости, мигреней, мучивших ее в те годы [И. Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001];

Сергей Львович осторожным мизинцем тронул виски и брюзгливо обиделся на Александра как на всегдашнего виновника своих мигреней [Ю. Давыдов. Мальчики (1991)];

Но от этой возможности ему стало тоскливо, скучно и начались мигрени [В. Орлов. Альтист Данилов (1980)].

С другой стороны, форма единственного числа может указывать на мигрень в самом обобщенном смысле (как некий феномен):

Существуют исторические факты, свидетельствующие, что мигрень преследует человечество уже по крайней мере 7тыс. лет... [Умный журнал для умных людей, 2008],

на болезнь как таковую:

Я, конечно, не утверждаю, что у компетентных сотрудников действительно была непреходящая мигрень и что для всех для них проблема оказывалась мучительной... [О. Эдельман. Советские люди на рабочем месте // «Отечественные записки», 2003],

либо на болезнь, которой подвержен тот или иной человек:

Старая мигрень, Ева. От кофе пройдет [А.С. Грин. Джесси и Мортиана (1928)];

Я пила для избавления от головных болей, ужасных, сильных, т.е. мигрени [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)].

Последний пример интересен тем, что *головные боли* в нем употреблены во множественном числе, как повторяющиеся проявления заболевания, при этом *мигрень*, как его общее название, имеет форму единственного числа.

Вместе с тем форма единственного числа может также указывать и на конкретное проявление мигрени (приступ заболевания), особенно если со словом согласуется качественное определение, описывающее степень тяжести протекания приступа:

Едва только что-нибудь было не по ней, входило в противоречие с ее планами и желаниями, как у нее немедленно приключался сердечный приступ, или желудочный спазм, или жесточайшая мигрень [В. Валеева. Скорая помощь (2002)].

Глагол *приключиться* в данном случае исключает возможность истолкования формы единственного числа как общего указания на заболевание, длительная болезнь не может приключиться – очевидно, что говорится о ее отдельных проявлениях. Обращаем внимание и на ряд существительных, в котором упоминается *мигрень*: приступ, спазм – все это явления ограниченные во времени.

Я воспользовалась вопросом одного из молодых людей, прошла ли моя вчерашняя мигрень, и сказала... [А.Г. Достоевская. Воспоминания (1911-1916)].

В приведенном отрывке также имеется в виду конкретный единичный приступ, и определение *вчерашняя* локализирует его во времени.

Говоря о морфологических характеристиках слова, следует также упомянуть, что раньше оно могло использоваться как двуродовое. Словарь русского языка XVIII века [Словарь русского языка XVIII века 1992] дает две пометы: мужской и женский род. Употребление *мигрени* как слова мужского рода находим и в анализируемых текстах, но необходимо учитывать, что все они датируются XIX веком либо первыми годами XX столетия:

Ольга в ответ промычала что-то не слишком веселым и одобрительным тоном; ее мучил жесточайший мигрень, и она усиленно растирала томимый болью висок платком, вымоченным в одеколоне [А.В. Амфитеатров. Марья Лусьева (1903)];

И когда у барыни мигрень приключался — есть такая барская боль — мигрень, — то меня с гусями к ней призывали [Скиталец (С. Г. Петров). Сквозь строй (1902)];

*Идет и, по обыкновению, выставил вперед свой лошадиный подбородок и ищет, кому бы пожаловаться на **свой мигрень**, на жену и на студентов, которые не хотят посещать его лекций [А.П. Чехов. Скучная история (1889)];*

*— Не то, Крицкий! .. У меня просто **сделался мигрень!** [К.М. Станюкович. Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим (1879)].*

5.1.1.2. Причины мигрени

Мигрень во многих контекстах воспринимается как болезнь нервная, вызванная сильными переживаниями, расстройством или просто неблагоприятными условиями. Редко она оказывается наследственной, было выявлено всего два таких контекста:

Надо сказать, что я в детстве, юности и до тридцати лет страдал мигренями — это наследственное [Р. Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000-2001)];

Так, душевная болезнь родителей, без сомнения, дает несравненно более глубокую и сильную болезненную наследственность, чем простая мигрень, истерия и проч. [П.И. Ковалевский. Иоанн Грозный (1900-1910)].

Мигрень незаразна. В одном из художественных текстов персонаж ссылается на ее заразность (*Лиленфельд сумел проиграть Танкреду солидный куш, и оставил игру, ссылаясь на жестокую мигрень, вывезенную, по его словам, из Африки [Ф.К. Сологуб. Королева Ортруда (1909)]*), однако метатекстовая оговорка (*по словам...*) заставляет учитывать этот пример в

отношении обыденного языкового сознания как «обратный»: говорящий как раз не склонен доверять словам героя о причинах его болезни.

В большинстве же контекстов *мигрень* имеет внешнюю причину-триггер, объективную или субъективную, обстоятельства, которые провоцируют приступ. Объективными могут считаться внешние условия, такие как раздражающий, слишком резкий цвет, продолжительный шум, духота, недостаток сна, голод и т.д.:

Губы ее были ядовито-зеленого оттенка, когда-то именно такой краской покрывали стены в нашем институте, и многие преподаватели жаловались на то, что у них в аудиториях начинается приступ мигрени [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004)];

Источник света может стать источником непонятого раздражения, напряженности и даже мигрени [О. Барина. Домашние лучи и тени (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.03.11];

Он знал, что мигрень — если это была мигрень — есть в некотором роде знамение, сигнал тревоги или недовольства, которое выражает организм: едой, погодой или полушарием Земли [Б. Хазанов. Корсар (2000)];

От жары и от постоянного негромкого гула у Ксении Петровны каждую секунду могла начаться мигрень и она уже чувствовала неприятное давление в висках, от которого просторная панорама холла превращалась временами в дрожащее желе [С. Болмат. Сами по себе (1999)];

В театре от невыносимой трескотни у меня сделалась мигрень, так что я до сих пор лежу в постели («в холодной комнате» и т.д.). [А.А. Ахматова. Письма Н. Н. Пунину (1922)];

Таким долгим было ожидание взлета в битком набитом самолете, что у меня началась мигрень [И. Муравьева. Документальные съемки (1997-1998)];

*Я смертельно устала, а у него, по-моему, **от моих песнопений** началась адская мигрень, он побледнел и в глазах Иисусова мука* [Т. Окуневская. Татьянин день (1998)];

*А ежели у великой княгини, Александровой супруги, **от сырости** мигрень?* [О.Д. Форш. Михайловский замок (1946)];

*Проведённая мной после бала **короткая ночь и пустой желудок** вызвали такую мигрень, что мне было очень трудно вступить в переговоры с появившимся Голощёкиным, занявшим председательское место* [В.П. Аничков. Екатеринбург – Владивосток (1917-1922) (1934)];

Храни меня бог лечь позже: не отделаться на другой день от мигрени! [А.П. Чехов. Гость (1885-1886)].

Мигрень может быть вызвана неблагоприятными условиями труда, однообразной работой, требующей постоянного внимания и напряжения:

*Младшая дочь Мироходовых, Елена, к столу не вышла — она страдала мигренью **из-за проклятого бисера**: целыми днями плела украшения на продажу* [Дмитрий Быков. Орфография (2002)],

и даже, как ни странно, чрезмерно интенсивным смехом:

*Задумчивое оштолбнение клоунов в момент неизбежного удара по затылку гуттаперчевой колбасой вызвало не одну мигрень слабых голов, **заболевших от хохота*** [А.С. Грин. Блистающий мир (1923)].

В случаях, когда мигрень вызвана объективными причинами, она воспринимается как реакция организма на физический раздражитель, плохие условия. К субъективным же причинам мы относим острые душевные и нравственные переживания, огорчение, волнение и психологическое или умственное напряжение:

*Вдруг подсаживается ко мне их директор и просит: "Слушай, у нашей солистки (называет фамилию известной артистки) мигрень или чёрт её знает что, **то ли она ночью перепила, то ли что-то не заладилось на любовном фронте...*** [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)];

Кончилось все совершенно водевильной сценой примирения и отправлением семейства восвояси, а я осталась лежать с мигренью [М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010];

Стоило заболеть на вечер мигренью, от огорчения, что за полдня никто не пришел, а потом? ??? [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)];

Но когда Баби начинает раскраивать дорогой материал, Мама уходит из комнаты, у нее от волнения начинается мигрень [Т. Окуневская. Татьянин день (1998)];

Если бы она была здорова, я спорил бы с ней, но она ужасно больна: после всякого волнения, она как мертвая, целыми неделями лежит в постели без сна и пищи — с лютой мигренью — и проч. [К.И. Чуковский. «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...» (1925-1926)];

Возможностью этой он пренебрег, от скуки демонических откровений его стали мучить мигрени и колики в желудке [В. Орлов. Альтист Данилов (1980)];

Он с удовольствием, с наслаждением готовил для Анны ее любимые кушанья, изобретательно сопрягая малокалорийные продукты военного времени (он хорошо стряпал — единственное, что, по словам Анны, он умел делать хорошо), а когда его обсчитывали посетители — он считал трудно, медленно, еще в школе он заболел мигренью от изучения дробей, — он смотрел на Анну таким и растерянными, преданными, теплыми глазами, что ей хотелось его погладить, как котенка, утешить, чуть ли не взять на руки [С. Липкин. Записки жильца (1962-1976)].

Причиной может стать неподобающее поведение других людей, также влекущее за собой острые переживания у лиц, подверженных мигрени, провоцирующие новый приступ:

К тому времени злая сектантка была уже месяц как отставлена, и мы с сестрой до того разошлись, что у матери начались мигрени [А. Дмитриев. Дорога обратно // «Знамя», 2001];

Сергей Львович осторожным мизинцем тронул виски и брюзгливо обиделся на Александра как на всегдашнего виновника своих мигреней [Ю. Давыдов. Мальчики (1991)];

Я спросила Надю, она рассказала, что когда к ней приехала Анна Андреевна, появился Николай Иванович; она распустила волосы, потому что у нее началась мигрень, так как Харджиев безумолку рассказывал, какой Шкловский негодяй [Э. Герштейн. На фоне всех ревизий века (1999)];

Как в бреду, проходили перед ней образы — Курцмана, неутомимого антикварного ловкача всех времен, потом седова того черноглазого Кара-Бушуева, поставщика великих князей и всесветного авантюриста, который, слегка попользовавшись, передал покупательницу Штруфу; теперь самое имя Осипа Бениславича вызывало в ней острые приступы мигрени [Л.М. Леонов. Скутаревский (1930-1932)];

Он разочаровывался в жене и заболел мигренью [А. Мариенгоф. Циники (1928)];

У Мама начиналась мигрень, когда она видела в руках у женщины газету, она считала это неприличным [Т. Окуневская. Татьянин день (1998)].

5.1.1.3. Симптомы, их облегчение и лечение

О том, что мигрень отождествляется в обыденном сознании с любой головной болью, свидетельствуют не только отобранные контексты, как показано в п. 1, но и другие тексты в Интернете, например:

Я-то, признаться, раньше думала, что «мигрень» — это просто научное название головной боли. Ну, то есть все, что болит выше нижней челюсти, — это мигрень [Аргументы и факты, gazeta.aif.ru/online].

Но если мигрень - головная боль, то отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, что же конкретно там болит. В обыденном дискурсе

нередки шуточные комментарии о том, что «голова - это кость, а следовательно, ничего там болеть не может»:

Я когда последний раз был в военкомате, заглянул к военному, он распекал паренька:

- У тебя болит голова и поэтому ты не можешь служить? Дебил! У тебя там кость, болеть ничего не может! Сидишь передо мной, уважаемым старым полковником и так тупо косишь! [Смешные анекдоты. bibo.kz/anekdoti];

С утра проснулся голова вообще

*Ведь вроде кость а как болит ужасно*⁷³ [Смешные стихи. bibo.kz/anekdoti]

Чему там болеть? Это ж кость! Машка выразительно постучала себя по голове. Анютка обиделась. У нее голова болела часто, и она с полным правом считала, что это напоминают о себе мозги [Аргументы и факты, gazeta.aif.ru/online].

Набранные для анализа контексты показывают, что обыденное сознание действительно определяет мигрень как болевые ощущения мозга:

Чувствуя, как к мозгам подбирается мигрень, я пробормотала... [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)];

И жара, и мигрень, и эти тени на живой еще пока, в мае, траве... Но не было и строчки прозы в моем одутловато-сосудистом самочувствии, в мутной, крутой волне, поднимавшейся вместе с кефиром со вчерашнего дна... Мигрень-травы... мой истощенный мозг подбирал уже с полу и то ронял [А. Битов. Обоснованная ревность (1960-1999)];

... реущие мозг мигрени, доводившие почти до помешательства [В.В. Вересаев. Euthymia (Эйтемия) (1943)];

— Доктор, у меня мигрень. — Это у вас так называемый ревматизм мозга [Н.А. Тэффи. Письма издалека (1911)].

⁷³ Пример приведен в авторской орфографии и пунктуации

Не так уж важно, что в вышеприведенном отрывке курортный доктор, все следствия относящий на счет одной причины - болезни, от которой он лечит - идентифицирует мигрень именно с ревматизм (это могло бы быть любое другое заболевание, при котором был бы признан полезным лечебный источник), в данном случае мы обращаем внимание на то, что «ревматизм оказался ревматизмом именно мозга, а такой перенос возможен только в том случае, если мигрень отождествляется с болью в мозге.

Я соображал: если глаз есть кусок мозга, вынесенный на открытый воздух, то само по себе зрение есть мыслительный процесс, со всеми следствиями: мышление утоляло Ницше выработанными в мозгу алкалоидами и облегчало мигрень; Пилат не умел думать самостоятельно и потому нуждался в сторонней анестезии: ему нужно было говорить с умным человеком [А. Иличевский. Перс (2009)].

Способ лечения мигрени, приведенный в данном отрывке (думать, размышлять, поговорить с умным человеком), которые якобы помогали страдавшим от мигрени Ницше и Понтию Пилату, нельзя считать принадлежащим обыденному языковому сознанию: это очевидно авторская концепция, но отрывок, тем не менее, свидетельствует о бесспорной для обыденного сознания связи мозга⁷⁴ и мигрени.

Остановимся подробнее на симптомах мигрени, отраженных в анализируемых контекстах. Прежде всего, это ощущение «тяжелой», «большой» головы:

⁷⁴ Согласно наблюдениям А.Д. Шмелева, в русской языковой модели человека в голове и мозге локализуется интеллектуальная жизнь человека и его память. «Медицинское представление, согласно которому для функционирования мозга необходимо его нормальное кровоснабжение, чуждо русской языковой модели человека. В русском наивно-языковом представлении голова и мозг функционируют независимо от сердца и крови [средоточие эмоциональной жизни человека]. Ситуации, когда *кровь бросается в голову*, имеют место, если человек полностью утрачивает контроль над своими чувствами и попадает во власть эмоций, это совсем не то же, что кровоизлияние в мозг в медицине (которое, как раз и бывает чаще всего причиной нарушения нормального кровообращения мозга)» [Шмелев 2002; 34]. При этом «мозг (в единственном числе) рассматривается как своего рода механизм, который работает тем лучше, чем более сложно его устройство (Ср. У него в мозгу всего одна извилина), а для мозгов (во множественном числе) существенно количество, общая масса (У него на это мозгов не хватит)» [Там же; 35].

Дом — каменная громада — не домом был; каменная громада была Сенаторской Головой: Аполлон Аполлонович сидел за столом, над делами, удрученный мигренью, с ощущением, будто его голова в шесть раз больше, чем следует, и в двенадцать раз тяжелее, чем следует [А. Белый. Петербург (1913-1914)],

давящей боли:

От жары и от постоянного негромкого гула у Ксении Петровны каждую секунду могла начаться мигрень и она уже чувствовала неприятное давление в висках, от которого просторная панорама холла превращалась временами в дрожащее желе [С. Болмат. Сами по себе (1999)];

когда у больного складывается ощущение, что голова вот-вот лопнет от напряжения:

— Мне совсем нехорошо... от болтовни и смеха мигрень усилилась... голова — ну просто лопнуть хочет... [А.В. Амфитеатров. Отравленная совесть (1882-1893)],

расколется, распадется на части:

Он привставал по привычке, когда к нему обращались, и, сославшись на сильную мигрень — а голова у него действительно раскалывалась, — как-то боком, боком удалился из комнаты [В. Катанян. Прикосновение к идолам (1998)];

...рвущие мозг мигрени, доводившие почти до помешательства [В.В. Вересаев. Euthymia (Эйтемия) (1943)].

Мигрень может сопровождаться тошнотой:

Меня мутит, висок начинает болеть — это мигрень. [Е.А. Нагродская. Гнев Диониса (1910)];

На другое утро я ожидала видеть Наташу совсем здоровою, как бывало после мигрени, но, к моему изумлению, она не могла встать, ее все еще тошило [Н.А. Тучкова-Огарева. Воспоминания (1890)],

ощущением «горящей» головы:

... три дня я жила с мигренью, с горячим лицом, обожженными изнутри глазами — больная, потерянная... [Л.К. Чуковская. Иосиф Бродский (1963-1972)];

приступу сопутствует общая слабость организма:

С утра чувствовала она страшную слабость... Голова, от мигрени, минутами совсем замирала [П.Д. Боборыкин. Труп (1892)].

Как крайне острое состояние, мигрень препятствует осуществлению какой-либо деятельности, человеку, страдающему от приступа мигрени, может стоить невероятных усилий даже простое поддержание разговора:

Чувствуя, что начинается мигрень, я, сделав над собой огромное усилие, поболтала еще несколько минут с Никиткой, потом, оставив ему свой телефон, ушла [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)].

Мигрень может замутнять зрение:

... просторная панорама холла превращалась временами в дрожащее желе [С. Болмат. Сами по себе (1999)];

Лежа на турецком диване, служившем ему постелью, Стягин оглядывал кабинет глазами, помутнелыми от мигрени и лома в обои коленах [П.Д. Боборыкин. Проездом (1884)]

и сознание, доводя больного чуть ли не до бредового состояния:

Книжки мне не понравились, я хотела сказать ему что-то существенное, но от усталости и мигрени плела невесть что [Л.К. Чуковская. Полгода в «Новом мире» (1946-1947)].

При приступе мигрени человеку необходим полный покой и сон:

Думы о нем парализовали даже универсальное средство от мигрени — безусловный покой и почти абсолютную неподвижность, после которых боли обыкновенно стихали [Н.Э. Гейнце. Коронованный рыцарь (1898)];

Фрау Леноре не совсем здоровилось: она страдала мигренью — и, полулежа в кресле, старалась не шевелиться [И.С. Тургенев. Вешние воды (1872)];

— У мамы во время сна мигрень проходит, — заметила она [И.С. Тургенев. Вешние воды (1872)],

... понимаете, не хочу будить жену, бедная страдает мигренями и рано укладывается... [Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)],

хотя не всегда больной в состоянии заснуть:

... она как мертвая, целыми неделями лежит в постели без сна и пищи — с лютой мигренью— и проч. [К.И. Чуковский. «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...» (1925-1926)].

Больного необходимо оградить от резкого света и любого шума, которые могут усугубить страдания:

Фрау Дитмар часто страдала от мигрени и во время приступов не выносила шума [В. Кожевников. Щит и меч. Книга первая (1968)];

Едва я всхожу на порог, Маруся делает мне знак не шуметь: у мамы с утра мигрень [К.И. Чуковский. Серебряный герб (1936)];

... я удалился на цыпочках, так как во время мигрени маме было больно от всякого шума [Там же];

Потихоньку мигрень начала ее укачивать, как в колыбели: раз-два, раз-два, с левой стороны от окна пробилось солнце, надо бы задернуть поплотней шторы [Т. Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003].

Женщины при мигрени обычно стараются распустить волосы, так как это тоже может облегчить их страдания:

Мне открыла Анна Андреевна со слезами на глазах и с распущенными волосами (тогда еще черными) — у нее сделалась сильнейшая мигрень, чего, по ее словам, с ней никогда не бывало [Э. Герштейн. Вблизи поэта (1985-1999)];

... она распустила волосы, потому что у нее началась мигрень... [Э. Герштейн. На фоне всех ревизий века (1999)];

Новенькая страдала мигренями, и волосы, уложенные жгутом на затылке, как это требовалось по форме, могли отяготить ее прелестную

головку, потому ей, в виде исключения, **разрешили носить косы**. [Л.А. Чарская. Записки институтки (1901)];

*И вот однажды, когда он застал Зою Сергеевну, **по случаю мигрени, с распущенными волосами**, которые волной ниспадали на плечи, моложавя лицо девушки, — он с таким, казалось, восхищением, словно бы внезапно очарованный, глядел на Зою Сергеевну, приостановившись у порога, что она заалела, как маков цвет* [К. М. Станюкович. «Бесшабашный» (1891)].

Образ человека, страдающего мучительным приступом мигрени - это, как правило, человек с перевязанной головой:

*О. М. переводила часами, **перевязав голову (мигрень)**; работа же — срочная...* [А. Белый. На рубеже двух столетий (1929)];

*От нее за версту несло валерьянкой, а голова была **перетянута свернутым в жгут оренбургским платком**. Это означало, что у матери мигрень* [И. Безладнова. Такая женщина // «Звезда», 2001];

*...голова его **обвязана была шелковым платком**, но я-то знал, что это не мигрень и тем более не щегольство* [М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001)].

Вообще больной интуитивно стремится сжать голову, «задавить боль»:

*Жестом супруги присяжного поверенного Гоголева **Алевтина взялась пальцами за виски и сжала их**, как мадам Гоголева во время приступов своей «нечеловеческой, смертельной» мигрени* [Ю. Герман. Дорогой мой человек (1961)];

*Это было его **давнишнее, испытанное средство от мигрени. Сжать себе голову эдак покрепче** - и боль постепенно начнет таять, таять, уходить куда-то под кожу, а под конец исчезнет* [Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958)].

Кроме того, лечат мигрень компрессами:

Роман, в котором, как в кривом зеркале, отразится обречённая эпоха предвоенных лет, будет написан много позже, то в лихорадочных вспышках

раздраженного вдохновения, то с перерывами и вразвалку, между припадками мигреней, с ментоловыми компрессами вокруг знаменитой шевелюры, и отдохновительными антрактами на берегу океана, в Sables d'Olonne, где еще не ведая и не предвидя грядущей придворной славы и зернистой икры, ненасытное воображение питалось лишь скудными образами первой эмиграции, а неуёмный кишечник — общедоступными лангустами под холодным майонезом [Дон Аминадо. Поезд на третьем пути (1954)];

*— Я только подумал, не укус ли это, так как **страдаю мигренью, и смочил немного платок** [А.С. Грин. Золотая цепь (1926)].*

Часто в текстах встречается упоминание об успокаивающих травах (мелиссе, лимоне, лаванде):

***Мелисса** успокаивает, **избавляет от мигрени** и стрессов, освобождает от ночных кошмаров, возвращает жизненную активность. [А. Куклина. Спокойствие, только спокойствие! (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.05.15];*

*— Выйдя в располосованный солнечными лучами сад за **листочком лимона, который, если его хорошенько размять и понюхать, помогал от мигрени**, Мина встретила хозяйку в разговорчивом настроении [Т. Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003];*

*Молчаливый, обходительный, Человек-Краб, кажется, догадывался о розе ветров, царапающей Инкину душу, не нарушал грусти громкими словами, ходил по пятам, дарил **мешочки с лавандой от мигрени** и яркие заколки, украшенные цветами [Улья Нова. Инка (2004)].*

и специальном карандаше от мигрени:

*Тетя натирала виски **карандашом от мигрени** [В.П. Катаев. Белеет парус одинокий (1936)];*

*В ней оказалась пудреница, перчатки, записная книжка, флакон английской соли, **карандаш от мигрени**, золотой браслет, семьдесят три*

рубля бумажками, целая горсть серебра [М. Горький. Жизнь Клима Самгина (1928-1935)];

... муаровый мешочек, обшитый черными блестками, где, я знал, лежат еще другие странные вещи: флакон с «солью», ничего общего не имеющей с солью столовой, и «карандаш» против мигрени, ничего общего неимеющий с тем красно-синим карандашом, которым папа исправлял тетради [В.П. Катаев. Сюрприз (1934)].

5.1.1.4. Коннотации мигрени

Видимо, субъективные причины возникновения, не всегда предсказуемые и понятные другим людям, и заставляют обыденное сознание «настороженно» относиться к мигрени. Действительно, поводы к мигрени могут оказаться настолько анекдотическими, что не позволяют относиться к ней серьезно:

Я всегда покупаю к обеду живую рыбу и всегда так расстраиваюсь, что потом весь вечер мучаюсь мигренью! [В. Осеева. Динка (1959)].

Поэтому, если в одних контекстах мигрень соотносится с чудовищными болями и коррелирует с семантическим полем страдания и муки (особенно если ситуация описывается с точки зрения человека, испытывающего мигрень), в других она воспринимается как нечто заурядное, обычное и не стоящее беспокойства.

*К тому же ей не до того, она озабочена болезнью матери (Дмитриев готов был отвечать ста рублями против рубля за то, что у тёщи её **обычная мигрень**) [Ю. Трифонов. Обмен (1969)].*

Очевидно, что у Дмитриева нет и тени сочувствия по отношению к «страдалице», он раздраженно воспринимает болезнь тещи как досадную неприятность, мешающую его личным планам и больше напоминающую бурю в стакане воды, чем заслуживающую серьезных опасений за ее здоровье.

Мигрень – это настолько частотное и затрагивающее многих явление, что она становится удобной темой для поддержания беседы:

Представления о «приличных» и «постыдных» заболеваниях сохраняются и в наше время: даже в транспорте малознакомые люди охотно делятся друг с другом рецептами облегчения симптомов, например, вегетососудистой дистонии, метеозависимости и пресловутой мигрени, но никому и в голову не придет добровольно признать в наличии геморроя или какого-либо венерического заболевания [Н. Пятайкина. Психология болезни (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15].

Определение «пресловутая» снова обнаруживает неодобрительное отношение говорящего, и вызвано оно тем, что говорят о мигрени, по его мнению, слишком много без достаточных на то оснований. Более того, некоторые контексты обнаруживают, что мигрень выступает как «эталон» тривиальности, явление настолько привычное, что с ним сравниваются новые феномены:

Сегодня термины internet addiction, on-line addiction, net addiction («зависимость от интернета», «от виртуального мира», «от сети») в ходу не меньше, чем мигрень или ОРЗ [А. Мокроусов. Из инета с любовью (2002) // «Домовой», 2002.10.04].

Ср. также следующие контексты:

— *Это ничего... не обращайтесь на меня внимания: так... приступ мигрени... мигрени...* [А.В. Амфитеатров. Отравленная совесть (1882-1893)];

— *Пустое, мой друг. Это обычный приступ моей мигрени. Ох!* [С.Т. Григорьев. Тысяча женихов и невест (1948)].

Хотя мигрень и представляется в этих отрывках как болезнь (*приступ*), но она настолько привычна, что не заслуживает беспокойства со стороны других людей. К тому же мигрень, судя по некоторым контекстам, можно вызвать и самому, когда того требуют обстоятельства:

Рассказывал он, как всегда, превосходно, со множеством колоритных деталей, но Андреев, слушая его, очень скоро увидел, что в такой обстановке не будет никакого простора для его излюбленных ночных излияний, сразу заскучал и нахмурился, стал прикладывать пальцы к вискам и, почувствовав

новый припадок мигрени, поторопился уехать к себе в Ваммельсуу... [К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940-1969)],

Такое «добровольное страдание» уже не та адская боль, которая заслуживает сострадания, она оказывается результатом скуки, безделья и чуть ли не синонимом хандры:

Например, в XIX веке среди молоденьких девушек и дам считалось модным страдать мигренью, а юноши поголовно мучались хандрой и меланхолией [Н. Пятайкина. Психология болезни (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15];

В промышленно развитых странах «литературные» обмороки и мигрени ушли в прошлое, как романы Тургенева [В. Ширяев. Будущее слезам не верит (2001) // «Известия», 2001.12.07];

По временам у Зои Сергеевны стали пошаливать нервы, вызывая мигрени и беспричинную хандру [К.М. Станюкович. «Бесшабашный» (1891)].

Мигрень в анализируемых контекстах выступает в одном ряду с хандрой, меланхолией, литературными (т.е. показными) обмороками, причем не только в тех текстах, где говорится о реалиях XIX в., когда мигрень была в моде, так же как бледность, слабость и недомогание. В том же контексте это слово может употребляться и в текстах, описывающих реальность XX в.:

Так могло продолжаться бесконечно, когда бы прозаика (меня) не начала терзать ипохондрия и мигрень [И. Охлобыстин. Жизнь Вани Охлобыстина (1997) // «Столица», 1997.03.04];

Но от этой возможности ему стало тоскливо, скучно и начались мигрени [В. Орлов. Альтист Данилов (1980)];

Неудивительно, что мигрень, воспринимаемая как следствие излишней изнеженности и безделья, приобретает в некоторых контекстах неодобрительную оценку:

Она способствует философским размышлениям о жизни, а нервы практически существуют только у малокровных, прыщеватых девиц и у дам,

страдающих недержанием слова и мигренью [М.А. Шолохов. Поднятая целина (1960)];

Мигрень, как известно, интересная болезнь — и не без причины: от бездействия кровь остается вся в средних органах, приливает к мозгу, нервная система и без того уже раздражительна от всеобщего расслабления в организме, неизбежное следствие всего этого — продолжительные головные боли и разного рода нервные расстройства; что делать? [Н.Г. Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности (1855)];

Буржуазная революция похожа на барыню, которая, получив мигрень в непроветренных апартаментах, отправилась погулять без определенной цели: стоит и не знает — свернуть ли ей влево или вправо, или идти прямо, вперед, или вообще пора возвращаться обратно [Ю.П. Анненков (Б. Темирязов). Повесть о пустяках (1934)].

В текстах начала XX в. и ранее мигрень - атрибут дам из высшего общества, их дань моде, показатель их благородной чувствительности:

Частые истерики, томные мигрени и битые горничных по щекам считала гранд-шиком [А.П. Чехов. Мои жены (1885-1886)];

Но, почему-то, она любила говорить о слабости своих нервов, о мигренях и недомоганиях [П. Карабчевский. Что глаза мои видели. В детстве (1921)];

Тот, который был постарше, был домашним врачом Грации Петровны, лечившим ее от нервов и мигреней [Там же];

Она кокетливо вытягивалась на «chaise longue», делала вид, что страдает мигренью, нюхала флакончик духов и давала целовать свою руку, когда мы, с Тосей, поочередно, расшаркивались перед нею и спрашивали о ее здоровье [Там же].

Мигрень находится в одном ряду с нервными болезнями, не настолько серьезными, чтобы вызывать опасения, но достаточными для демонстрации

томной слабости. Она имеет свой эффект на людей, окружающих больного (а чаще в этом случае больную), но воспринимается как пустяк по сравнению с другими, настоящими болезнями:

*Начались толки шепотом, аханья, кто советовал вспрыснуть водицей с уголька, кто послать за Еремевной: она, дескать, отговаривает порчу, а дохтура-то, дескать, в этом деле ничего не смыслят; оно, дескать, не то что какая-нибудь **простая болезнь господская, мигрень**, али что; нет, тут без заговору не обойдешься [А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. (1848)];*

*— Да помилуйте, если в вас нет искры человеколюбия, так вы по крайней мере сообразите, что я здесь инспектор врачебной управы, блюститель законов по медицинской части, и я-то брошу умирающую женщину для того, чтоб бежать к здоровой девушке, у которой **мигрень**, истерика илич то-нибудь такое — **домашняя сцена!** [А.И. Герцен. Кто виноват? (1841-1846)].*

Мигрень в последнем контексте – даже не болезнь (девушка здорова), а прихоть, истерика – «домашняя сцена». В более поздних текстах мигрень по-прежнему на вооружении женского пола: хотя мода на слабость и болезненность прошла, мигрень остается женской уловкой, средством привлечь к себе внимание, вызвать жалость и раскаяние, добиться своей цели, когда другие способы недействительны:

*Едва только что-нибудь было **не по ней**, входило в **противоречие с ее планами и желаниями**, как у нее **немедленно приключался сердечный приступ, или желудочный спазм, или жесточайшая мигрень** [В. Валеева. Скорая помощь (2002)];*

*Лера говорит пожилой тетке что-то нервное и резкое, и та **обижается** и через четверть часа **встает из-за стола и со страдальческим лицом, держась за виски, как будто у нее мигрень**, прощается со всеми и уходит [Ю. Трифонов. Утоление жажды (1959-1962)];*

Я боялся, что последует длительная осада, проклятия, мигрени и пересуды, однако она проявила высшее благородство, что весьма странно в ее положении и при ее воззрениях, и ответила холодным изысканным двухстрочием, заключенным в деловой конверт [Б. Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)];

Это не проявляется, конечно, ни в каких грубых формах: ни криков, ни мигреней, конечно, ни рыданий, даже, я Вам скажу, слезы-то, тихие слезы и те прекратились [Б. Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)].

Снова реализуется метафора войны (*осада*), но в этих случаях мигрень из активного нападающего (см. метафоры в п.1) превращается в средство ведения «боевых действий», оружие. Тем не менее, эта уловка, как правило, очевидна, воспринимается как мелочность и часто вызывает неприязнь, неслучайно контексты, приведенные выше, отмечены иронией. Однако стоит отметить, что мигрень в контексте военных действий не всегда выступает как нападение, она может быть и средством защиты:

Надо мною стали шутить, я отговаривалась жестокой мигренью. [А.Г. Достоевская. Воспоминания (1911-1916)].

Среди проанализированных контекстов велико количество случаев, где мигрень описывается как отговорка, извинение, оправдание, удобный предлог:

— Может, человек больной. — Мигрень — работать лень... — Может, аллергия от солнца или давление [Б. Екимов. На хуторе // «Новый Мир», 2002].

Эта поговорка часто встречается в обсуждениях в Интернете, наряду с ее расширенным вариантом: *Мигрень - работать лень, а поесть охота*, - как ответ на жалобы на несуществующую болезнь человека, не желающего работать.

На мигрень можно сослаться при любых обстоятельствах, чтобы избежать какой-то неприятной ситуации или тактично отказаться от каких-либо

предложенных или ожидаемых действий. Можно сделать это с благими намерениями или с умыслом, но в любом случае окружающим остается только гадать: «А был ли мальчик?». Ср.:

Не знаю, действительно ли ее мучила мигрень или это она просто так спасала меня [М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010];

Дашенька, сославшись на мигрень, к завтраку не вышла [М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003)];

В последний момент, сославшись на мигрень, отказалась, чтобы не омрачать Гале праздник своим присутствием [Н. Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002)];

В любом другом случае она бы не задумалась отказаться, сославшись на мигрень, но, услышав имя Жени Бариновой, сразу согласилась [И. Безладнова. Такая женщина // «Звезда», 2001];

Они так долго могли, хлебом не корми, поэтому Алла не выдержала, встала и пошла, буркнув что-то про начинающуюся мигрень, про утро вечера мудренее, не обращая внимания на недоуменно-осуждающие взгляды [Е. Шкловский. Другая (1990-1996)];

Нынче я отказалась ехать в оперу под предлогом мигрени [Б. Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)];

Предприимчивый, ловкий и крепкий Макс участвовал во всех наших играх, и потому мы удивлялись, когда в середине лета 1909-го года он что-то стал ссылаться на мигрень и общую lassitude, отказываясь кидать со мною футбольный мяч или идти купаться на реку [В.В. Набоков. Другие берега (1954)].

Хотя в современных условиях в качестве отговорки гораздо чаще встречается ссылка на головную боль (как было показано ранее, *головная боль* и *мигрень* в обыденном языковом сознании отождествляются), тем не менее, многочисленные контексты показывают, что *мигрень* еще жива в русском

языковом сознании, так как это слово продолжает употребляться и в непрофессиональных текстах XXI в. При этом все еще иногда проявляется коннотация «барской» болезни, свойственной людям из высшего общества:

- *И вообще, Сёма, у меня голова болит, наверное мигрень.*
- *Люся, не смейся меня! Мигрень - это болезнь аристократов, а у тебя элементарный утренний бодун!* [Смешные анекдоты. bibo.kz/anekdoti].

Итак, выше было проанализировано употребление слова *мигрень* в текстах, не принадлежащих специалистам медицинской сферы. Было показано, что оно активно используется не только в немедицинских текстах XIX в., когда считалось модным страдать мигренью, но и в текстах XX и начала XXI века. На основании этих текстов можно сделать вывод, что *мигрень* по-прежнему остается в русской языковой картине мира заболеванием, имеющим «свой образ», что этот образ в целом не изменился по сравнению с текстами XIX в., а также судить о том, что представляет собой мигрень для обыденного языкового сознания (о ее симптомах, причинах и даже лечении, как и коннотациях, связанных со словом *мигрень*). Языковой образ мигрени противоречив: с одной стороны, она ассоциируется с жесточайшей болью, коррелирует с семантическим полем страдания и муки, с другой – воспринимается как нечто тривиальное, привычное, пустячное. Она может быть вызвана плохими условиями (шум, отсутствие сна, еды, однообразный труд), а может быть и результатом сибаритства, безделья и скуки. Мигрень непреодолима, она сравнивается со стихийным бедствием, войной (по ощущениям больного она так же разрушительна) – в то же время ее можно симулировать, использовать в своих целях. Не всякая болезнь допускает подобное «применение», и в этом также проявляется амбивалентность ее образа, поскольку «приступ» мигрени может быть средством как защиты, так и нападения.

5.1.2. Мигрень и головная боль в русскоязычном профессиональном медицинском и непрофессиональном дискурсах

Согласно классификации типов дискурса В.И. Карасика, медицинский дискурс является одной из форм институционального дискурса, что понимается в указанной концепции как «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» и выделяется на основании двух признаков: цели и участников общения [Карасик 2000]. Поскольку конечная цель медицинского дискурса – оказание квалифицированной помощи больному, в число его участников логично включить как специалистов-медиков, так и пациентов.

Медицинский дискурс как форма общения между врачом и пациентом не раз подвергался лингвистическому изучению (см., например, работы [Бейлинсон 2001], [Барсукова 2007] и др.). Цели нашего исследования определяют сужение понятия: нас интересует медицинский дискурс как форма общения профессионалов между собой, как отражение теоретически систематизированной картины мира в противовес обыденному языковому сознанию, которое имеет дело с теми же феноменами (заболеваниями), но воспринимает их в ином свете и соответствует, по сути, языковому сознанию пациентов, если рассматривать ситуацию «врач-пациент» (но в реальности этим не ограничивается).

Сопоставление профессионального и обыденного языкового сознания проводилось нами на примере единиц *мигрень* и *головная боль*. Данные статистических исследований показывают распространенность мигрени и других головных болей среди населения, поэтому неудивительно, что эти единицы выходят за рамки собственно медицинского дискурса и становятся фактом общелитературного языка, что предоставляет возможность рассматривать их как отражающие национальную языковую картину мира. Для этой задачи были отобраны контексты, не принадлежащие к собственно медицинскому дискурсу, то есть дискурсу медицинских специалистов. С другой стороны, *мигрень* и *головная боль* рассматривались как термины, часть

медицинской терминосистемы и единицы профессиональной коммуникации, отражающей профессиональное видение и профессиональную картину мира. Для изучения **терминов** *мигрень* и *головная боль* была взята в качестве материала Международная классификация головных болей, которая имеет нормирующее значение для собственно медицинского дискурса. Специалисты обязаны следовать этой классификации в своих публикациях и научных исследованиях, именно она призвана обеспечить единство терминологии в этой области и, как следствие, исключить возможность недопонимания из-за терминологической неясности. Также в исследовании использовались медицинские статьи, посвященные мигрени и головным болям и данные специализированных словарей.

В ходе исследования выяснилось, что лексические единицы *мигрень* и *головная боль* по-разному соотносятся в быденном и профессиональном языковом сознании.

5.1.2.1. Мигрень и головная боль: прямое значение

В результате анализа языковых контекстов, было показано, что во многих случаях *мигрени* и *головная боль* в русском быденном языковом сознании отождествляются (см. п. 5.1.1). Повторим здесь некоторые примеры найденных контекстов, где это очевидно:

Отчаянные головные боли мучили меня невыносимо. У вас бывают мигрени? Вы представляете себе эту ужасную нудную боль? [Александр Беляев. Легко ли быть раком. Рассказ-фантазия // «Наука и жизнь», 2009];

Последние, воздействуя на людей, вызывают болевые ощущения, долговременную глухоту, а также приступы головной боли (мигрени) [Разработка некоторых видов несмертельного оружия в США (2004) // «Зарубежное военное обозрение», 2004.10.25];

РЕЗУЛЬТАТ: я пила для избавления от головных болей, ужасных, сильных, т.е. мигрени [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)];

Мигрень и головная боль в сознании говорящих взаимозаменяемы и являются разной формой номинации одного объекта (заболевания).

В профессиональном медицинском дискурсе мигрень и головная боль (цефалгия) не тождественны. Эти термины вступают в гипо-гиперонимические отношения. Согласно Международной классификации головных болей, на которую опираются медицинские специалисты, мигрень является лишь одной из разновидностей головной боли, т.е. мигрень – по сути головная боль, но не всякая головная боль - мигрень.

Это же положение отражается и в медицинских статьях. Так, описывая историю изучения мигрени, С.С. Павленко пишет:

Способы лечения головной боли, схожей с мигренью, находят в трудах Гиппократ, Цельса и других древних врачей [Павленко б/г.].

Употребление в приведенном примере сравнительной конструкции однозначно указывает на наличие в сознании говорящего двух отдельных объектов, хотя и имеющих общие свойства. Это является логической предпосылкой самой возможности сравнения (нельзя сравнивать бегемота и гиппопотама, такая конструкция будет бессмысленной). Головная боль, понимаемая как обобщенное наименование болезненных симптомов в голове, может оказаться мигренью, но может быть и проявлением другого нарушения, хотя частично иметь те же симптомы и признаки, что и мигрень. Иными словами, локализация боли (в голове) не является для профессионального медицинского сознания достаточным критерием для диагностирования мигрени.

В некоторых контекстах гипо-гиперонимические отношения терминов *мигрень* и *головная боль* лежат на поверхности:

В дальнейшем мигрень всё более дифференцировалась в самостоятельное, отличное от других головных болей заболевание [Павленко б/г.].

Также термин *мигрень* может заменяться синонимическим сочетанием *мигренозная головная боль*, что само по себе предполагает противопоставление - головная боль может быть мигренозной и немигренозной:

Около 60% мигренозных головных болей локализируются с одной стороны или преимущественно с одной стороны [Павленко б/г.].

Четкое разграничение *мигрени* и номинаций других головных болей обусловлено задачами медицинского дискурса: головная боль имеет разную природу, сопровождается разными симптомами и требует разных методов лечения. Этим обуславливается необходимость классифицировать клинические случаи и выделять не просто головную боль, как в обыденном языковом сознании, которое не требует дальнейших спецификаций, но дифференцировать различные типы головной боли, за которыми закрепляются свои термины. Правильно поставленный диагноз определяет успех лечения, и именно эффективная борьба с заболеванием является целью как практикующих врачей, так и клинических исследователей. Таким образом, *мигрень*, являясь разновидностью *цефалгии*, вписана в жесткую терминосистему, отражающую структуру профессионального знания. Важно, что мигрень находится в определенном отношении с другими заболеваниями. Это первичная головная боль (не вызванная другим заболеванием), которая характеризуется закрепленным набором признаков и противопоставляется другим заболеваниям, также выделяемым на основании четких критериев.

5.1.2.2. Мигрень и головная боль: переносное значение

Если термины *мигрень* и *головная боль* как единицы профессионального дискурса (в узком смысле) предполагают только использование в прямом значении, то как единицы общелитературного языка *мигрень* и *головная боль* часто используются небуквально, приобретают коннотации и переносные значения. Субъективные причины возникновения и непредсказуемость мигрени способствуют приобретению этими лексическими единицами отрицательных

коннотаций (эти недуги часто воспринимаются как отговорки). Употребление в переносном значении также несет на себе отрицательную оценку, например:

Для власти Борис Абрамович — что-то вроде мигрени, которую хочется любым способом задавить, но невозможно не замечать [Г. Сидорова. Новая маска олигарха (2003) // «Совершенно секретно», 2003.02.06].

Ср. использование словосочетания *головная боль* в переносном значении: «Зачем мне лишняя головная боль?» - говорим мы, когда не хотим проблем, забот, которых можно было бы избежать. Употребление номинации *головная боль* вместо *проблема, требующая решения* часто встречается в русской речи:

Перенос сроков и перерасход по смете — это вечная головная боль (в основном, правда, для заказчика) [И. Долгов. Как получить заказ (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.03.11];

Недогруженность построенных спортивных объектов — головная боль тех, кто непосредственно занят их эксплуатацией [С. Маслюк. Замороженные деньги // «Русский репортер», № 45 (173), 18 ноября 2010, 2010];

— *И в этом самая большая головная боль, потому что расставлять приоритеты никто не хочет* [Е. Лозовская. Наука в рамках рационального бюджета // «Наука и жизнь», 2009].

И, если учитывать, что *мигрень* в обыденном языковом сознании - головная боль, то это же значение (неприятная проблема) переносится на слово *мигрень*, т.е. срабатывают родо-видовые связи. Однако представляется, что употребление в этом значении слова *мигрень* гораздо экспрессивнее в силу меньшей распространенности такого использования, а также того, что *мигрень*, как свидетельствуют отобранные контексты, воспринимается как очень сильная боль. В приведенном выше контексте экспрессивность была бы снижена, если бы вместо мигрени автор употребил сочетание *головная боль*: *Для власти Борис Абрамович — что-то вроде головной боли, которую хочется любым способом задавить...* Вообще, *мигрень* в этом значении встречается в контекстах, когда сохраняются связи с первым значением слова (боль). Тогда имеется в виду не

болезнь как таковая, и не просто проблема, а скорее ощущения, которые испытывает человек, подверженный мигрени - нечто неприятное, назойливое, не дающее покоя, от чего хочется избавиться любой ценой. Ср. следующие контексты:

А десять лет спустя Мандельштам знал по меньшей мере одного коммуниста — Гессена, который вызывал не мигрень, а чувство признательности за усилия на благо науки [Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)];

*Но во всех, кто остался мне верен, тупая Его величавость **вызывала мигрень и блевоту** [В. Ерофеев. Благая весть (1962)],*

в которых акцент сделан именно на ощущения лиц, которым приходится иметь дело с неприятными им людьми, но нет указания на необходимость решить проблему. При этом вовсе не имеется в виду реальная мигрень как болезнь, здесь имеет место гиперболическое употребление: говорится о высокой степени неприятия и даже отвращения героев, а само слово становится средством оценки. Сходно по своим задачам и употребление слова *мигрень* в следующих отрывках:

*Между прочим, отвращение ко всему большевицкому — хотя ему очень хорошо — стало у Леонида Исааковича совсем болезненным, включительно до того, что **необходимость сидеть за столом** (в разных концах и не разговаривая) **с коммунистом** на ужине — причем этот единственный коммунист вел себя, по его же словам, весьма прилично — **вызывает у него мигрень** страшнейшую на всю ночь [Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)];*

*Но не мужа Пупсика, а сценарного мужа следователя прокуратуры, который и по роли был полным рефлексующим ничтожеством, да и по жизни у Алексея Михайловича **вызывал чуть ли не мигрень** [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].*

Вряд ли возможна синтаксическая конструкция *X - моя мигрень*, такое построение окажется стилистически маркированным, в то время как *X - моя головная боль* вполне приемлема для нейтрального употребления, что еще раз подтверждает, что в переносном значении *мигрень* и *головная боль* не полностью взаимозаменяемы. С другой стороны, был найден один контекст, где с целью избежать лексического повтора *головная боль* в значении 'неприятность, проблема' заменена на *мигрень* в абсолютно том же значении без дополнительных оттенков смысла:

Единственной же головной болью ЦСКА был центровой "Будучности" и сборной Югославии Никола Естратьевич (14 очков + 5 подборов в первой половине), на которого не удавалось найти управу ни Алексееву, ни Моргунову. Однако во втором тайме от мигрени ЦСКА избавил Мирсад Туркан, заколошмативший Естратьевича подобоими щитами отбивший у него всякую охоту до подвигов [Е. Чежегов. Беглец. ЦСКА разгромил в гостях югославскую «Будучность» (2001) // «Известия», 2001.10.26].

Также следует отметить метафорическое употребление слова *мигрень* в художественных текстах. Как было выявлено в процессе исследования, мигрень для русского языкового сознания - интенсивная головная боль и не соотносится с болью в других частях тела. Однако, в художественном дискурсе возможен перенос:

По-видимому, началась своего рода «сердечная мигрень» — чувство, которое я хорошо знал и, хотя не придавал ему особенного значения, все же нашел, что такое направление мыслей действует как любимый мотив. [А.С. Грин. Бегущая по волнам (1926)].

С медицинской точки зрения такое сочетание возможно: это тот случай, когда «пароксизмы головной боли сочетаются с приступами типа стенокардии или пароксизмальной тахикардии» [<http://doctorvic.ru>]. Но терминологическое употребление словосочетания *сердечная мигрень* отсылает к *сердцу* в его первом прямом значении – «центральный орган кровеносной системы в виде

мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости)» [Ожегов, Шведова 1999]. Однако в анализируемом контексте имеется в виду второе значение слова *сердце*, переносное – «этот орган как символ души, переживаний, чувств, настроений» [Там же]. Ср. следующий контекст:

Павлин мне и меньше нравится, чем лебедь; моя европейская, более северная душа чурается павлина, с которым ей как-то жарко; какая-то мигрень души появляется, когда видишь павлина [Ю.К. Олеша. Книга прощания (1930-1959)].

В обоих контекстах говорится о внутреннем мире человека, беспокойном, тоскливом состоянии вследствие каких-то воспоминаний, мыслей, ассоциаций – в любом случае причин не просто субъективных, но глубоко личностных.

В другом контексте говорится о коллективном чувстве, вызванном общественными потрясениями, неразберихой, смятением:

Они, на горе себе, поняли, что это «ничтожное облако, мешающее величественному рассвету», не так ничтожно; что эта историческая мигрень, это похмелье после революции не так-то скоро пройдут, и сказали это [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть восьмая (отрывки) (1865-1868)].

В отличие от предыдущих контекстов, где мигрень (также в переносном значении) – ощущение очень личное, индивидуальное, здесь мигрень характерна для всей послереволюционной эпохи.

Итак, нами было рассмотрено соотношение номинаций *мигрень* и *головная боль* в профессиональном и непрофессиональном употреблении. В непрофессиональных контекстах эти единицы синонимичны и допускают взаимную замену. В профессиональном сознании эти термины занимают разные позиции в терминосистеме: *головная боль* как родовое понятие (цефалгия) и ее отдельные разновидности (*мигрень*, *головная боль напряжения* и т.д.). В нетерминологичном употреблении *мигрень* и *головная боль*

приобретают коннотации и переносные значения, но, если их коннотации во многом совпадают, то в переносном употреблении можно увидеть различия.

5.1.3. Мигрень как консубстанциональный термин. Выводы

«Во всякой терминологии <...> непременно есть некоторое количество лексических единиц, встречающихся как в обыденной, так и в профессиональной речи, так называемые консубстанциональные термины, которые вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка» [Гринев-Гриневиц 2008, 25]. Можно рассуждать о путях появления таких единиц (терминологизация общеупотребительной лексики или заимствование термина обыденным языком), но само их существование обуславливает некоторые теоретические проблемы и несогласие лингвистов между собой в отношении сущности термина. По сути, практически каждое слово общеупотребительного языка может быть признано термином, так как оно соответствует понятию какой-либо сферы знаний, однако далеко не каждый термин может функционировать как слово обыденного языка. Если говорить точнее, в каждом конкретном случае речь может идти не об одной лексической единице, а о двух омонимичных лексемах, принадлежащих разным языковым подсистемам.

Термин существует лишь постольку, поскольку является элементом определенной терминосистемы (см., например, [Авербух 1986; 103]). *Мигрень* как термин вписана в систему номинаций головных болей. Международная классификация головных болей, которой должны следовать медики в своих статьях, определяет ее как одну из 14 разновидностей цефалгий, имеющую определенные диагностические признаки. Мигрень, в свою очередь, также имеет разновидности. Дробность классификации обусловлена задачами профессионального дискурса – важно не просто зафиксировать проблему, но точно классифицировать заболевание, поскольку от этого зависит дальнейшее лечение.

Обыденное сознание, отражением которого является общеупотребительный язык, не нуждается в подобной спецификации – для него важно указать на наличие проблемы и ее локализовать: *мигрень* – боль в голове. Анализ контекстов, не принадлежащих профессиональным медикам подтверждает, что во многих случаях для обыденного сознания понятия мигрени и головной боли совпадают:

Я-то, признаться, раньше думала, что «мигрень» — это просто научное название головной боли. Ну, то есть все, что болит выше нижней челюсти, — это мигрень [Аргументы и факты, gazeta.aif.ru/online].

Нами было проанализировано более 300 контекстов с лексемой *мигрень*, не относящихся к профессиональному медицинскому дискурсу, и показано, что для русского обыденного языкового сознания *мигрень* представляет собой головную боль. В терминологическом употреблении, а значит в профессиональном языковом сознании это не так однозначно: термин *мигрень* вступает с термином *головная боль* в гипо-гиперонимические отношения и в той же терминосистеме находится на одной ступени классификации с другими номинациями, содержащими единицу *головная боль* (*головная боль напряжения, краниальная головная боль* и т.д.). С другой стороны, анализ профессиональных медицинских текстов показывает, что в терминологическом употреблении, *мигрень* – не всегда боль в голове. Так, встречается термин *абдоминальная мигрень* (приступообразная боль в животе) и «*обезглавленная мигрень*» - мигрень без головной боли. Таким образом, хотя термин *мигрень* относится в большинстве случаев именно к головной боли, имеет смысл поставить вопрос о том, входит ли локализация боли в голове в его семантическое ядро. По всей видимости, существуют иные, более значимые для профессионального сознания признаки, на основании которых боль классифицируется как мигрень. В Энциклопедическом словаре медицинских терминов [Энциклопедический словарь... 1982 – 1984] указана *брюшная мигрень* - «разновидность дискинезии кишечника, проявляющаяся приступами

кишечной колики» (*брюшная астма*). В этом случае *астма* и *мигрень* оказываются синонимичными, в то время как в обыденном употреблении эти единицы не могут взаимозаменяться (*астма* – «приступы удушья вследствие болезни сердца или бронхов» [Словарь русского языка 1999]).

Продолжительность приступа является одним из ключевых признаков, по которым врач будет диагностировать у пациента *мигрень*: согласно Международной классификации головных болей [Международная классификация головных болей 2003; 27], к диагностическим критериям относятся:

- 1) продолжительность приступов 4 – 72 часа,
- 2) односторонняя локализация, пульсирующий характер, интенсивность боли от средней до значительной, ухудшение от обычной физической активности (по крайней мере два симптома из четырех),
- 3) сопровождается тошнотой/рвотой, фотофобией/фонофобией (по крайней мере один симптом из двух),
- 4) не связана с другими нарушениями.

Напротив, в немедицинских текстах возможной оказывается «мгновенная» мигрень:

В панике и в ярости Любаша готова была заплакать, но тут по лбу полосула и моментально исчезла мигрень, и потная слабость окутала ноги и ладони [Д. Симонова. Настройщик (2002)].

Говоря о лексическом уровне, также следует отметить наличие у слов общеупотребительного языка коннотаций, в отличие от терминов. Коннотации и языковой образ мигрени в русской непрофессиональной речи подробно рассмотрены выше.

В грамматическом отношении *мигрень*-термин и *мигрень*-слово обыденного языка также ведут себя по-разному. Синтагматически термин сочетается с относительными прилагательными (*брюшная мигрень, абдоминальная мигрень, глазная мигрень, шейная мигрень, сердечная мигрень*),

которые указывают на локализацию боли. Для *мигрени* как слова общеупотребительного языка характерны в качестве определения качественные прилагательные, характеризующие интенсивность боли (*ужасная, страшная, неносная, сильная, отчаянная, жестокая*). Случаи с некачественными прилагательными в роли определения тяготеют к метафорическому употреблению, ср.:

По-видимому, началась своего рода «сердечная мигрень» — чувство, которое я хорошо знал и, хотя не придавал ему особенного значения, все же нашел, что такое направление мыслей действует как любимый мотив. [А.С. Грин. Бегущая по волнам (1926)].

Профессиональное языковое сознание предполагает наличие различных типов мигрени. Однако для профессионального медицинского дискурса нехарактерна форма множественного числа – *мигрени* (ср. *классификация головных болей*, но *классификация мигрени*). Мигрень как слово непрофессиональной речи может употребляться в форме как единственного, так и множественного числа. Форма множественного числа при этом указывает не на разные типы мигрени (непрофессиональное сознание не классифицирует мигрень на подвиды), а на повторяющиеся приступы болезни:

Сергей Львович осторожным мизинцем тронул виски и брюзгливо обиделся на Александра как на всегдашнего виновника своих мигреней [Ю. Давыдов. Мальчики (1991)].

Значение формы единственного числа варьируется в зависимости от референции: от абстрактного названия болезни до указания на конкретный приступ заболевания.

Таким образом, консубстанциональные единицы, хотя и имеют одинаковое языковое выражение, различаются по содержанию, вступают в разные парадигматические и синтагматические отношения и по-разному функционируют в речи.

В следующем разделе мы рассмотрим глубинный уровень языкового сознания с иной точки зрения: мы проанализируем на примере компьютерной сферы то, как вербализуется в обыденном и профессиональном языковом сознании уже не отдельный феномен, а фрагмент мира, поэтому нас будут интересовать не только номинации объектов, но и те связи между объектами, устройство этого фрагмента мира, которое возникает в нашем языковом видении.

5.2. Сфера компьютера и Интернета в русском языковом сознании (на примере глаголов компьютерного интерфейса)

5.2. Сфера компьютера и Интернета в русском языковом сознании (на примере глаголов компьютерного интерфейса)

Несмотря на то, что компьютер и Интернет сравнительно недавно вошли в нашу жизнь, сейчас это уже её неотъемлемая часть. Для лингвистического изучения лексика компьютерной сферы представляет несомненный интерес. Во-первых, это новый пласт русской лексики, ещё недостаточно изученный. К тому же по мере развития компьютерных технологий (а это одна из самых перспективных и быстроразвивающихся отраслей знания) изменения происходят и в обслуживающей их лексике. Во-вторых, не совсем ясен статус этой лексики, так как она может использоваться как специалистами, так и обычными пользователями. В-третьих, существует проблема перевода, поскольку изначально лексика компьютерной сферы создаётся вместе с новым компьютерным продуктом или технологией и не на русском языке. Список нерешённых вопросов можно продолжать.

В этом разделе мы не будем концентрироваться на проблемах пополнения терминологического фонда (проблема перевода терминов, используемых специалистами в компьютерной сфере, рассматривалась нами в п. 4.2.2), а проанализируем функционирование лексики, уже закрепившейся в языке, а

именно лексики, с которой сталкивается рядовой пользователь в процессе «общения» с компьютером. Пользовательский интерфейс создается специалистами в том числе и для неспециалистов, а значит, становится полем взаимодействия обыденного и профессионального языкового сознания. В большинстве случаев это лексико-семантические кальки с английского языка, но в данном случае это для нас не столь важно. Поскольку компьютерные технологии достаточно прочно внедрились в жизнь человека и его сознание (в том числе языковое), представляется возможным рассматривать успешно функционирующую лексику этой сферы независимо от её происхождения, обращая основное внимание на её внутреннюю форму.

Интерес к внутренней форме лексемы обусловлен целью вскрыть основные метафоры рассматриваемого дискурса – структурные метафоры в терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2008]. Данная задача является частью вопроса о том, как представлена сфера компьютера и Интернета в русском языковом сознании. В своем исследовании мы отталкиваемся от выдвинутого Дж. Лакоффом и М. Джонсоном положения о метафоричности человеческого мышления и попытаемся проиллюстрировать метафорический когнитивный механизм, проанализировав семантику глаголов, используемых в пользовательском интерфейсе и ситуации «человек – компьютер».

Поскольку метафора является не только средством языковой выразительности, но и средством представления информации и инструментом познания, метафоры компьютерного интерфейса привлекают пристальное внимание не только лингвистов, но и философов, логиков, психологов, когнитивистов и самих специалистов компьютерной сферы (см., например, [Авербух и др. 2007], [Ложкина 2001], [Галкина 2004], [Johnson 1994], [Barbosa, Souza 2000], [Barr, Noble, Biddle 2005; 189 - 215]). Разработчиков компьютерного интерфейса метафора интересует, главным образом, с точки зрения удачности в целях визуализации: метафора рабочего стола, метафора

комнаты, метафора картотеки, молекулы, ландшафта ([Авербух и др. 2007], [Авербух, б/г], [Исмагилов, Шарпан 2003] и др.). Нас интересует другое. Специалисты придумывают и реализовывают метафоры для облегчения диалога между пользователем и компьютером, соответствующим образом выстраивая интерфейс и привлекая при этом лексику, поддерживающую ту или иную метафору. Пользователь эту метафору воспринимает, и в его сознании формируется языковой образ компьютера и всего, что с ним связано, не обязательно в точности совпадающий с исходной метафорой разработчиков программ.

В процессе предпринятого нами анализа глагольной лексики исследуемой сферы были выявлены следующие метафоры:

1. Компьютер – это отдельный мир.
2. Компьютер – это механизм.
3. Компьютер – это книга.
4. Компьютер – это живое существо.

Эти метафоры определенным образом организуют языковое сознание пользователей в той его части, которая касается взаимодействия с компьютером. Следующие параграфы посвящены подробному освещению этих метафор.

5.2.1. Компьютер – это отдельный мир

Словосочетанием *виртуальная реальность*, понимаемом как «реальность, отличная от действительного, материального мира, основой которой будут являться нематериальные понятия - информация, мысли и образы» [Репкин, б/г], теперь никого не удивишь. В большинстве случаев под виртуальной реальностью понимается именно реальность, создаваемая компьютером, в частности, Интернетом. «Сам Интернет - то самое виртуальное пространство, пространство чистой информации и пространство общения. Часть этой информации действительно соответствует существованию объектов в реальном мире, но часть является чисто абстрактной. Сами компьютерные технологии

являются абстрактными в принципе - многие из них предназначены лишь для того, чтобы являться основой преобразования одного вида абстрактных данных в другой. Общение в сети Интернет приводит к созданию виртуальных сообществ, которые создаются вокруг различных тематик и служат решению различных вопросов» [Там же]. Вопросы виртуальной реальности, её возможностей и её безопасности для психики человека, активно обсуждаются. Мы посмотрим, как понятие виртуальной реальности отразилось в языке.

Анализ лексики, обслуживающей компьютерную сферу, показывает, что и в языке компьютер представлен как отдельный мир со своим пространством и временем, а главное – со своими законами, где человек может быть творцом. Стоит только вспомнить, как часто на экране появляется глагол *создать*. *Создать* можно *папку, портфель, архив, ярлык, файл, документ, страницу, группу*, даже *событие* (например, в социальной сети *vkontakte.ru*) и т.д. Последнее сочетание воплощает идею Г. Маклюэна о том, что новые средства коммуникации оказывают влияние на человеческое общение (впрочем, аналогичную идею можно увидеть и в мысли В. Гюго о книгопечатании: «книга убьет здание»). Так, с появлением мобильных телефонов, одним из распространённых вопросов стал вопрос о местонахождении собеседника, который до этого был в большинстве случаев немислимым из-за стационарности телефонного аппарата. Многократно обсуждалось словосочетание «добавить в друзья», возникшее с развитием социальных сетей. Нельзя обойти молчанием тот факт, что и Интернет, как новое средство коммуникации, активно воздействует на наш язык.

В МАС [Словарь русского языка 1999] выделено 4 значения слова *создать* (здесь толкования приводятся с сокращениями):

1. Путем творческих усилий и труда дать существование чему-л., вызвать к жизни что-л. *Создать научную теорию. Создать симфонию. Создать поэму.* || Построить, возвести. *Шпитцер любил Вену как город, созданный его дедами и прадедами.* Павленко, Труженики мира.

2. Основать, организовать. *Создать армию. Создать оркестр.* ||
Образовать, сформировать. *Создать спортивные группы.*

3. Обеспечить что-л. *Слова эти запомнились женщинам свободы, они создали кривому славу человека справедливого.* М. Горький, Городок Окуров. ||
Вызвать появление чего-л., стать причиной чего-л. *Создать затруднения.*

4. Определить в основных чертах, свойствах. *Человек так создан, что для него жизнь иначе невозможна, как жизнь в обществе.* Станкевич, Письмо Я. М. Неверову, 21 сент. 1836. || (обычно в форме прич. страд. прош.). Быть предназначенным для чего-л. в силу своих особенностей, свойств. *Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги.* Гоголь, Тарас Бульба.

В компьютерном «создать» на первый план выходит прежде всего ‘дать существование чему-либо, вызвать к жизни что-либо’, так как создать можно не что-то качественно новое, а по сути всего лишь выбрать объект создания из предложенных вариантов. Элемент творческого акта, активности, таким образом, уходит на второй план, но, тем не менее, не исчезает во многом благодаря внутренней форме слова и существует на уровне коннотаций. В общем же виде это значение можно представить как «X каузирует возникновение Y в мире (реальности) Z». Под миром (реальностью) Z здесь понимается «компьютерный» мир или более узко – конкретное виртуальное пространство (папка, портфель и т.д.). Эту валентность необходимо отметить, поскольку ничего материального при нажатии кнопки «создать» в реальном мире не возникает и для перевода объекта в этот реальный мир необходимы другие команды, такие как *распечатать* и т.д.

О метафоре пространства можно говорить и в связи с достаточно многочисленными пространственными глаголами, такими как: *перейти* на другую страницу (по ссылке), *найти* (искать, поиск), *переместить*, *отправить* какой-либо объект, информация может быть *вывешена* в Интернете или *выложена* в нём. Объём работы не позволяет выписать все значения этих

глаголов, указанные в словаре, поэтому по возможности ограничимся теми, которые наиболее соответствуют их узусу в дискурсе компьютерной сферы.

НАЙТИ 1. В результате поисков обнаружить; отыскать. *У него сделали обыск и нашли деньги в необычном месте, в валенке под печкой. Чехов, Убийство. После целого дня безуспешных поисков я нашел их, наконец, - в полотняной палатке одного из медсанбатов. Б. Полевой, Братя Волковы. [Глеб] обшарил комнату, но не нашел съестного. Саянов, Небо и земля.*

Несмотря на то, что в толковании слова как таковом не указана валентность на место, приведённые примеры показывают, что искать и найти объект поисков необходимо в некоем пространстве – «у него», «в необычном месте, в валенке под печкой», в палатке, в комнате. Следовательно, употребление глагола *найти* в компьютерном дискурсе в отношении локализации не привносит в значение этого слова новых семантических элементов. В «компьютерном» мире поиски также ведутся в определённом пространстве – в сети Интернет, на странице, в документе, в самом компьютере как виртуальном пространстве. При этом поиски могут осуществляться человеком, как, например, при поиске в Интернете, когда необходимо самостоятельно просматривать предложенные страницы: *Мне удалось найти в Интернете нужный материал для доклада.* В этом случае значение слова можно представить как «X успешно завершил поиск Y в пространстве Z». По-другому будет построена схема, если глагол *найти* понимается как команда – субъектом поисков уже будет не человек X, а некая программа. Эта схема принимает следующий вид: «X каузирует выполнение программы Q с целью поиска Y в пространстве Z».

ВЫВЕСИТЬ 1. Повесить наружу, расположить в висячем положении. *Вывесить флаги. Вывесить белье. Вывесить зимнюю одежду.* **2.** Поместить, повесить для обозрения, для всеобщего сведения. *Вывесить объявление. Вывесить списки. Вывесить приказ.* □ *Когда, наконец, воспитанников института распустили на экзамены, вывесили расписание и роздали программу*

билетов — началась зубрежка. Скиталец, Кандалы.

Из двух указанных в МАС значений наиболее подходит для интересующего нас употребления второе. Значение можно определить как «X размещает информацию Y в пространстве Z». Пространственная метафора очевидна из-за внутренней формы слова – вешать можно на что-либо, висеть можно на чем-либо или где-либо. Файлы вывешиваются в Интернете (внутри виртуального пространства), на странице, стене и т.д. (на виртуальной плоскости, которая благодаря внутренней форме слова мыслится как вертикальная).

ВЫЛОЖИТЬ 1. Положить наружу, вынув откуда-л. *Выложить вещи из чемодана. □ Вспомнив, что у него документы и оружие Филипчука, Сабуров выложил все на стол.* Симонов, Дни и ночи.

2. *перен. Разг.* Высказать, сообщить всё. *[Лунев] сбивчиво говорил и двоился между желанием рассказать историю Маши и выложить перед девушкой свои мысли по поводу этой истории.* М. Горький, Трое. *Николай и слова не промолвил, пока Быков не выложил ему все свои сомнения и раздумья.* Саянов, Небо и земля.

3. *чем.* Покрыть какую-л. поверхность, укладывая что-л. на ней; выстлать. *Есть места на городских улицах, выложенные камнями.* Бунин, Суходол. *Пол выложен цветными плитками, шахматной мозаикой.* Гладков, Цемент. || Уложить по поверхности или вставить, врезать что-л. в виде узора, надписи и т. п. *На крышке ее [шкатулки] медными буквами была выложена английская надпись.* Паустовский, Жильцы старого дома. || *Устар.* Нашить на ткань для украшения. *За князем --- двигалось княжеское семейство. В кружевах и атласе, в старинной, галунами выложенной одежде выплывала --- жена князя.* Либединский, Горы и люди.

4. Сложить, соорудить из камня, кирпича и т. п. *Моя печь стояла готовая; в ней была выложена кладка из превосходного огнеупора.* М. Павлов, Воспоминания

металлурга. *Когда его зовут выложить печку, он никак не может назначить цену за работу.* Паустовский, Записки Ивана Малявина.

Из всех указанных в МАСе значений интересующему нас употреблению не соответствует ни одно. Значение совпадает со значением компьютерного «вывесить»: «X размещает информацию Y в пространстве Z», но при этом пространство мыслится не как вертикальное, а как горизонтальное.

ПЕРЕЙТИ 2. Переместиться из одного места в другое. *Перейти в другую комнату. Перейти от окна к столу.* □ [Капитан парохода] перешел на правый мостик. Катаев, Белеет парус одинокий.

ПЕРЕМЕСТИТЬ 1. Передвинуть, переставить с одного места на другое, изменить местоположение чего-л. [Реутов] приказал денщику, переместив мебель, поставить на место умывальника платяной шкаф. Кремлев, Большевики. Памятник хотели переместить поближе к новым районам. Атаров, Магистральная горка.

Эти глаголы наиболее очевидно раскрывают пространственную метафору: актанты начальной и конечной точки представляют собой не что иное, как пространственные координаты, среди которых происходит движение. О метафоре движения писал Р. Лейбов в статье «Язык рисует Интернет»: «Разные метафоры живут в разных стилях. В "высоком слогe" мы говорим что-нибудь вроде "путешествие по бескрайним просторам Интернета" (уже не помню, где я в последний раз видел эту фразу). В веб-обозрениях чаще встречается термин "бродить" (особенно любил его, конечно же, обозреватель, скрывавшийся под соответствующим псевдонимом - Сетевой Странник). В разговоре то же действие обозначается еще более сниженным глаголом - "лазать". Заметим, что все эти обозначения - метафоры движения, но конструируют они принципиально разные картины» [Лейбов б/г].

Все эти глаголы – *путешествовать, бродить, лазать* – предполагают наличие пространства, внутри которого происходит передвижение, и некой плоскости, по которой оно осуществляется.

Другими проявлениями «метафоры пространства» помимо указанных выше глаголов являются сочетания *зайти/войти в Интернет, на сайт, на форум, в почту и т.п. и выйти/уйти из Интернета, с сайта, с форума, из почты и т.п.*, а также *быть, работать и сидеть в Интернете, сидеть на форуме, в Контакте* и под.

Значение глагола *зайти* трансформировалось. Его значение идентично значению глагола *войти*. В МАС отмечены следующие значения *зайти* (приводим с сокращениями):

ЗАЙТИ 1. Идя, по пути побывать где-л., посетить кого-, что-л., навеститься к кому-л., куда-л. *Марья Константиновна остановилась около своих ворот и пригласила ее зайти посидеть.* Чехов, Дуэль. || за кем-чем. Прийти куда-л., чтобы взять с собой кого-, что-л. [*Наташа:*] *Я за часами зайду. Или, знаете что, занесите их бабушке,* Розов, Страница жизни. *Нынче в самом конце рабочего дня Маринка зашла за мной.* Шуртаков, Возвратная любовь. || во что. Войти, проникнуть куда-л. *В деревню я зашел не с того ее конца, который был обращен в сторону Глотовки, а с противоположного.* Исаковский, На Ельнинской земле.

2. Уйти далеко, в какие-л., за какие-л. пределы или, идя, попасть не туда, куда следует. *Казалось, как ясно должно было быть для Наполеона, что, зайдя за две тысячи верст и принимая с вероятною случайностью потери четверти армии, он шел на верную гибель.* Л. Толстой, Война и мир. || перен. Перейти какую-л. грань, меру. [*Ознобишин*] *ладеньким тенорком сказал Лизе — «ты». Вон куда зашло!* Федин, Необыкновенное лето.

3. Подойти к чему-л. не прямо, а со стороны, обходя. *Я зашел с другой стороны коляски и ждал своей очереди садиться.* Достоевский, Село Степанчиково

4. Идя, двигаясь, оказаться позади чего-л. или скрыться за чем-л. [*Марья Дмитриевна*] *встала и, проворно зайдя за ширмы, вывела оттуда Варвару Павловну.* Тургенев, Дворянское гнездо.

5. Опустился за горизонт, закатился (о небесных светилах).
6. Возникнуть, начаться (о разговоре, споре и т. п.). *Недавно спор зашел о дамах высшего круга.* Пушкин, Роман в письмах.

Если исключить пятое значение как абсолютно неподходящее, то можно сказать, что в целом для значений этого слова характерен элемент случайности, непреднамеренности, который, тем не менее, в словосочетании *зайти в Интернет* полностью исчезает, поскольку действие представляется как осмысленное – мы не заходим в Интернет по пути, невзначай. Единственное подходящее значение – «войти, проникнуть куда-либо». Интересно, что в наиболее подходящем толковании глагола войти тоже присутствует *проникнуть*:

ВОЙТИ́ 1. Идя, двигаясь, проникнуть куда-л., в пределы чего-л. *Войти в комнату. Войти в воду.* □ *За ночь в станицу вошли крупные силы казаков.* А. Н. Толстой, *Хмурое утро. Мы вошли в бухту, и такой же, как это утро, белый, розовый, снежный городок открылся передо мной.* Каверин, *Два капитана.* || Проникнуть вглубь, внутрь чего-л. *Заноза вошла глубоко внутрь. Лопата вошла в землю.* □ *Осколок мины вошел ему в плечо.* Николаева, *Гибель командарма.*

Итак, у пространства Z есть свои границы. Войти или зайти в Интернет – значит «X проникает в пределы пространства Z».

В отношении функционирования глагола выйти можно говорить об энантиосемии: в словосочетаниях *выйти в Интернет* и *выйти из Интернета* он употребляется в противоположных значениях. В первом случае глагол является синонимом слов *зайти* и *войти* («X проникает в пределы пространства Z»). Во втором – значение обратное: «X покидает пределы пространства Z». Оба значения не являются новыми для русского языка (рассматриваемые сочетания аналогичны словосочетаниям *выйти в сад* и *выйти из сада*) и так или иначе представлены в МАС:

ВЫЙТИ 1. Уйти откуда-л., оставить пределы чего-л. *Выйти из дому. Войска вышли из города. Выйти из машины.* || перен. Покинуть что-л., прекратить свое пребывание где-л. *Выйти из госпиталя.* □ *Я жил тогда в Петербурге — и только что вышел из университета.* Тургенев, Стук... стук... стук! [Сева:] *Ведь он же сам... тысячу раз тебе говорил, сам, сам, сам вышел из бригады.* Погодин, Цветы живые.

2. Прийти куда-л., оказаться где-л.; появиться, показаться. *Но вот она [Ермолова] вышла на сцену и начала монолог.* Юрьев, Записки. || В сочетании с некоторыми существительными означает: отправиться с какой-л. целью (обозначенной существительным). *Выйти на прогулку. Выйти на охоту. Выйти на добычу.*

Рассматриваемые сочетания в этих значениях *выйти в Интернет* и *выйти из Интернета* аналогичны словосочетаниям *выйти в сад* и *выйти из сада*. Помимо этого в словосочетании *выйти в Интернет* есть элемент значения «получить доступ к чему-либо» (близкое к этому значение содержится в сочетании *выйти на международный рынок*). Также можно добавить, что слово *выйти* не привязано к семантическому полю Интернет: оно успешно функционирует в словосочетаниях *выйти из программы, выйти из игры* и т.д.

Что касается словосочетаний *быть, работать, сидеть в Интернете*, пространственная метафора представляется в данном случае явной, поэтому нет необходимости в её комментировании. Заметим только, что эти глаголы предполагают длительное нахождение в пределах «пространства Z».

Таким образом, в языке компьютер и Интернет представлены как обособленный мир, где есть своё пространство в горизонтальном (*выложить, путешествовать, бродить*) и вертикальном (*вывесить, лазать*) измерениях, настолько большое, что в нём можно потеряться или что-либо потерять (*найти*), где есть свои границы (*выйти, войти, зайти*), свои правила (достаточно вспомнить, как часто на глаза попадает слово *зарегистрироваться*) и свои возможности (например, *купить что-нибудь*) и где, кстати, есть своя свалка -

корзина, которую необходимо время от времени очищать (глагол *очистить*). Здесь так же существует время (глагол *подождите* и все глаголы, предполагающие длительное действие). Субъектом действий в метафоре отдельного мира чаще всего выступает человек, но его статус в этом мире может быть различным. На одном полюсе стоит человек-творец, хозяин положения, агенс, осуществляющий действия или дающий команды; на другом – пациент (в инволютивных сочетаниях типа *выбросило из Сети*). Интересны наблюдения Р. Лейбова по поводу представления пространства и места в нём человека: метафора путешествия «живописует нам открытое пространство, едва ли не подобие развалившейся Империи <...> Это открытое пространство благосклонно и благоустроено. Слово "путешествие", крайне редко употребляемое в разговорной речи, настраивает на эпический лад. Так и видишь этакого респектабельного англичанина викторианской эпохи (а может быть, просвещенного русского дворянина или японца с видеокамерой), оснащенного записной книжкой и путеводителем от г-на Житинского, неспешно передвигающегося, ночующего в солидных отелях, внимательно вглядывающегося в достопримечательности и дивящегося красотам природы и искусства на бескрайних, как и было сказано, просторах. "Бродить" - не "путешествовать", странник или бродяга - совсем другой персонаж, он тащится (от Интернета) с сумой на плечах, никто нигде не ждет его. Его передвижение в пространстве лишено целенаправленности. То же открытое пространство враждебно ему, нет у него "sweet home", в который рано или поздно возвращается вышеописанный джентльмен. Путешественника вряд ли ожидают приключения. Странник должен быть к ним готов <...> Представления, заложенные в метафоре "лазанья", резко переключают метафорический регистр. Несомненно, речь здесь не идет о деревьях. Скорее, представляется нечто вроде знаменитых московских канализаций. Так или иначе, этот короткий глагол подразумевает представления о затрудненном и возможно направленном по вертикальной оси передвижении. Подобно персонажу Гиляровского или

толкиенскому Хоббиту, наш бродяга отправляется в загадочный и мрачный подземный мир <...> Наконец, наше взаимодействие с Сетью может и вовсе описываться как неподвижность. В Интернет залезают, а потом в нем сидят (я уж не говорю о другой метафоре - когда сидят на Интернете). Канализационный люк захлопнулся над твоей головой. Попалась птичка, стой, не уйдешь из Сети.

При этом интересно распределение употребления двух последних метафор: первую чаще употребляют активные пользователи, последнюю - их несчастные родственники и знакомые. "Изнутри" Интернет видится пространством, в котором можно двигаться, "извне" - как некоторый резервуар, в который бегут от жизни (вариант последней метафоры - "висеть в Интернете" - демонстрирует неслучайность образа паутины)» [Лейбов б/г].

Так как компьютерный мир отличен от реального, в нём есть свои возможности, например, обратить время. Так, удалённый файл можно *восстановить* и получить абсолютно идентичный (в реальном мире идентичность вообще наблюдается редко, а процессы удаления, стирания, как правило, необратимы). В этом мире объекты легко трансформируются – ярче всего об этом свидетельствует глагол *сохранить как*. Интерес представляют глаголы *печатать, распечатать, сохранить*: выясняется, что при печатании «в файл» никакого материального объекта не возникает, результат закрепляется только при выполнении команды *сохранить*, при этом с языковой точки зрения совершенно не ясно, где до этого существует результат работы и существует ли вообще. Также меняется значение слова *удалить*: действие оказывается неокончательным и обратимым. Зафиксированное в МАС второе значение глагола *удалить* ‘убрать, вынести, вывести и т.п. что-л. лишнее, ненужное, мешавшее’ (удалить ненужные вещи из комнаты; *Из района островов Саниантоу были удалены все японские суда*. Степанов, Порт-Артур) могло бы поддерживать метафору пространства, но применимо не во всех случаях. В удалении файла можно действительно видеть его перемещение в другое пространство в силу его ненужности в пространстве Z , в том, в котором

находится пользователь. Это файл при необходимости можно перенести обратно в пространство *Z* - *восстановить*. Однако такое толкование неприменимо в команде *удалить программу, удалить вирус* в этом случае глагол имеет значение *устранить*.

5.2.2. Компьютер – это механизм

Наряду с метафорой, представляющей компьютер как объёмный мир, внутри которого находится человек, в языке компьютер также представлен как механизм, внешний по отношению к человеку. Во многом на этой метафоре построен командный принцип «общения» человека с компьютером, когда нажимается определённая клавиша-команда и запускается нужный процесс. Например, файл можно *загрузить, скачать, архивировать, сжать*, программу *установить, настроить и запустить*, Интернет подключить *и отключить*, программное обеспечение можно *поменять*, наконец, сам компьютер можно *включить и выключить*, на нем можно *работать*, он может *сломаться* и его можно *отремонтировать* или *починить*.

Если сам компьютер действительно является сложным механизмом и вполне логично его включать и выключать, то программа, файл и даже операционная система таковыми не являются, представляя собой, по крайней мере для неспециалиста, нечто нематериальное. В то же время в языке они закреплены именно как материальные детали механизма или целый механизм (ср.: *диспетчер устройств, панель инструментов*):

УСТАНОВИТЬ 2. Поставить, поместить где-л. механизм, приспособление и т. п., налаживая, подключая к чему-л., подготавливая к использованию. *Установить турбину. Установить новую аппаратуру. Установить компьютер. Установить телефон.* □ *Бригада Первухина, выйдя на смену, быстро сняла сработанные валки на стане и установила новые.* В. Попов, *Закипела сталь.* || Привести механизм, машину в нужное положение, состояние. *Вы гораздо точнее установите ваши часы по хронометру главного штаба.* Чернышевский, *Очерки из политической экономии (по Миллю).* *Ершов с*

прицепщиком заправили баки, запустили мотор, установили плуг на нужную глубину. Овечкин, Районные будни.

НАСТРОИТЬ². Привести в состояние, нужное для работы, наладить, отрегулировать (станок, механизм и т. п.). *Настроить станки. Настроить механизмы.* □ *Голубев сел за микроскоп и долго не мог «настроить» его по своим глазам. Дягилев, Доктор Голубев.*

ЗАПУСТИТЬ 3.Разг. Привести в действие; пустить. *Запустить станок.* □ *Листопад велел запустить мотопилу, чтобы мать посмотрела, как она работает. Панова, Кружилиха. Техник и Коробочкин поворотами винта запустили мотор. Он заработал четко и сильно. Шолохов-Синявский, Волгины.*

Компьютер может *сломаться*, операционная система *полететь*. Оба глагола имеют одно значение и частотно употребляются в тех ситуациях, где речь идёт о каком-либо механизме, а также предполагают при таком употреблении физическое повреждение:

ЛОМАТЬСЯ 1. Сгибаясь, перегибаясь или ударяясь с силой, разделяться, распадаться на части, куски. *Сучья ломались, скрипели, трещали, Жалобно листья шумели кругом. Н. Некрасов, Саша. Нос ледокола въезжает на лед, и под его тяжестью ломаются и крошатся льдины. Соколов-Микитов, На белой земле. || Легко поддаваться ломке, быть ломким, хрупким. — А шпага наша потому гнется, не ломается, что калим ее до малинового цвета и закаливаем в конопляном масле. А. Н. Толстой, Петр Первый. || Приходить в негодность, портиться. Старая телега, на которой я возил навоз, давно сгнила и ломалась уже несколько раз. Э. Грин, Ветер с юга.*

ПОЛЕТЕТЬ 4. Сломаться, испортиться. *Прошлой зимой на бетонном заводе два компрессора полетели. То есть сломались. Зверев, Очкарик. Замучил этот мотор. Все время ждешь: винт ударит о камень, полетит шпонка, надо будет чинить. Шпонка летела раз восемь. Песков, Край света.*

5.2.3. Компьютер – это книга (библиотека)

Компьютер во многом занял место традиционной печатной книги. Нет больше надобности брать в библиотеке кипы книг, если в Интернете можно найти компактные электронные издания, доступ к которым можно получить, не выходя из дома. Сам Интернет представляет собой огромный архив материалов – от кратких новостных сводок до серьёзных аналитических работ.

Чем дальше, тем более верным представляется мнение, которое высказал У. Эко в своей лекции на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 года «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст» в противовес типичному взгляду на конкуренцию и смену средств коммуникации с точки зрения «Это убьёт то»: Безусловно, компьютер -- орудие для производства и переработки образов, и так же безусловно, что инструкция нам дается в образе неизбежной иконки. Но так же известно, что старые компьютеры рождались как орудие письменности. По экрану ползли слова и строки, и пользователь должен был читать. Новое поколение детей из-за компьютера научилось читать с дикой скоростью, и сейчас тинэйджер читает быстрее, чем профессор университета – вернее, профессор читает медленнее, чем тинэйджер. Тинэйджеры, если они хоть что-то на своем компьютере программируют, должны знать логические процедуры и алгоритмы и должны печатать слова и цифры, причем очень быстро. В этом смысле компьютер возвращает людей в гуттенбергову галактику, и те, кто пасутся ночами в Интернете и болтают в чатах, - они работают словами. Если телеэкран – это окно в мир, явленный в образах, то дисплей – это идеальная книга, где мир выражен в словах и разделен на страницы» [Эко 1998].

Неудивительно, что веками складывавшееся представление о книге как источнике знания переходит теперь на Интернет. В нём – те же *страницы*, которые можно *читать*, *пролистать*, есть *электронные издания*, *журналы*,

каталоги; так же, как в обычной книге, можно *использовать закладку*, но ее придется *создать*.

Метафора книги распространяется не только на Интернет, но и на весь компьютерный мир. Для создания и пополнения «библиотеки» компьютер располагает графическими и текстовыми *редакторами*. Здесь она может трансформироваться в метафору рабочего стола с документами. Любой файл мы можем *открыть/закрыть, редактировать, архивировать, просмотреть, прочитать*. Аналогична наведению порядка на письменном столе функция *упорядочить значки*.

Глагола *архивировать* (заархивировать) в MAC нет. Как бы то ни было, значение слов *архив, архивный* в русском языковом сознании связано с хранением письменных документов, следовательно, этот глагол входит в семантическое поле книги (документа). Однако в применении к компьютеру меняется значение самого слова *архив* – как и в реальном мире, архив создается для хранения информации, но хранения компактного. Архивирование становится синонимом сжатия файлов. Так, согласно «Большой компьютерной энциклопедии», архиватор – «программа, выполняющая архивирование (сжатие) файлов для того, чтобы уменьшить их размер, что позволит более компактно разместить их на носителе информации, и разархивирование (восстановление сжатых файлов в первоначальном виде)» [Большая компьютерная энциклопедия 2007; 18]. Поскольку в мире Z процессы обратимы, появляется новый глагол – *разархивировать*.

5.2.4. Компьютер – это живое существо

Компьютер может восприниматься как механизм, облегчающий работу человека, но может представлять и как живое существо, выполняющее его команды. Как живое существо, он не застрахован от болезней (как ни странно, инфекционных, для заражения которыми необходим контакт компьютеров-

существ) - в таких случаях мы говорим, что компьютер *заражён* вирусом⁷⁵, который, впрочем, можно *вылечить* (при этом при другом взгляде в аналогичной ситуации будут употребляться слова другого семантического поля – *сломаться/отремонтировать*).

О представлении компьютера как о живом существе говорит обширный класс глаголов мысли (сочетания типа *компьютер думает*). Эта метафора заложена уже в самом термине «искусственный интеллект». Объяснение такого подхода к компьютеру можно найти в словах Дж. МакКарти, который считается автором термина: «Приписывать определённые “мнения”, “знания”, “свободу воли”, “намерения”, “сознательность”, “способности” или “желания” машине или компьютерной программе – дело вполне законное, если такое приписывание выражает относительно машины ту же информацию, какую оно выражает относительно человеческой личности. Такое приписывание полезно, если оно помогает нам понять структуру машины, её прошлое или будущее поведение или же облегчает её исправление либо усовершенствование» [McCarthy 1979; 61].

В этом ключе Э. МакКормак рассматривает компьютерную метафору⁷⁶ как двунаправленную: компьютер видится как человек, а человек – как компьютер: «мозг может рассматриваться как вычислительный механизм, сходный с компьютером, а разум представляет собой ряд программ, обеспечивающих функционирование мозга» [МакКормак 1990; 367]. «Мы говорим о нейронных состояниях мозга, как если бы они были подобны внутренним состояниям компьютера; мы говорим о ментальных процессах мышления, как если бы они были алгоритмичными. Компьютеры подобны

⁷⁵ Компьютерный вирус - программа, состоящая из кодов и инструкций, которые постоянно выполняются [Большая компьютерная энциклопедия 2007; 53]. Очевидно, что источником номинации является вирус в биологическом понимании – «неклеточный организм с геномом ДНК или РНК, способный к воспроизведению только в клетках более высокоорганизованных существ» [Ривкин 2010; 36]. При этом интересно, что компьютерный вирус имеет *тело*, в отличие от вируса биологического (неклеточного организма). Следует иметь в виду, что значение лексиемы *тело* в компьютерном дискурсе (для профессионалов) изменено, ср.: тело функции, тело цикла, тело процедуры. Обыденное же сознание, прочитав на экране о «теле вируса» представит не часть кода, а нечто более материальное.

⁷⁶ Под термином *компьютерная метафора*, как правило, понимается «метафора, построенная на сравнении мозга и разума человека с компьютером» [Жеребило 2010].

разуму во многих отношениях; они могут хранить данные, запоминать их, манипулировать ими, научиться распознавать новые схемы и даже создавать новые когнитивные схемы. Мыслительная деятельность человека подобна действиям компьютеров; люди могут манипулировать цепочками символов в соответствии с правилами языка и математики» [МакКормак 1990; 367 - 368].

Компьютер, программы представлены в языковом сознании как существа сознательные, поскольку эти слова могут сочетаться с глаголами желания: *Компьютер не хочет видеть фотоаппарат* (<http://useroff.com/>); *Если ваш компьютер не хочет включаться и вместо обычного звукового сигнала выдаёт череду непонятных звуков, значит что-то не так и надо разбираться где проблема* (<http://imtera.ru>); *Что делать, если компьютер хочет загрузиться, но не может* (<http://vindavoz.ru>) и др. глаголами, предполагающими сознательные, контролируемые действия: *Сервер предоставил сертификат, выданный организацией, которую операционная система компьютера не считает надежной. Это может означать, что сервер создал свой собственный сертификат, которому Google Chrome не может доверять, или что вмешался злоумышленник* (<http://www.cyberforum.ru>); *Периодически запрашивает проверку при загрузке страницы, или совсем отказывается выполнять запрос. Ни стационарник, ни ноутбук, ни телефон не обменивались файлами последние 3 недели* (<http://virusinfo.info>). Заметим, что в примерах *компьютер не хочет включаться, компьютер не хочет загрузиться* парадоксально совмещаются метафора живого существа и метафора механизма: живое существо не включается, включается механизм, вместе с тем механизм не может желать, у него не может быть собственной воли - им управляют, а он осуществляет определенные функции.

Метафоре живого существа соответствует и глагол *ругаться*, также используемый иногда по отношению к компьютеру: *Комп ругается, что диск С забит* (<http://www.cyberforum.ru>), *Компьютер ругается на светодиодные*

габариты (<http://www.w203club.com>), *Не открывается Гугл*. **Ругается** что с моего компьютера поступают автоматические запросы (<http://virusinfo.info/>), *google chrome* и *opera* **ругаются** на автоматические запросы компьютера (<http://virusinfo.info/>), компьютер нового пользователя **ругается** (<http://www.sql.ru/forum>), Браузеры на компьютере **ругаются** на сертификат безопасности: «Сертификат безопасности сайта не является доверенным!» (<http://forum.kaspersky.com>).

Как уже отмечалось, указанные метафоры могут взаимодействовать. Рассмотрим следующий текст из «Большой компьютерной энциклопедии»:

«Антивирусная программа – компьютерная программа, предназначенная для поиска вирусов, диагностики, профилактики вирусного заражения компьютера и устранения последствия такого заражения.»

Компьютерный вирус – это программа, которая обладает способностью к саморазмножению (самостоятельному копированию), дописывая себя к коду других программ, и может выполнять на компьютере нежелательные действия. Антивирус анализирует код проверяемой программы на предмет наличия в ней нежелательного «дописанного» кода и в большей части случаев может удалить тело вируса из программы, не нарушив ее дальнейшей работоспособности. Так работает антивирусный сканер. Другой модуль, антивирусный монитор, проводит проверку «на лету», анализируя всю дисковую и сетевую активность компьютера и выявляя подозрительные файлы на носителях и процессы в памяти. Также некоторые современные антивирусы комплектуются модулем обнаружения и удаления программ-шпионов (Spyware), которые могут, например, передавать данные о владельце компьютера, отслеживать нажатия клавиш и т.д.» [Большая компьютерная энциклопедия 2007; 16].

Вирус, диагностика, профилактика, вирусное заражение, саморазмножение вируса – все это задает «медицинскую» метафору. По

данным МАС, *диагностика* – «раздел медицины, изучающий признаки болезней, методы и принципы установления диагноза»; «установление диагноза» [Словарь русского языка 1999], и именно так *диагностика* представлена в обыденном языковом сознании (существует еще техническая диагностика, но в толковых словарях это значение не отражается). *Профилактика* может относиться и к медицинской метафоре, и к метафоре механизма, т.к. слово имеет два значения: 1. «совокупность мероприятий в медицине по укреплению здоровья, предупреждению и устранению причин заболеваний» и 2. «совокупность технических мероприятий, предохраняющих что-л. от преждевременной порчи, износа и т. п. *Профилактика и ремонт автомобилей*». Метафора механизма поддерживается в анализируемом контексте также единицами *модуль* и *комплектуется*.

Поиск, как отмечалось, поддерживает метафору пространства.

Может выполнять, могут передавать, может удалить – предполагают субъект -живое существо (странно и неестественно было бы *сказать чайник может кипятить воду*). До появления компьютеров, искусственного интеллекта, *анализировать, дописывать, проводить проверку, выявлять, обнаруживать, отслеживать* могли только существа, обладающие разумом. Эта же метафора поддерживается и словом *подозрительный* – оно обладает валентностью на субъекта подозрения, существо, обладающее сознанием.

На основании предпринятого анализа компьютерной лексики можно констатировать, что на бытовом, т.е. достаточном для непрофессионального пользования компьютером, уровне русский язык успешно освоил новую область. Более того, лексический пласт языка, обслуживающий эту сферу, настолько широк, что становится возможным говорить не о единичных метафорах, а о целых системах метафор, по-разному отражающих в нашем сознании представление о компьютере и всем, что с ним связано. Это

структурные метафоры в терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, понимаемые как метафорические понятия, при которых «один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [Лакофф, Джонсон; 35].

Для организации пользовательского интерфейса были взяты слова обыденного языка и им было приписано новое значение в рамках понятийного поля. Несомненный интерес представляют семантические модификации, которые претерпела лексика обыденного языка с ее применением к компьютерной сфере. Однако внимания заслуживают не только те лексемы, которые всплывают на экране в процессе работы («общения») с компьютером, но и те лексемы, которые употребляют пользователи, когда они говорят о компьютере и обо всем, что с ним связано. Внутренняя форма рассматриваемых лексем формирует восприятие компьютера и Интернета как рядовыми пользователями, так и специалистами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая терминологию и профессиональную коммуникацию с позиций антропоцентризма, Л.Ю. Буянова считает возможным говорить о профессиональном билингвизме в сфере науки: «... корректно, с научной точки зрения, поставить вопрос о существовании билингвизма иного качественного уровня: ведь в центре гибкой функционально-коммуникативной, когнитивной системы находится Человек (ученый исследователь, интерпретирующий внеязыковую действительность, что проецируется на систему языка и речевое пространство – дискурс, текст как живую пульсирующую среду. Для реализации своих гносеологических, когнитивно-коммуникативных потенций человек науки должен владеть не одним языком (общелитературным, литературным в их общепринятом понимании, опирающихся в основном на фактор обыденного сознания), а двумя: в том числе языком науки, функционирующим по собственным законам, обладающим специфическими понтийно-концептуальными и структурно-стилистическими параметрами и закономерностями их актуализации» [Буянова 2013; 6].

Концепция нашего исследования не столь категорична и не предполагает отнесения профессиональной речи к отдельному языку той или иной области знания. Наоборот, исходной точкой рассуждений явилось представление о том, что представители разных профессий говорят на одном языке как в процессе профессиональной коммуникации (общение с коллегами, обучающий дискурс), так и вне сферы своей профессиональной деятельности. Этим языком является русский, независимо от того, что зачастую рядовому носителю языка, не знакомому с терминологией соответствующей сферы, в профессиональном тексте понятны только служебные слова и неполнозначительные глаголы. Этим языком остается русский, несмотря на иноязычные вкрапления в профессиональный текст, разный уровень речевой культуры и отношение к чистоте русского языка, заимствованиям и т.д.

В то же время, мы исходили из того, что профессиональная квалификация, профессиональная подготовка и профессиональная деятельность накладывают отпечаток на категоризацию человеком мира, отраженную в его языке. Так, студент-математик при слове *период* даже вне математического контекста говорит не о периоде времени (зафиксированном в МАС значении «промежуток времени в развитии чего-л., характеризующийся теми или иными признаками, особенностями»: *зимний период, переходный период, период цветения* и т.д.), а о *периоде* как термине, релевантном для его сферы, и рисует график. Филолог, возможно, вспомнит о *сложном синтаксическом целом*, но вряд ли о *периоде колебаний*.

Поскольку традиционные подходы к терминологии (отраслевое, историческое и т.д.) не рассматривают подобные аспекты функционирования терминов, в диссертации была предпринята попытка объяснить такие случаи с позиции языкового сознания. Такой подход позволил сделать следующие выводы.

1. Языковое сознание неоднородно: его можно рассматривать в виде сложной структуры, покрывающей как глубинные, неосознаваемые процессы мышления в языке, восприятие внеязыковой действительности посредством языка, так и более осознанные процессы выбора слова и безусловно осознанные рассуждения о языке, вплоть до метаязыковой рефлексии высокого уровня теоретической систематизированности (профессиональная лингвистика). При таком подходе различные языковые факты, изучаемые современной лингвистикой в рамках разных направлений (языковая картина мира, обыденное метаязыковое сознание и др.), можно считать материалом для исследования языкового сознания разных уровней и типов.

2. Вертикально языковое сознание можно подразделить на глубинный и поверхностный уровни. Членение на глубинный и поверхностный (метаязыковой) уровни связано с объектом языкового сознания. На глубинном уровне объектом осмысления становится окружающая действительность,

категоризуемая определенным образом в том числе посредством языка. Так или иначе, выражаемый в языке глубинный уровень свидетельствует о способе представления человеком (или определенной группой) окружающего мира. На метаязыковом уровне осмысливается сам язык (языковые средства).

3. Горизонтальное членение на типы языкового сознания основано на профессиональном признаке и базируется на теоретической систематизированности / несистематизированности знаний говорящего в той или иной сфере. Так как объектом осмысления на метаязыковом уровне является язык, профессиональным метаязыковым сознанием обладают лингвисты. Представителей других профессий целесообразно объединить как обладающих обыденным метаязыковым сознанием и проводить стратификацию по профессиональному признаку (юристы, экономисты и т.д.) уже в рамках этой группы.

4. Соотношение профессионального и обыденного типов языкового сознания на глубинном и поверхностном уровнях в рамках конкретной языковой личности индивидуально и зависит от профессиональной квалификации говорящего / слушающего. Как уже указывалось, к обладателям профессионального метаязыкового сознания отнесены лингвисты, т.е. люди, прошедшие специальную подготовку в лингвистических дисциплинах и владеющие методикой научного анализа языковых фактов. При этом рассуждения лингвистов о других сферах действительности (экономике, медицине, биологии и т.д.) и, соответственно их представления об этих областях знания должны быть признаны наивными. Таким образом, профессиональный лингвист является носителем профессионального метаязыкового сознания, но, когда речь идет о других профессиональных дискурсах (нелингвистических), на глубинном уровне его языковое сознание должно быть отнесено к обыденному типу (например, при обсуждении медицинских проблем). Исключением являются те случаи, когда говорящий / слушающий имеет несколько профессиональных квалификаций, например,

лингвистическое и экономическое образование – тогда при рассмотрении экономического дискурса языковое сознание говорящего будет отнесено к профессиональному типу на обоих уровнях.

5. Отличия обыденного и профессионального языкового сознания обусловлены различиями в обыденном и научном познании как принципиально различных видах деятельности. Сопоставление обыденного и профессионального языкового сознания целесообразно производить по уровням (на глубинном и метаязыковом), т.к. в рамках языковой личности членение может не совпадать (например, профессиональное медицинское языковое сознание на глубинном уровне, но обыденное метаязыковое).

6. Терминология представляет интерес для исследования языкового сознания по крайней мере в трех аспектах. Прежде всего, в ней находит выражение профессиональное языковое сознание на глубинном уровне, которое может быть сопоставлено с обыденным, что было продемонстрировано в работе на примере лексемы *мигрень* и некоторых других медицинских терминов. С другой стороны, терминология становится объектом метаязыковой рефлексии как обыденного, так и профессионального метаязыкового сознания, что также было показано на примере компьютерной и экономической сфер. Наконец, терминологическая деятельность представляет собой сложный процесс взаимодействия разных типов сознаний: в идеале терминосистемы должны создаваться при участии специалистов-предметников, лингвистов и логиков.

7. Современная терминологическая ситуация в различных профессиональных сферах требует нормализации с учетом:

а) особенностей отношений между субъектами терминотворчества или терминопользования внутри этих сфер и «на выходе» к наивному пользователю (для нанотехнологий и банковского дела требуется разный подход);

б) с учетом специфических требований, предъявляемых к терминологии специалистами в той или иной сфере (наши данные показывают, что

специалисты компьютерной сферы больше склонны к метаязыковой рефлексии, чем, например, банкиры; у медиков метаязыковая рефлексия более подчинена внешним профессиональным нормативам).

8) Рассмотрение терминологической лексики и омонимичной/полисемичной ей обыденной в свете профессионального и обыденного языкового сознания позволяет выявить различия в восприятии соответствующих феноменов и функционировании обозначающих их лексем в зависимости от профессиональной квалификации говорящего / слушающего. Для профессионала каждый феномен будет вписан в соответствующую систему понятий, так же как термин – в терминосистему. Для непрофессионала содержание одного понятия может пересекаться с содержанием других близких понятий. Более того, денотат обыденного слова может не совпадать с денотатом «научным», при этом неспециалист может не подозревать об этом. Так, *мигрень* имеет разные признаки для профессионального и обыденного языкового сознания. Для лингвиста, как и для любого не-медика *мигрень* представляет понятие в объеме значения слова обыденного языка. На поверхностном уровне лингвист может рассматривать «языковые свойства» *мигрени*: значение, коннотации, рассматривать как концепт, парадигматику и синтагматику и т.д.). Для врача за *мигренью* стоит понятие в рамках профессионального термина. Теоретически на поверхностном уровне он тоже может задумываться о мигрени как языковой единице, но это не будет входить в круг его профессиональной деятельности. С другой стороны, это не значит, что неспециалист не способен освоить значение термина. Пациент с хроническим заболеванием знает немало о его симптомах и способах диагностирования, но, в отличие от профессионального сознания, не владеет всей терминосистемой.

10) Рассмотрение обыденного языкового сознания на глубинном уровне позволяет выявить языковой образ фрагментов действительности в национальном языковом сознании. Так, подробный анализ контекстов с

лексемой *мигрень* показал противоречивость ее образа в русском языковом сознании. Рассмотрение компьютерной лексики, закрепленной в пользовательском интерфейсе и разговорной, позволило вскрыть структурные метафоры, за которыми также стоит видение компьютера в языковом сознании.

11) Рассмотрение обыденного метаязыкового сознания (поверхностного уровня) позволяет изучать представления о языке и отдельных словах, их функциях и функционировании. В применении к терминологии подобный анализ вскрывает реальные нужды пользователей терминологии, их ожидания и представления о том, как должна формироваться терминология. На более глубоком уровне выбор слов специалистами-предметниками (нелингвистами) позволяет поставить вопрос о необходимости обязательного разграничения терминов *терминология* и *номенклатура* в лингвистических исследованиях. Анализ употребления этих научных терминов показывает, что в реальной коммуникации нелингвистами они, как правило, не разграничиваются. С другой стороны, представляется, что в лингвистических исследованиях подобное разграничение языкового материала на номены и собственно термины может быть релевантно в зависимости от целей исследования (например, оно целесообразно в типологических исследованиях, но не является необходимым в исследованиях, занимающихся терминологической деятельностью).

Реальная терминологическая ситуация требует учета антропологического фактора. Эффективная нормализация терминологии не может быть основана исключительно на исследованиях заимствований, приставок и суффиксов, средств и способов терминообразования. Отсутствие нормирующего комитета, обладающего соответствующими полномочиями, обуславливает необходимость понять, кто в современных условиях порождает терминологию, использует и чего от нее ожидают пользователи.

Одна и та же номинация может быть термином и не термином. Но рассмотрение каждой конкретной единицы не сводится к классифицированию

ее как термина или не-термина. В языковом сознании разных людей – разный набор терминов и нетерминов.

Рамки диссертации не позволили проанализировать все возможные ситуации коммуникации различных языковых сознаний. В частности, дальнейшего исследования требует коммуникация профессионалов и непрофессионалов в сферах «пересечения интересов» и способов переключения точек зрения с профессионального языкового сознания на обыденное (например, при общении лечащего врача с пациентами). Необходимо составление списка сфер, которые предполагают не только общение специалистов между собой, но и выход вовне (общение с пациентами в медицине, клиентами в банковской сфере, обычными пользователями в компьютерной и т.д.) и составление практических рекомендаций по оптимизации коммуникаций внутри каждой отдельной сферы с учетом ее специфики, с одной стороны, и особенностей обыденного восприятия, с другой. Так, когда специалист по компьютерам спрашивает обычного пользователя, сохранены ли у него файлы, пользователь, вероятно, воспримет это как сохранение в памяти компьютера. Специалист же может иметь в виду резервное копирование на другой носитель. Недопонимание в таких случаях может приводить к крайне нежелательным последствиям. С другой стороны, заслужит внимания и вопрос о том, в какой объеме профессиональная терминология должна участвовать в учебных текстах разных уровней, в значительной степени профессиональное языковое сознание формирующих.

Литература

1. Авакова Л.Н. Структурно-семантический и функциональный анализ терминосистемы «Шахматы»: Автореф. дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2006.
2. Авербух В.Л., Байдалин А.Ю., Бахтерев М.О., Исмагилов Д.Р., Трущенко П.В. Структуры компьютерных метафор // Труды института математики и механики Уро РАН, Т. 13, № 2.
3. Авербух В.Л., Байдалин А.Ю., Исмагилов Д.Р., Казанцев А.Ю. Трёхмерные методики визуализации программного обеспечения параллельных и распределённых вычислений. URL: <http://omega.sp.susu.ac.ru>
4. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты (1986) // Татарин В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994.
5. Анатомическая номенклатура // Медицинская энциклопедия. URL: www.medical-enc.ru/m/1/anatomicheskaya-nomenklatura.shtml
6. Антонова И.С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» // Социосфера. 2010. № 4. С. 52 – 57.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
9. Арутюнова Н.Д. Введение. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. Сб. статей. М., 2000. С. 7 - 19.
10. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
12. Баранов А.Г. Проблемы стандартизации языка технической документации (на материале лексики со значением «проверка»): Автореф. дис. канд. филол. наук. Архангельск, 2006.
13. Баранчеева Е.И. Метафоризация русских глаголов обработки как интерпретационный механизм (в сопоставлении с английским языком):

Автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2007.

14. Белобородов А.А. Языковое сознание: Сущность и статус // Современная наука и закономерности ее развития. Томск, 1987. Вып. IV. С. 131 - 147.

15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

16. Березникова Р.Е. Место номенов в лексической системе языка // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994.

17. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

18. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. С. 122 – 126.

19. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 153 – 173.

20. Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 284 – 307.

21. Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание (1904) // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 96 – 117.

22. Борискина О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина, А.А. Кретов; Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук МИОН. Воронеж, 2003.

23. Брайт У. Параметры социолингвистики [Введение] // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 34—42.

24. Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы языкознания, №3.

25. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics)

// Русский язык сегодня. 1. М., 2000. С. 9—18.

26. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в лингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 146—161.

27. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

28. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. М., 2013

29. Васильев А.Д. Рефлективы в телевизионном дискурсе // Речевое общение: Специализир. вестн. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000. С. 28 - 36.

30. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402 - 421.

31. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231-291. URL: <http://www.philology.ru>.

32. Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. №6. 2000. С. 33-38.

33. Вепрева И.Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. Междунар. конф.: IV Шмелевские чтения, Москва, 23—25 февр. 2000 г. М., 2000а. С. 26 - 28.

34. Вепрева И.Т. Судьба слова в метаязыковом отражении // Вестн. Омск. ун-та. Вып. 2 (16). Омск, 2000б. С. 95—98.

35. Вепрева И.Т. Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000в. С. 42—57.

36. Вепрева И.Т. Рефлективы и их функционально-системная организация // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 194—203.

37. Вепрева И.Т. Тексты-рефлективы как источник информации об

изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. Междунар. конф.: III Шмелевские чтения, Москва, 22—24 февр. 1998 г. М., 1998. С. 16—18.

38. Вепрева И.Т. Эксплицированное отношение к слову в современной речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 88—96.

39. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005.

40. Веселов П.В. Номенклатурное название и научно-технический термин // Стандартизация, 1965, № 12.

41. Вилисова Е.В. Ассоциативный эксперимент как метод изучения языкового сознания медиков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Вып. 25. Челябинск, 2012. С. 124 – 125.

42. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5—36.

43. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского Института истории, философии и литературы. М., 1939.

44. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. М., 1989.

45. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М., 1993.

46. Выготский Л.С. Мышление и речь. 16-я тип. треста «Полиграфкнига». М., 1934. URL: <http://psychlib.ru>.

47. Галкина О.В. Метафора как инструмент познания: на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса. Дис. канд. фил. наук. Тверь, 2004.

48. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

49. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 338-348. URL: //lingvo.asu.ru.

50. Голев Н. Д. Орфографоцентризм как презумпция русского обыденного метаязыкового сознания) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008а.

51. Голев Н. Д. От редколлегии: лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 7 – 12.

52. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 9—45.

53. Голиков Л. М. Развитие терминологии уголовного права в русском языке XVIII века: Автореф. дис. канд. филол. наук. Вологда, 2008.

54. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М., 2011.

55. Горбань Л.В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: Автореф. дис. канд. филол. наук. Мурманск, 2008.

56. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993.

57. Гринев С.В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения. М., 2001.

58. Гринев С.В. Когнитивное терминоведение // Научно-техническая терминология. №1. М., 2002. С. 11 – 15.

59. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. М., 2009.

60. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008.

61. Гумбольд В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 307 – 323. URL: <http://www.philology.ru>.

62. Гумбольд В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. СПб., 1859.

63. Гумбольд В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

64. Даниленко В.П. Об основных лингвистических требованиях к стандартизуемым терминам // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М., 1971, ч.1.

65. Девянина С.Г. О метаязыковой деятельности наивных лингвистов // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 63 – 68.

66. Динамика языка и сознания: психолингвистический и когнитивный аспекты исследования: коллектив. моногр / Лукашевич Е. В. и др.; ФГБОУ ВПО "Алт. гос. ун-т", Каф. теории и практики массовых коммуникаций, Лаб. психолингвистики и когнитивистики. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012.

67. Дроздова Т.В. Типы знаний и их представление в научном дискурсе // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и формы знаний. М., 2007.

68. Дударева Я.А. (Синонимические отношения в языковом и метаязыковом сознании) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 69 – 73.

69. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 173 – 194.

70. Евстифеева М.В. Терминологическая система валютного рынка на современном этапе её развития: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2007.

71. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990.
72. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26 — 38. URL: <http://www.philology.ru>.
73. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
74. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003, № 1. С. 30 - 35.
75. Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2009.
76. Заморева А.В. Репрезентация концепта «общая оценка» в современном русском языке (системно-структурный, когнитивный и функционально-прагматический аспекты анализа): Автореф. дис. канд. филол. наук. Уфа, 2007.
77. Занегина Н.Н. Наивная/языковая картина мира и способы ее описания. URL: <http://lexrus.ru>.
78. Зарубина М.А. Стратегия толкования значений слов в обыденном языковом сознании и ассоциативно–вербальная сеть говорящего // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 74 – 81.
79. Зимовая М.В. Многозначность в терминологии: Автореф. дис. канд. филол. наук. Орел, 2011.
80. Зубкова Л.Г. Языковое и лингвистическое мышление (к характеристике вклада русской традиции в теорию языка) // Антропотекст – 1: Сборник научных статей, посвященных 60-летию проф. Н. Д. Голева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. С. 154 - 174.
81. Иванова А.Е. Языковая компетенция испытуемых в психолингвистическом эксперименте // Язык и личность. М., 1989. С. 127 – 131.
82. Иванова Л.В. Лексика театрального искусства: структурно-семантический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. канд. филол. наук. Орёл, 2008.

83. Исмагилов Д.Р., Шарпан С.В. Метафора комнаты. Примеры разработки систем компьютерной визуализации // Проблемы Теоретической и прикладной математики. Труды XXXIV Региональной Молодежной конференции. Екатеринбург, ИММ УрО РАН. 2003. Стр. 264–268.

84. Казакова Н.Ю. Общечеловеческие ценности РОДИНА / ДОМ / СЕМЬЯ – HEIMAT / HAUS / FAMILIE в языковом сознании (на материале русского и немецкого языков). Дис. канд. филол. наук. М., 2013.

85. Казакова Н.Ю. Общечеловеческая ценность РОДИНА в русском и немецком языковом сознании // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М.: ИЯз РАН, 2012. С. 70 – 81.

86. Калашникова Л.В. Введение в языкознание: курс лекций / Л.В. Калашникова. Орел: Изд-во Орел ГАУ, 2010.

87. Калентьева Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1998.

88. Канделаки Т.Л. К вопросу о номенклатурных переименованиях // Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973. С. 60 – 70.

89. Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе: Дискуссия в ИЯ РАН 07.02.1999 // Язык, сознание, коммуникация. Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог – МГУ, 1999. Вып. 8.

90. Караулов Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования / Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович; Моск. гос. лингвист. ун-т, Ведущая науч. шк. "Рус. яз. личность". М., 2009.

91. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

92. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. №4.

93. Кашкин В.Б. Научные теории и бытовые представления о языке: история и перспективы) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова.

Кемерово – Барнаул, 2008. С 28 – 41.

94. Ким Л.Г. Участие обыденного метаязыкового сознания в интерпретации речевого произведения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 322 – 329.

95. Кириллова Н.А. Метафорическое моделирование речевой ситуации: Автореф. дис. канд. филол. наук. Самара, 2008.

96. Киселева М.П. Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики: дис. ... канд. философских наук: Ростов-на-Дону, 2009.

97. Кобелева Г.Ю. Концепты здоровье и болезнь в отражении русских пословиц и религиозных текстов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 6. 2009. С. 169 – 187.

98. Когнитивные исследования языка. Вып. 8. Проблемы языкового сознания: материалы Междунар. науч. конф., 15-17 сент. 2011 г. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов М.: Ин-т языкознания РАН, 2011.

99. Кормилицына М. А. Антропоцентризм разговорного текста // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998. С. 80—86.

100. Кормилицына М.А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. Междунар. конф.: IV Шмелевские чтения, 23—25 февр. 2000 г. М., 2000а. С. 89—91.

101. Кормилицына М.А. Рефлективы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации, Саратов, 2000б. С. 20—24.

102. Кормилицына М.А., Ерастова И.А. Коммуникативно-прагматические функции средств речевой рефлексии в общении // Предложение и слово: Парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Саратов, 2000. С. 252—257.

103. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные

национальных менталитетов. М., 2003.

104. Коряковцев А.В. Экспликация обыденного сознания в СМИ// Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 260 – 264.

105. Косова М.В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики: Автореф. дис. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004

106. Костомаров В.Г., Шварцкопф Б. С. Об изучении отношения говорящих к языку // Вопросы культуры речи. М., 1966. № 7. С. 23 - 36.

107. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.

108. Краев С.В. Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование: Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

109. Крюкова Е.И. Языковое сознание личности в культуре перевода. / Е.И. Крюкова, И.И. Голубых, А.К. Голубых; Рост. гос. пед. ун-т Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2004.

110. Крюкова Е.И. Языковое сознание личности. Юж. федер. ун-т, Пед.ин-т. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2007.

111. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний / Сб. научно-аналитических обзоров / Отв. ред. Ф.М. Березин. М.: ИНИОН, 1992. С. 4 - 38.

112. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 141 – 172.

113. Кузнецова Т.Ю. Толкование значения говорящими как объект обыденной металингвистики // Обыденное метаязыковое сознание и наивная

лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 100 – 104.

114. Кузьмин Н.П. К вопросу о сущности термина // Вестник ЛГУ. Л., 1962, №20, вып.4. С. 136 – 146.

115. Кузьмина Т. А. Философия и обыденное сознание // Философия и ценностные формы сознания. М., 1978. С. 191—243.

116. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

117. Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть века. М.-Л.: Наука, 1966.

118. Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в. М.-Л.: Наука, 1964.

119. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2008.

120. Лаухина С.С. Омонимия фразеологизмов и терминологических словосочетаний в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Челябинск, 2006.

121. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 56—71.

122. Лебедева Н.Б. Метаязыковое сознание участников Интернет-коммуникации (общезыковые аспекты) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 264 – 275.

123. Лебедева Н.Б. Структура языкового сознания и место в ней метаязыкового компонента // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2009.

124. Лейбов Р. Язык рисует Интернет // Internet №4. URL: <http://www.gagin.ru>.

125. Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. 1990. №3.
126. Лейчик В.М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания, № 5. М., 1986.
127. Лейчик В.М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1974.
128. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2007.
129. Леонова А.В. Научные и обыденные представления о действии // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 104 – 112.
130. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
131. Литвинов Ю.В. Об иностранных заимствованиях в русском языке.
132. Ложкина Е.Р. Социально-психологические аспекты междисциплинарного подхода к проектированию современного компьютерного интерфейса. Дис. канд. псих. наук. Ярославль, 2001.
133. Лотте Д.С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических теримнов. М.-Л.: Из-во АН СССР, 1941
134. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М., 1961.
135. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
136. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень, 1999.
137. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24 – 34.
138. Ляпон М.В. «Грамматика самооценки» // Русский язык: Проблемы

грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992. С. 75—89.

139. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. С. 260—276.

140. Ляпон М.В. Картина мира: языковое видение интроверта // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. Междунар. конф.: III Шмелевские чтения, 22—24 февраля 1998 г. М., 1998. С. 66—68.

141. Макавчик В.О. Семантика грамматических категорий в обыденном языковом сознании носителей языка: пути выявления с помощью рефлексий языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С 112 – 117.

142. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутновой. М., 1990. С. 358 – 387.

143. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова, М., 2007.

144. Марчук Ю.Н. Основы терминографии. М.: ЦИИ МГУ, 1992.

145. Маслова Н.Н. Структурно-семантический анализ и системность составных терминов кардиологии и пульмонологии (наименования болезней и патологических процессов): Автореф. дис. канд. филол. наук. Спб., 2007.

146. Международная классификация головных болей (пер. В.В. Осиповой, Т.Г. Вознесенской), 2003. URL: www.paininfo.ru

147. Мельников Г.П. Основы терминоведения. М., 1991.

148. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Попыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

149. Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.

150. Мыскин С.В. Профессиональное сознание: языковое и неязыковое // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013, № 12 (30). Ч. 2. С. 135 – 140.
151. Некора Н.Е. Лингвокультурологический аспект концепта "болезнь" и его учет в обучении русскому языку американских студентов: дисс. канд. пед. наук. СПб., 2008.
152. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1993.
153. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989. С. 34 – 40.
154. Новодранова В.Ф. Соотношение обыденного и научного знания в профессиональной коммуникации // Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2008. С. 635 – 637.
155. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
156. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллектив. моногр.: Ч. 1 / Н.Д. Голев и др.; Кемер. гос. ун-т, Каф. рус. яз. Кемерово: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009.
157. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллектив. моногр.: Ч. 2 / Черняков А.Н. и др.; Кемер. гос. ун-т, Каф. рус. яз. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009.
158. Ольшанский О.Е. Заметки о лексических кальках с опрошенной морфологической структурой в современном русском литературном языке // Этимологические исследования по русскому языку, вып. VIII, изд-во МГУ, 1976.
159. Осипов Б.И. Речевое мошенничество — вид уголовного преступления? // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 207—212.
160. Отрубейникова И.С. Лингвистические критерии разграничения научных текстов и текстов наивной науки // Обыденное метаязыковое сознание

и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 335 – 338.

161. Павленко С.С. Диагноз и лечение мигрени. URL: <http://www.painrussia.ru/publication/migren>.

162. Панов М.В. Об одном из возможных описаний фонологической системы русского языка // Теоретическая фонетика и обучение произношению. М., 1975.

163. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960

164. Полиниченко Д.Ю. Наивная лингвистика и фольк-лингвистика // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 41 – 45.

165. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8 – 69.

166. Потебня А.А. Мысль и язык // Язык и миф. М., 1989.

167. Прибытова Л.В. Специфика профессионального языкового сознания (на материале профессионального языка шахтеров Кемеровской области) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 407 – 410.

168. Прогностика. Терминология, вып. 92. М., 1978.

169. Прохоров Ю.Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 8. М., 1999.

170. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранце. М.: URSS, 2008

171. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.

172. Прохорова В.Н. Лексико-семантическое образование русской терминологии: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1983.
173. Прохорова В.Н. О понятиях *сужение значения* и *расширение значения* применительно к общелитературной и терминологической лексике// Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. М., 2000.
174. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996.
175. Пустовит Е.В. Метаязыковой потенциал Интернет–коммуникации // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 276 - 282
176. Раевская М.М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI-XVII вв.) / М.М. Раевская; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Фак. иностр. яз. и регионоведения. М.: URSS, 2006.
177. Резниченко Л.Ю. Диминутивность в обыденном и научном языковом сознании // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 136 – 141.
178. Репкин Д. Виртуальная реальность // <http://www.virtual.ru>.
179. Реформатский А.А. О некоторых вопросах терминологии (1974) // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994
180. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка// Проблемы структурной лингвистики 1967. М., 1968.
181. Реформатский А.А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М., 1964
182. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М., 1959.
183. Решке Н.А. Концепт «хлеб / bread» в языковом сознании

представителей русских, английских и американских лингвокультурных общностей. URL: <http://dom-hors.ru/issue/fik/2012-2/reshke.pdf>.

184. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М, 1990. С. 416 – 435.

185. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

186. Ромашко С.А. Культура, структура коммуникации и языковое сознание // Язык и культура: Сборник обзоров. М., 1987

187. Ростова А.Н. Взгляд на язык: научная и обыденная модель // Вест. Кемеровского гос. ун-та. Вып. 3 (15). Кемерово, 2003. С. 113 – 116.

188. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Дис. ... д. филол. наук. Томск, 2000.

189. Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения. // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С 45 - 53

190. Ростова А.Н., Чабаненко М.Г. Метаязыковое сознание участника молодёжной коммуникации // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 197 – 201.

191. Русакова Е.Б. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование: Автореф. дис. канд. филол. наук. Калининград, 2007.

192. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.

193. Сабурова Н.А. Лексическая семантика: Тексты лекций. Хабаровск, б/г. URL: <http://www.pandia.ru>.

194. Сарамотина Л.К. Языковое и когнитивное сознание: к соотношению понятий // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика:

Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 410 – 413.

195. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 259 – 265.

196. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 87 – 107.

197. Серебренников Б.А. Язык отражает действительность или отражает её знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 70 – 86.

198. Сёрль Дж. Метафора // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М, 1990. С. 307 – 342.

199. Сидорова М. Ю. Договор потребительского кредита: излагаем условия доступным языком. Презентация, 2011.

200. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н., Стрельникова Н.А. Обыденное метаязыковое сознание в Интернете // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово - Барнаул, 2009.

201. Слышкин Г.Г. Аксиология языковой личности и сфера наивной лингвистики // Социальная власть языка: Сб. науч. тр. Воронеж, 2001. С. 87 – 90.

202. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. Спб., 1993.

203. Соколова С.К. Полимотивация как метаязыковая деятельность // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 357 – 361.

204. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

205. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. М., 1985.

206. Степин В.С. Наука // Словарь философских терминов. URL: <http://www.philosophi-terms.ru>.
207. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Москва – Воронеж, 2002. С. 44 – 51. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm>.
208. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М., 1989.
209. Суперанская А.В. Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976
210. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24 – 33.
211. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. №2. С. 35 – 47.
212. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 173 – 204.
213. Телятникова И.В. Семантика, деривация и функционирование номинаций терминосферы «Психология развития»: Автореф. дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
214. Терминология // www.krugosvet.ru.
215. Титова М.В. Лексика пчеловодства на Алтае: комплексное исследование: Автореф. дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
216. Труфанова Н.О. Наименования лиц финансово-экономической сферы в специальных словарях и речевой практике.
217. Туленинова Л. В. Концепты "здоровье" и "болезнь" в английской и русской лингвокультурах: дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
218. Тульвисте Т. О структуре и функциях метаязыкового сознания // Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и

теории коммуникации. М., 1988. С. 179—180.

219. Уилрайт Ф. Метафора и реальность// Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М, 1990. С. 82 – 110.

220. Уланович О.И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2010. № 1(9). С. 44-51. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/ulanovich-10.htm>.

221. Уорф Б.Л. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Зарубежная лингвистика. Вып. 1. М., 1999. С. 92 – 106. URL: <http://philosophy.ru/library/whorf/02.html>.

222. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 108 – 140.

223. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. / Н. В. Уфимцева; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М., 2011.

224. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 13 – 24.

225. Федченко А.В. Языковое сознание русских и американских подростков: (этнокультур.аспект) / А. Федченко; Рос.акад.наук, Ин-т языкознания. М.: Флинта, 2006.

226. Фесенко Т.А. Языковое сознание в интраэтнической среде: Учеб. пособие к спецкурсу / Т.А. Фесенко; Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999.

227. Филиппович Ю.Н. Исследование метафор информационных технологий// Языковое сознание и образ мира. Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000 // www.iling-ran.ru

228. Флекенштейн К. О некоторых теоретических проблемах

калькирования // Этимологические исследования по русскому языку, вып. V, М., 1966.

229. Харченко В.Е. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. URL: //www.iling-ran.ru

230. Хаютин А.Д. Термин, терминология, номенклатура // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994.

231. Хлебда В. Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании // Русистика. СПб, 1999. С. 62—67.

232. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972.

233. Чернейко Л.О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика: доклады XI международной конференции. Т. 1. М., 2009. С. 162—175.

234. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: УРСС. М., 2010.

235. Чернейко Л.О. Метафизика и поэтика в научном идиолекте. Филологические науки, № 3, 2009. С. 15-25.

236. Чернейко Л.О. «Ненаучная метаречь» современной когнитивной лингвистики // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. Сборник статей, посвященный 35-летию кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета. В 2-х т. - Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 151-165.

237. Чернейко Л.О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий // Лингвистическая полифония. Сборник в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой. М., 2007. С. 150-183.

238. Чернейко Л.О. Семантическая деривация на службе у поэтической функции языка // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения:

сб. докладов / Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова РАН. М.: Флинта: Наука, 2012. 424 - 439.

239. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурол. описание / Н.Л. Чулкина. М.: URSS, 2007.

240. Чурилов И.И. Философский диспут с обыденным сознанием в афоризмах: Афоризмы новой школы. Пермь, 2000.

241. Чурсина Л.Н., Чурсин О.В. Прескриптивный подход к изучению термина // Университетские чтения 2006. Симпозиум I. Сек. № 1 – 20. Актуальные проблемы языкознания и литературоведения.

242. Шаймиев В.А. Об иллокутивных функциях метатекста, или Перечитывая А. Вежбицку...: (На материале лингвистических текстов) // Русистика. СПб, 1999. С. 68—76.

243. Шанский Н.М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке Русский язык в школе, 1955, №3.

244. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925.

245. Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.С. 277—304.

246. Шварцкопф Б.С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи [Гл. 16] // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 415 - 424.

247. Шварцкопф Б.С. Оценки говорящими фактов речи: Автореф. дис. .канд. филол. наук. М., 1971.

248. Шварцкопф Б.С. Оценки речи как объект лексикографирования // Словарные категории. М., 1988. С. 182 - 186.

249. Шелов С.Д. Об одном классе научно-технической лексики (три подхода к выделению номенклатурных наименований)// Научно-техническая информация. Сер.2. 1985. №3. С. 1-7.

250. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М., 2002.
251. Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999. С. 108 - 110.
252. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
253. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.
254. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Пг., 1923. Вып. 2.
255. Шпильная Н.Н. Метаязыковой аспект картины мира рядового носителя русского языка // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 372 – 380.
256. Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте. Автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2011.
257. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: Флинта, Наука, 2011.
258. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст (лекция Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998). URL: <http://philosophy.ru/library/eco/internet.html>.
259. Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. М., 2000.
260. Языковое сознание: парадигмы исследования. Сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Ин-т психологии; под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М., 2007.
261. Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Ин-т психологии; под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.: Эйдос, 2009.
262. Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. науч. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М., 1998.
263. Язык. Сознание. Культура. Сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т

языкознания, Ин-т психологии; под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М., 2005.

264. Язык-сознание-культура-социум. Сб. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. памяти проф. И. Н. Горелова / Ин-т языкознания Рос. акад. наук, ГОУ ВПО Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, Ин-т филологии и журналистики. Саратов: Наука, 2008.

265. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>.

266. Barbosa S.D.J., de Souza C.S. Extending software through metaphors and metonymies // Proceedings of the 5th international conference on Intelligent user interfaces. January 09-12, 2000, New Orleans, Louisiana, United States. Pp. 13-20.

267. Barr P., Noble J., Biddle R. A Semiotic Model of User–Interface Metaphor // “Virtual, Distributed and Flexible Organisations”. Publisher Springer Netherlands. 2005. Pp. 189–215.

268. Charon R. Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness New York, 2006.

269. Chomsky N. (1968) Language and Mind. New York: Harcourt Brace.

270. Chomsky N. (1993) Language and Thought. Wakefield, RI: Moyer Bell, 1993.

271. Craith M. (2001) Politicised linguistic consciousness: the case of Ulster-Scots. Nations and Nationalism. Vol. 7. Issue 1. Pp. 21 – 37.

272. Finbow T. The Effects of Writing on the Linguistic Consciousness in the Medieval Romania // XXXII Romance Linguistics Seminar Abstracts. Cambridge, 2004.

273. Giltrow J. (2003) Legends of the Center: System, Self and Linguistic Consciousness. In: http://wac.colostate.edu/books/selves_societies/giltrow/giltrow.pdf.

274. Hinge G. (2007) Linguistic consciousness in Erasmus Desiderius' *De conscribendis epistolis* and *De recta Latini Graecique sermonis pronuntiatione*: Paper held at the conference *Texts and Contexts IV: The Role of Latin in Early Modern Europe*, Sandbjerg Estate, University of Aarhus, 17-20 May 2007. URL: <http://lingu.glossa.dk/erasm.html>
275. Itkonen E. (2008) Concerning the Role of Consciousness in Linguistics. *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 15. №6 (2008).
276. Johnson G.J. Of Metaphor and the Diffiulty of Computer Discourse // *Communication of the ACM*. Vol. 37, No 12 (December 1994). Pp. 97–102.
277. Keosidi G.K. Cat Colours Perception in Russian Linguistic Consciousness. URL: http://www.rusnauka.com/22_PNR_2012/Philologia/7_115297.doc.htm
278. Manfredi V. (1991) *Ágbò & Éhugbò: Ìgbo linguistic consciousness, its origins & limits*: PhD thesis, Harvard University
279. McCarthy J. Ascribing mental qualities to machines // *Philosophical Perspectives in Artificial Intelligence*. Ed. by M. Ringle. New York, 1979.
280. Mehl-Madrona L. *Narrative Medicine: The Use of History and Story in the Healing Process*. Rochester, Vermont, 2007.
281. Oakes L. (2001) *Language and National Identity: Comparing France and Sweden*.
282. Pramling N., Pramling Samuelsson I. (2013) *Language Play: The development of linguistic consciousness and Creative Speech in Early Childhood education*. URL: http://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-94-007-6579-5_8#page-2.
283. Stepanova Y. V. Linguistic Personality and the aspects of its Analysis // *Tyumen State University Herald*, 2012, Issue 1. P. 170 – 176.
284. Uljas S. (2013) Linguistic consciousness. In: *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, Los-Angeles. URL: <http://escholarship.org/uc/item/0rb1k58f#page-1>.

285. Vocate D.R. Consciousness and Linguistic Competency: Making Interdisciplinary Choices. In: Issues in Integrative Studies. №9, 1991. P. 35 - 48.
286. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific configurations. N.Y., 1992.
287. Wierzbicka A. Understanding cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese. Oxford University Press, 1997.
288. Woolard K.A. (2007) Linguistic consciousness among Adolescents in Catalonia: a Case Study from the Barcelona Urban Area in Longitudinal Perspective. URL: http://www.romanistik.uni-freiburg.de/pusch/zfk/22/09_Woolard.pdf.

Словари:

289. Англо-русский медицинский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Г. Чучалин, науч. ред. Э.Г. Улумбеков, О.К. Поздеев. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003.
290. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
291. Большая компьютерная энциклопедия. М.: Эксмо, 2007.
292. Большая экономическая энциклопедия: более 7000 экон. терминов и понятий / Т. П. Варламова и др. М.: Эксмо, 2007.
293. Большой англо-русский экономический словарь: ок.18 000 слов / сост. С.С. Иванов, Д.Ю. Кочетков. М.: Центрполиграф, 2007.
294. Большой экономический словарь: 26500 терминов / А.Н.Азрилиян и др.; под ред. А.Н. Азрилияна М.: Ин-т новой экономики, 2008.
295. Борисов А.Б. Большой экономический словарь / Авт.и сост. А.Б. Борисов. М.: Кн. мир, 2004.
296. Жданова И.Ф. Новый англо-русский экономический словарь. М.: Дрофа, 2010.
297. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010.

298. Колисниченко Д.Н. Англо-русский толковый словарь компьютерных терминов. Спб.: Наука и Техника, 2009.
299. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С, Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. и др. М., 1996.
300. Настольный англо-русский словарь компьютерных терминов / Ре-сост. Н.В. Поволоцкая. М.: Издательство «Святитель», 2008.
301. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь справочник. Орловский гос. ун-т, 2010. URL: <http://gtmarket.ru>.
302. Новейший медицинский энциклопедический словарь / Аветисов С.Э. и др.; под. ред. В.И. Бородулина; сост.: В.И. Бородулин, А.В. Тополянский. М.: Эксмо, 2009.
303. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
304. Пивовар, А. Г. Большой англо-русский финансово-экономический словарь: Ок.80 000 слов и выражений / А.Г.Пивовар; Под ред.В.И.Осипова М. : Экзамен, 2000.
305. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2008.
306. Ривкин В.Л., Луцевич О.Э., Хасаншин Е.А. Англо-русский толковый медицинский словарь, М. : ИД «МЕДПРАКТИКА –М», 2012
307. Ривкин. В. Л. Медицинский толковый словарь. М. : ИД «МЕДПРАКТИКА –М», 2010.
308. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. М.: ИНФРА-М, 2011.
309. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru>.

310. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991: Вып. 1 - 6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992—... Вып. 7—... . URL: <http://feb-web.ru>.
311. Современный англо-русский словарь компьютерных и телекоммуникационных терминов / Ред.-сост. В.А. Ников. М.: Астрейя, 2005.
312. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>.
313. Факов В.Я. Большой финансовый словарь. М, 2010.
314. Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991.
315. Экономический словарь / Авт.-сост. А.Ф. Никитин М.: Олма-Пресс Образование, 2006.
316. Энциклопедический медицинский словарь. М.: РИПОЛ классик, 2011.
317. Энциклопедический словарь медицинских терминов в 3-х т. / Гл. ред. Б.В. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1982 - 1984. URL: www.rubricon.com.
318. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. 2007.

Приложение 1

Триггер

Наличие в словарях

а) электронных:

1) Современный экономический словарь [URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/economic/article>]:

ТРИГГЕР — 1) точка выдачи заказа в системе управления запасами; 2) условие кредитного соглашения, при невыполнении которого автоматически наступают определенные последствия, например, требование досрочного погашения кредита, прекращение кредитования.

2) Словарь по экономике и финансам. Глоссарий.ру [URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/glossary/article>]:

Триггер - условие договора, невыполнение которого автоматически влечет определенные санкции.

б) печатных:

«Новая экономическая энциклопедия» Е.Е. Румянцевой, 2011 [Румянцева 2011]	термин не представлен
«Новый англо-русский экономический словарь» И.Ф. Ждановой, 2010 [Жданова 2010]	trigger – «условие соглашения, невыполнение которого влечет за собой определенные действия».
«Большой экономический словарь» под ред. А.Н. Азрилияна, 2008 [Большой экономический словарь 2008]	”триггер” – «условие соглашения, невыполнение которого автоматически влечет определенные действия (в том числе требование досрочного погашения кредитов)».
«Большой англо-русский экономический словарь» под ред. С.С. Иванова, Д.Ю. Кочеткова, 2007 [Большой англо-русский экономический словарь 2007]	trigger – «1) точка подачи заказа (в системе управления запасами); 2) условие соглашения (напр., кредитного), невыполнение которого влечет последствия»

<p>«Большая экономическая энциклопедия», 2007 [Большая экономическая энциклопедия 2007]</p>	<p>Триггер – «точка пересечения топографической и временной координат компьютерной системы, отвечающей за логистику, точка выдачи заказа в системе управления запасами на предприятии».</p> <p>Отдельная статья: ТРИГГЕР КРЕДИТНЫЙ – «условие договора о кредите, в случае реализации которого сразу автоматически наступают определенные последствия (в частности, санкции в виде требования досточного погашения кредита)».</p>
<p>«Современный экономический словарь» под ред. Б.А. Райзберг, 2006 [Райзберг 2006]</p>	<p>Триггер – «1) точка выдачи заказа в системе управления запасами; 2) условие кредитного соглашения, при невыполнении которого автоматически наступают определенные последствия, например, требование досрочного погашения кредита, прекращение кредитования».</p>
<p>«Экономический словарь» А.Ф. Никитина, 2006 [Экономический словарь 2006]</p>	<p>термин не представлен</p>
<p>«Большой экономический словарь» А.Б. Борисова, 2004 [Борисов 2004]</p>	<p>триггер – «1) точка выдачи заказа в системе управления запасами; 2) условие кредитного соглашения, при котором автоматически могут проявляться неожиданные последствия, например, требование досрочного погашения кредита».</p>
<p>«Большой англо-русский финансово-экономический словарь» А.Г. Пивовара, 2000 [Пивовар 2000]</p>	<p>trigger – «1. точка подачи заказа (в системе управления запасами) 2. условие соглашения (напр., кредитного), невыполнение которого влечет за собой определенные последствия».</p>

Употребление, наличие графических вариантов

В материалах yandex.ru употребление термина в указанных в словарях значениях не найдено. Используется в основном в сфере электроники.

Сочетаемость

«триггер-цена, триггерная цена (эк. "триггер-цена", "триггерная [пусковая, инициирующая] цена") – цена, при которой автоматически наступают какие-л. последствия или возникает право; напр., в 1970-х гг. в США для защиты отечественной промышленности была установлена минимальная цена на ввозимую из-за рубежа сталелитейную продукцию, и ввоз по цене ниже этого минимума автоматически приводил к взиманию дополнительной таможенной пошлины для искусственного завышения цены до требуемого уровня; в биржевой торговле в качестве такой цены выступает указанный в приказе минимум или максимум цены, при достижении которого брокер обязан исполнить приказ» [Толковый англо-русский словарь "Международная экономика и таможенное дело", URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/dict>].

Asset-stripper

Наличие в словарях

- а) В русскоязычных онлайн словарях термин не найден.
- б) В печатных словарях и энциклопедиях:

«Новая экономическая энциклопедия» Е.Е. Румянцевой, 2011 [Румянцева 2011]	термин не представлен
«Новый англо-русский экономический словарь» И.Ф. Ждановой, 2010 [Жданова 2010]	asset-stripping – «поглощение обанкротившегося предприятия путем скупки его активов по более низкой цене с целью последующей прибыльной продажи».
«Большой экономический словарь» под ред. А.Н. Азрилияна, 2008 [Большой экономический словарь 2008]	термин не представлен
«Большой англо-русский экономический словарь» под ред. С.С. Иванова, Д.Ю. Кочеткова, 2007	термин не представлен

[Большой англо-русский экономический словарь 2007]	
«Большая экономическая энциклопедия», 2007 [Большая экономическая энциклопедия 2007]	термин не представлен
«Современный экономический словарь» под ред. Б.А. Райзберг, 2006 [Райзберг 2006]	термин не представлен
«Экономический словарь» А.Ф. Никитина, 2006 [Экономический словарь 2006]	термин не представлен
«Большой экономический словарь» А.Б. Борисова, 2004 [Борисов 2004]	«освобождение от активов (сленг.) – практика поглощения компании, акции которой котируются ниже ее активов; такая схема последнее время осуждается инвесторами, ибо владелец, получивший контрольный пакет акций, может его перепродать или совсем ликвидировать, не считаясь с интересами других акционеров, персонала и кредиторов, в ущерб им, что приводит к необоснованным банкротствам и дестабилизирует рынок»
«Большой англо-русский финансово-экономический словарь» А.Г. Пивовара, 2000 [Пивовар 2000]	asset stripping - «освобождение от активов» (поглощение компании, акции которой котируются ниже стоимости активов, с последующей распродажей наиболее ценных активов»

Употребление, наличие графических вариантов

В материалах Yandex.ru фигурирует только запись латиницей – asset-stripper.

Возможные варианты перевода:

Варианты предложены на форуме [URL: <http://forum.lingvo.ru>]:

- 1) Может быть скупщик?
- 2) Буквально: Транжира, расточитель ресурсов, прожигатель

Устоявшееся: «акула бизнеса- безжалостный продавец фондов с целью наживы».

3) - А как вы думаете, может ли быть одним из вариантов перевода словосочетание "биржевой спекулянт"?

- Так все, что сказано -- это как раз о нем!

- Биржевой спекулянт, как мне думается, по определению просто спекулирует на бирже, то есть покупает акции дешевле, продает акции дороже. То, что выше называлось asset-stripper, необходимо включает покупку акций для установления контроля, но получение прибыли не связано просто с продажей, когда они (акции) подорожают, а подразумевает некую созидательно-разрушительную деятельность. Разве нет?

4) Из Банковского словаря Федорова: Asset stripping - поглощение компании, чьи акции на рынке котируются ниже стоимости активов: активы, не приносящие прибыли, распродают, а остальная часть компании начинает действовать под новым руководством (буквально: “освобождение от активов”).

Оттуда же - Asset stripper: “*стриппер активов*”: корпоративный рейдер (“хищник”), который покупает компанию для продажи части ее активов с целью погашения долгов или просто получения прибыли (продажа по частям дает больше, чем продажа целиком).

Форензик

Наличие в словарях

а) В онлайн словарях определений не найдено

б) В печатных словарях и энциклопедиях:

«Новая экономическая энциклопедия» Е.Е. Румянцевой, 2011 [Румянцева 2011]	термин не представлен
«Новый англо-русский экономический словарь» И.Ф. Ждановой, 2010 [Жданова 2010]	термин не представлен
«Большой экономический словарь» под ред. А.Н. Азрилияна, 2008 [Большой экономический]	термин не представлен

словарь 2008]	
«Большой англо-русский экономический словарь» под ред. С.С. Иванова, Д.Ю. Кочеткова, 2007 [Большой англо-русский экономический словарь 2007]	термин не представлен
«Большая экономическая энциклопедия», 2007 [Большая экономическая энциклопедия 2007]	термин не представлен
«Современный экономический словарь» под ред. Б.А. Райзберг, 2006 [Райзберг 2006]	термин не представлен
«Экономический словарь» А.Ф. Никитина, 2006 [Экономический словарь 2006]	термин не представлен
«Большой экономический словарь» А.Б. Борисова, 2004 [Борисов 2004]	термин не представлен
«Большой англо-русский финансово-экономический словарь» А.Г. Пивовара, 2000 [Пивовар 2000]	термин не представлен Отмечено другое значение: forensic - судебный, судейский; forensic medicine - судебная медицина.

Употребление, наличие графических вариантов

В материалах Интернета термин широко используется в значении финансовые расследования:

Группа Форензик — финансовые расследования PricewaterhouseCoopers предоставляет финансовые, экономические и статистические услуги различным компаниям и их адвокатам, участвующим в судебных разбирательствах, арбитражных процессах, в процессе примирения, а также в корпоративных расследованиях, <http://www.pwc.com/>;

Первый форензик в России был проведен в 1999 г., www.treko.ru/show_; *Рынок форензик* наиболее развит в Англии, Германии, Италии, Испании и США. В России *форензик впервые появился* в 1999 г. [URL: www.spbgid.ru/];

Независимые эксперты в *области форензик – корпоративных расследований* – сейчас приобрели репутацию таких «шерлоков холмсов» финансового мира, которые берутся за особо сложные случаи [URL: <http://www.rbsys.ru/>];

В России *услуги форензик* с 1999 года предоставляет KPMG, а с 2000-го и ее конкуренты из Deloitte & Touche. Компании формировали свои *отделы форензик* не только из экспатов, но также привлекали местных юристов, финансистов, аудиторов, хорошо знающих отечественные законы и принципы функционирования рынка. *Методика работы форензик-групп* сводится к компиляции аудита, юридического и налогового консалтинга с элементами детективного расследования. Эксперты сначала определяют перечень «слабых мест» компании – позиции и схемы, в которых скрыты наибольшие риски для бизнеса. Затем проверяют их влияние на текущую работу организации и, обнаружив проблему, готовят предложения о том, каким именно способом ее можно устранить и как в дальнейшем не допустить ничего подобного. За время своей работы в России *специалисты форензик* успели провести сотни расследований и предупредить множество злоупотреблений. При этом имена 99% их клиентов остались неизвестными широкой общественности: конфиденциальность – одно из главных условий их работы.

Андрей Елинсон, руководитель *группы по финансовым расследованиям Deloitte* в СНГ утверждает, что спрос на эти услуги среди российских компаний растет пропорционально с ростом уровня их корпоративного управления. «Акционеры предприятий и их топ-менеджеры осознают, что легче предупредить возможные риски, чем потом разбираться с последствиями», – уверен эксперт.)

Форензик – существительное мужского рода, несклоняемое, может быть аналитическим прилагательным.

Форензика – термин из другой области, компьютерная криминалистика.

Возможные варианты перевода

1) финансовые расследования (форензик-группа и группа по финансовым расследованиям, видимо, одно и то же);

2) корпоративные расследования (Независимые эксперты в *области форензик – корпоративных расследований* – сейчас приобрели репутацию таких «шерлоков холмсов» финансового мира, которые берутся за особо сложные случаи [URL: <http://www.rbsys.ru/>];

3) Независимое финансовое расследование (Отдел независимых финансовых

расследований (Форензик), [URL:

<http://www.kpmg.ru/index.shtml/ru/careers/vacancies/moscow/Forensic/>].

Стейкхолдер

Наличие в словарях:

а) В онлайн словарях определений не найдено.

б) В печатных словарях и энциклопедиях:

«Новая экономическая энциклопедия» Е.Е. Румянцевой, 2011 [Румянцева 2011]	термин не представлен
«Новый англо-русский экономический словарь» И.Ф. Ждановой, 2010 [Жданова 2010]	Stakeholder – «долевой собственник, пайщик (в капитале компании)»
«Большой экономический словарь» под ред. А.Н. Азрилияна, 2008 [Большой экономический словарь 2008]	Термин не представлен; пайщик – «тот, кто внес пай, член того общества, в которое внесен пай, например, пайщик в кооперации – член кооперативного общества».
«Большой англо-русский экономический словарь» под ред. С.С. Иванова, Д.Ю. Кочеткова, 2007 [Большой англо-русский экономический словарь 2007]	термин не представлен
«Большая экономическая энциклопедия», 2007 [Большая экономическая энциклопедия 2007]	термин не представлен
«Современный экономический словарь» под ред. Б.А. Райзберг, 2006 [Райзберг 2006]	термин не представлен

«Экономический словарь» А.Ф. Никитина, 2006 [Экономический словарь 2006]	термин не представлен; пайшик – «член кооператива, товарищества или иной организации, владеющей паем в ее имуществе»
«Большой экономический словарь» А.Б. Борисова, 2004 [Борисов 2004]	термин не представлен; пайшик – «лицо, внесшее пай и ставшее в связи с этим членом общества (кооператива, товарищества или иной организации), в которое внесен пай».
«Большой англо-русский финансово-экономический словарь» А.Г. Пивовара, 2000 [Пивовар 2000]	stakeholder - «посредник (при заключении сделки)»

Употребление, наличие графических вариантов

Используется как в вариантах стейкхолдер (термин происходит от английского "stakeholder" - «владелец доли» и обозначает лицо (человека, подразделение, фирму), которое существенно влияет на деятельность организации, принятие и выполнение решений. Обычно к стейкхолдерам относят:- владельцев бизнеса;- управляющих;- авторитетных сотрудников организации;- крупных, значимых Партнеров и Клиентов www.treko.ru/show_dict_) и стэйкхолдер (Напомню, стэйкхолдеры - это в дословном переводе с английского "держатели куска" - группы влияния, от которых прямо или опосредованно зависит деятельность компании), [URL: www.s2b.ru/library/cm/article].

Приложение 2

1. Блог им. ShannonB → О бедной терминологии замолвите слово (URL: <http://shannonb.habrahabr.ru/blog/15072/>)

Господа, обращаюсь к вам с большой-прибольшой просьбой! Возможно стоит,уже, определиться с терминологией которую мы используем, в наших статьях и комментариях на тему Интернета и всего что с ним связано. Я, например, в своих текстах стараюсь использовать как можно меньше англицизмов, и разного рода заимствований.

Да, зачастую в русском языке по-просту отсутствуют необходимые термины, но ведь во многих случаях виной всему наша лень и банальное желание употребить словечко по-моднее. Мне хотелось бы заявить тем, кто злоупотребляет новомодными заимствованными словечками: от того, что вы эти словечки используете, ваш текст не выглядит более

профессиональным или страшно умным, наоборот, от их обилия, ваш текст выглядит корявым и неряшливым.

Тут я буду собирать коллекцию неологизмов-идиотизмов встреченных мною в Сети.

Начнем:

.....Предметно WEB 2.0 выражается:

Функциональный визуал (http://www.weboptima.ru/2_0.htm)

Ресайкл позволяет переводить сэмплы и лупы в формат Rex 2(mixmag.ru)

Update: «**Брифоваться**» — значит **вникать в проблему клиента**
(http://www.business-magazine.ru/mech_new/marketing_n/pub188225)

16 октября 2007, 00:49 ShannonB

комментарии (10)

1) ShannonB 16 октября 2007, 01:49

Что, никого не раздражает перебор в заимствовании иностранной лексики ? По-моему тема достаточно актуальная...

2) Azy 16 октября 2007, 08:37

Нет, таки можна не использовать англицизмы. А нахрена? Неологизм, профессионал, терминология - не исконно русские слова. И вообще вон из сети - пишите на бересте, это же так исконно по-русски.

ЗЫ Тег "отсутствие альтернативы" - это жесть.

3) slava7 19 октября 2007, 11:57

Максим (Azy), я абсолютно согласен со смыслом Вашего поста - развитие языка в том числе профессионального во-первых неизбежно, во-вторых невозможно без заимствований.

Но меня удивляет то что Вы не можете соотнести стиль Вашего изложения, с местом в котором находитесь. Надеюсь в обычной жизни Вы не материтесь в транспорте и других общественных местах (хотя там минусуют редко).

4) Azy 19 октября 2007, 13:19

Слегка погорячился — получил по заслугам) Ну да ладно. Бывает.

5) megalol 16 октября 2007, 08:05

Что идиотского во фразе 'Ресайкл позволяет переводить сэмплы и лупы в формат Rex 2'? Семпл только надо было написать, по-русски)

6) Azy 16 октября 2007, 08:34

он по-русски и написал :)

7) mihazimin 16 октября 2007, 11:25

Дело в том, что разные языки в разной мере подвержены заимствованиям из других языков. Так вот русский язык, — очень сильно этому подвержен. Это может не нравиться, этим можно гордиться, но это факт. Интерес представляет то, что при «заимствованиях» слово, естественно, может обогатиться, изменить звучание. Например: семпл, семплик, семплюшечка, семпля. Хотя я с вами полностью согласен в том, что о значении слов забывать не надо и комфортабельный = удобный. Поэтому ставлю вам плюс.

8) ShannonB 16 октября 2007, 18:46

Спасибо за плюсы, еще один пример: креативный = творческий. И зачем всюду совать эти "креативно", "креативный"?!

9) ivaneczko 19 октября 2007, 11:09

креативный != творческий. Эмоциональный окрас не тот. Как это у Пелевина:

— Кем? — спросил он.

— Криэйтором.

— Это творцом? — переспросил Татарский. — Если перевести?

Ханин мягко улыбнулся.

— Творцы нам тут на х.. не нужны, — сказал он. — Криэйтором, Вава, криэйтором.

10) killerdesign 18 октября 2007, 02:49

На мой взгляд, художественный перевод терминологии так или иначе не есть разумное решение. А вот использование словечек вроде "ресайкл" или "луп" делает мысль автора куда более доступной для продвинутых пользователей, владеющих английским. А о, пардон, уродовании русского языка здесь не может быть и речи. Ну а таргетинг постов подобного содержания это, разумеется, продвинутое англоговорящие юзеры. :)

2. Терминологический комитет → Испечём печенюку (cookie)

(URL: <http://habrahabr.ru/blogs/terminology/5317/>)

Приходилось ли видеть, или придумывать, нормальный термин для HTTP cookie? Я видел несклоняемые «куки, кукис, кукес», они же, но в кавычках, и просто непереведённое, как в предыдущем предложении у меня. Эстетствующие маргиналы говорят «печенька». А как бы сказали вы? Предупреждаю, что варианты типа «маркер индивидуализации запроса» будут подвергаться общественному осмеянию. Мой выбор — полагать, что «куки» это множественное число слова «кука». Оно созвучно с оригиналом, склоняется, и не вызывает никаких лишних ассоциаций (по крайней мере, у меня)

Примеры словоупотребления:

— сайт посадил мне куку..

- *сотрите все куки..*
- *с отключенными куками это не работает..*
- *я задумался о куках с гугля...*
- *надо обойтись без кук...*
- *вся правда о куках...*

*16 марта 2007, 12:51; bibiq
комментарии (23)*

1) NaFigator 16 марта 2007, 12:59 ↓

Порадовали тэги и слово "кука" :D

2) entze 16 марта 2007, 13:05

Для эстетствующих славянофилов могу предложить термин "коврижка".

При этом выражение "ни за какие коврижки" может означать, что автор не согласен делать или делиться чем либо даже за регистрационные данные блогов (форумов, почты), обычно сохраняемые в коври.. в cookies.

3) bibiq 16 марта 2007, 13:07

смиялсо :))

4) VeeVee 16 марта 2007, 13:07

Печенюшки!

сайт дал мне печенюшку :)

браузер сожрал все мои печенюшки :(

я на диете 8)

5) dart 16 марта 2007, 13:17

русифицированный GAIM тем временем радостно заявляет, что "Печеньки отосланы" ;)

6) bibiq 16 марта 2007, 13:20

а русифицированная винда «Приложеньице запущено»? ;)

7) dart 16 марта 2007, 13:38

Хм, этот вот комментарий навёл меня на мысль, что несмотря на всю настраиваемость ГНУтых операционных систем, позиционируемых как юзер-френдли и альтернатива windows(мандрива, убунту, например), винда гораздо менее настойчива в предложениях русификации интерфейса. Собственно, я и не помню, когда русифицированную винду видел в последний раз. А вот гном с "печеньками" регулярно попадает.

8) bibiq 16 марта 2007, 13:42

А я никогда в жизни не видел русифицированный гном. Может оттого, что никогда его видеть не хотел, и не выбирал при инсталляции. Есть же выбор, никто не настаивает.

9) dart 16 марта 2007, 13:46

Дело в том, что если ставить ту же убунту, то выбор насчёт языка только один. И если не поставить там русский, то потом придётся добавлять раскладку клавиатуры, настраивать локаль. Выбрать русский, а потом уже сменить язык интерфейса - требует меньше действий. Но пока до смены языка руки дойдут, обязательно какие-нибудь "печеньки" увидишь :)

10) bibiq 16 марта 2007, 14:19

Да, у меня этих причин нет, потому что мне всегда нужно больше, чем два языка, и раскладку настраивать приходится в любом случае. Но занимает это секунд пятнадцать, после тренировок.

11) wiz 16 марта 2007, 14:46

Ну "печеньки" и ладно (= Слово как слово, даже забавно. Десктоп (тем более такой, как гном) не должен напрягать пользователя техноснобизмом.

12) einstein 16 марта 2007, 13:28

Если исходить из английского, то должно быть так

ед. число: a cookie – куки

мн. число: cookies – кукисы

Но лучше, конечно, писать по-английски.(ИМХО)

13) bibiq 16 марта 2007, 13:36

По-английски писать вообще хорошо, и говорить по-английски хорошо, и жить в англичанин. Но мы тут пытаемся всё же по-русски.

14) dart 16 марта 2007, 13:42

Из-за того и предпочитают английский обычно, что разночтения в терминологии. Из-за них он становится понятнее родного. Это не слишком правильная ситуация, мне кажется.

15) Busla 16 марта 2007, 21:41

Так быть как раз не должно - множественное/единственное число должно образовываться по русскоязычным правилам!

16) einstein 16 марта 2007, 21:45

Я полагаю что в данном случае мы имеем дело лишь с транслитерацией термина, а значит должны действовать по правилам языка источника. Либо нужно придумать новое эквивалентное русское слово, как предложено в некоторых комментариях.

17) *Busla* 16 марта 2007, 21:57

транслитерация - это и есть способ образования нового эквивалентного русского слова

18) *einstein* 16 марта 2007, 22:05

Посмотрим в Википедию:

Транслитерация — конверсия систем письма, при которой каждый графический элемент (знак) одной системы письма представляется (заменяется) одним и тем же графическим элементом другой системы письма

19) *fanex* 16 марта 2007, 14:23

коржик/коржики. Дадим этому слову новую жизнь!

20) *shergin* 16 марта 2007, 14:28

Где-то я видел имхо гениальный перевод этого термина как "аутентификация на основе жетонов". Но конечно "коврижки" и "печенюшки" мне тоже безумно нравятся...)

21) *alexandrejev* 16 марта 2007, 14:42

«Коврижки» — улыбнули :) Хотя когда-то уже слышал подобное. А в жизни употребляю так, как и автор, т.к. звучит естественно и всем понятно.

22) *Hexley* 16 марта 2007, 15:06

вспоминается Высоцкий... Хотели Кока, а съели Куки :)

23) *techno* 17 марта 2007, 00:55

Можно сказать "пирожок", "выпечка" или "стряпня". Однако, "кукис", имхо, понятнее ;-)

3. Терминологический комитет → Переводим слово «entity»

(URL: <http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3985/>)

В контексте «SGML/HTML entity», не в более широком и не в философском. Некоторые источники предлагают «сокращение», но считать, например, «ù» сокращённой формой «ì» у меня язык не повернётся.

9 марта 2007, 11:02 bibuq

комментарии (31)

1) *NaFigator* 9 марта 2007, 11:19

"Представление"?

2) *insanity* 9 марта 2007, 11:22

*Перевод слова «entity» [ссылка на Википедию, статья «Сущность»:
<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D1%89%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%>*

D1%8C]

3) *insanity* 9 марта 2007, 11:24

Информация [Ссылка на Википедию, статья «SGML entity»:
http://en.wikipedia.org/wiki/SGML_entity]

3) *insanity* 9 марта 2007, 11:30

Я считаю, что этот контекст совпадает с общефилософским. Философия изначально должна охватывать все науки, ну и здесь имеет непосредственное влияние. Ну и кафедра Компьютерных технологий при Днепрпетровском национальном университете того же мнения.

5) *bubiq* 9 марта 2007, 11:34

Мы же договорились в нефилософском смысле. Я, может, неточно выражаюсь, когда говорю «перевод». Мне не нужно, чтобы русское слово старалось изо всех сил быть ближе к смыслу английского по словарю. Мне нужен термин, который я могу удобно использовать в речи и в тексте, который бы был недлинным и по возможности однозначным.

"Запишем это в виде HTML-представления..." Кто же это поймёт? А главное, как?

6) *insanity* 9 марта 2007, 11:45

Я проходил курс "SystemsApproachandComputerModelling", у нас все термины были такими. Обычно становится более понятно, когда перестраиваешь предложение. Может, просто **HTML-представление** поменять на **HTML**? Как в энциклопедии, слово "Секс" ссылается на "Любовь", а "Любовь" - на "Секс".

7) *bubiq* 9 марта 2007, 12:06

То есть предлагается и слово HTML, и слово "HTML entity" переводить одним словом? Жопы есть, а слова нет? Ну это не решение проблемы, а уход от неё. Мнение кафедры Днепрпетровского университета я всячески уважаю, только хорошо бы ещё была привлечена кафедра русского языка, если такая имеется. Во-первых, слово "сущность" очень тяжело натягивается на нужный нам объект. «Сайт не понял мою кодировку, и мне пришлось в слове "français" употребить сущность...» Во-вторых, это слово шестого склонения, и не очень любит множественное число, что не особо удобно для словоупотребления: "Текст изобилует HTML-сущностями..." Не знаю, как у кого, но я, заслышав бы такое, как-то бы напрягся... :}

8) *norguhtar* 9 марта 2007, 12:17

HTML представление не устроит ?

9) *rossomachin* 9 марта 2007, 12:57

XHTML-сущность. Или просто сущность, если в контексте речи понятно, что не про

философию Платона говорим.

10) insanity 9 марта 2007, 12:29

*Нет HTML - он и так HTML, а "HTML entity" - это "в виде HTML".
Хотя нельзя о чем-то спорить не зная всех сторон вопроса. Было бы неплохо для начала
знать что ты переводишь, что уже перевел и что собираешься переводить дальше.*

11) stix 9 марта 2007, 12:07

*ИМХО HTML-представление наиболее четко отражает суть.
В БД переводится как "сущность" вполне обосновано, но в данном контексте лучше всетаки
"представление".*

12) stix 9 марта 2007, 12:12

*Символьные объекты (entity) представляют собой цифровые или символьные имена
символов, которые могут быть включены в документ HTML. Вот такое определение еще
можно найти.*

13) rossomachin 9 марта 2007, 12:59

Символьные имена символов это архикруто.

14) stix 9 марта 2007, 13:11

цифровые или символьные имена символов.

15) saterenko 9 марта 2007, 11:58

я его перевожу как "сущность"

16) bubiq 9 марта 2007, 12:15

Вот только честно, в простой речи, к коллеге, вы говорите "сущность"?

17) saterenko 9 марта 2007, 12:26

хм, задумался... пытаюсь вспомнить :) скорее назову символом...

18) rossomachin 9 марта 2007, 12:55

Я — да. И когда статьи пишу-перевожу — тоже.

19) romantolkachyov 9 марта 2007, 13:33

Так и есть.

20) linker 9 марта 2007, 20:27

я говорю

21) rossomachin 9 марта 2007, 12:54

Сущность. Давно уже использую, и меня всегда отлично понимают.

22) repelsbey 9 марта 2007, 12:56

«HTML-представление спецсимволов» — вполне чётко отражает смысл.

23) rossomachin 9 марта 2007, 12:58

Слишком длинно. Но иногда всё-таки применимо.

24) pepelsbey 9 марта 2007, 13:01

«Сущность» — слишком глобальный термин, любая попытка вынести из контекста с треском провалится. Думаю, что HTML-представление (дословно) лучший вариант, т.к. сразу несёт в себе признаки контекста и никаких сомнений не возникает.

25) Busla 9 марта 2007, 13:15

Литерал вас не устроит?

26) rossomachin 9 марта 2007, 13:24

Слово, безусловно, красивое. Но в некоторых кругах за него могут и по физиономии съездить, не разобравшись.

27) Busla 9 марта 2007, 13:35

Да, уж - этим шрифтом как-то не очень эстетично получилось :-)

28) bubiq 9 марта 2007, 13:32

О, первый дельный вариант! А физиономии у нас твёрдые, ничего)

29) Valerija 9 марта 2007, 18:20

Некоторые источники предлагают вариант "подстановка".

30) bubiq 11 марта 2007, 00:42

Второй дельный вариант.

31) minitoka 9 марта 2007, 22:16

Мнемоника

4. Терминологический комитет → Переводим слово «exploit» **(URL: <http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3676/>)**

Прошу предлагать наиболее точные и остроумные варианты перевода термина "exploit", в значении "использование уязвимости, недочёта безопасности в системе" на русский язык. Вариант [а чем плохо "эксплойт"] прошу не предлагать, его уже предложили до вас.

28 февраля 2007, 00:06 bubiq

комментарии (27)

1) mrlava 28 февраля 2007, 09:57

"ИУНБС" - использование уязвимости, недочёта безопасности в системе

2) gosub 28 февраля 2007, 10:12

iРазвод

3) tak_sim 28 февраля 2007, 10:25

Я не предлагаю вариант эксплойт? Я просто прошу мне объяснить смысл перевода всех терминов на русский? Традиционно есть отрасли науки и производства где терминология не переводится (взять ту же медицину где латынь используется по всему миру). ИМХО компьютеры, сети и их безопасность как раз из той оперы.

4) bubiq 28 февраля 2007, 14:45

Мединская латынь не переводится?! Позволю не согласиться. Любой медицинский или биологический термин имеет более или менее нормальное русское название. Помню свой собственный первый курс, когда нужно было знать названия около двухсот знаков на четырёх языках. Русский среди них присутствовал. Никогда не слышал, чтобы медик написал по-русски "форамен акципитале магнум" вместо "большое затылочное отверстие". Вряд ли я вам скажу "дактилис гломерата" вместо "ежа сборная". В науке и медицине есть множество слов латинского происхождения, это верно. Но они не являются простой транслитерацией, они АДАПТИРОВАНЫ на русский, как например приданием романских по происхождению, но русских сигнальных окончаний "-ция" или "-изм". Мы это воспринимаем нормально не в последнюю очередь из-за фонематической близости латыни к русскому языку (чередование согласная-гласная в словах и прочее). Об английском этого сказать совсем нельзя, и так просто слова переписывать кириллицей результата не даёт. Английский язык синтетического типа, окончаний нет, а характерных суффиксов крайне мало. Единственный, который приходит на ум, это "-ер/-ор". Думаете, почему так легко вошли в язык принтер, компьютер, сканнер, адаптор, брокер и дилер, ассемблер и транслятор, маркер и процессор, контроллер и дигитайзер, дизайнер и менеджер? Потому что есть сигнальный суффикс, к которому русский приучился. Окончание слова на "-ойт" (как в "эксплойт") совершенно нехарактерно для русского. Мне проще сказать "краниоорбитальная псевдосаггитальная арахноидэндотелиома", потому что там все окончания естественные, русские.

5) tak_sim 28 февраля 2007, 16:09

Понял. Тем не менее я за единые стандарты по всему миру. Пускай инглишь выступает этим самым стандартом.

6) tom 28 февраля 2007, 14:51

Адекватнее «использования уязвимости» ничего нет. Чем не нравится слово эксплойт?

7) Steward 28 февраля 2007, 15:19

дырокол нельзя это всё обзвать - и слово придумывать не надо и вроде как смысл есть - "колют" систему через дыру безопасности...

8) bubiq 28 февраля 2007, 15:25

Мысль интересная. Но "дырокол" у нас ассоциируется с проделыванием дыр, а не с использованием имеющихся...

9) Steward 28 февраля 2007, 15:32

а цель придумать новое слово или адаптировать имеющееся (ну или соединение имеющихся русских, не важно взятых из каких языков ранее)?

10) k_s 28 февраля 2007, 15:38

если уж про "дыру" и "использование", то можно придать слову "секс" второе значение.

11) Steward 28 февраля 2007, 15:45

а у Вас секс только в одном значении??? ууу как всё плохо... :))) - хотя это уже не сюда - это к Фрейдю :)

12) k_s 28 февраля 2007, 16:05

если не считать того варианта, когда кто-то занимается сексом с моим мозгом, то да, одно =р

13) Steward 28 февраля 2007, 16:13

ну вот видите :) - ужа как минимум два :)

14) Steward 28 февраля 2007, 15:30

или узурпатор :) - это ж тоже с латыни - использующий слабость (кажется) - но дырокол мне нравится больше :) или кульпатор (culpa - ошибка, а -тор - это обычно обозначает "использующий" типа архитектор, трактор)

15) tom 28 февраля 2007, 15:36

А чем заимствование латинских корней лучше, чем использование простой кальки с английского, к которой все тем более уже привыкли? Но в качестве развлечения — неплохо :)

16) tom 28 февраля 2007, 15:48

Если нравится вариант про использование дыр, то могу предложить дятла. Ну и новостные заголовки соответствующие: «Найден дятел для уязвимости в Microsoft Word 2007», «Команда „КулХацкБойз“ сообщает, что закончила разработку дятла, который дуплит недавно обнаруженную дырку сервера Apache».

17) Steward 28 февраля 2007, 15:54

отлично... особенно пример новости :) - нет правда супер ещё вариант - дуплятор или дуплитель :) хотя для меня тоже не очень понятен смысл искать русский аналог или адаптацию слову эксплоит - просто надо его написать один раз в словаре правильно (а то ведь можно и иксплоит, и иксплоит, и ксплоит ну и т.д.) - ведь не переводим же мы

компьютер :) или принтер

18) tom 28 февраля 2007, 16:03

Надеюсь, что составители словарей перед тем как заносить слово в свое детище ознакамливаются с употреблением этого слова в соответствующих кругах. А то не хотелось бы, чтобы его занесли как «ксплоит», например.

19) belgrad 28 февраля 2007, 18:42

Если бы они не были знакомы с употреблением в кругах, откуда бы они узнали, что пора слово заносить в словарь? ;)

20) tom 28 февраля 2007, 18:48

Если честно, то я даже не представляю как это у них делается. Может сон приснится или голос свыше померещится :)

21) bibiq 28 февраля 2007, 16:40

"Дятел уязвимости"... Что вроде "Вепрей суицида ®" :) Я всё понял. Вот что значит коллективный разум. Тот, кто лезет в дыру, это "дыролаз". Или "дыропёр". Или "дырЕц" :)

22) norguhtar 28 февраля 2007, 18:58

В русских переводах Гибсона использовали любопытный термин для такого ПО - "ледоруб".

23) BBSoD 28 февраля 2007, 19:57

Поправьте заголовок, а то я подумал, что надо мной издеваются :) Давайте слово "exploit" поставим в один ряд со словами "сканер", "принтер", "драйвер" (мы же не говорим "изучатель", "распечатыватель", "водитель"), то есть не будем его переводить...

24) khailo 28 февраля 2007, 21:59

Пятая колонна

25) khailo 28 февраля 2007, 22:09

Хотя не, сдуплил. Кол. Оно фалличней.

26) igorix 1 марта 2007, 21:41

Эксплюха.

27) catlion 15 марта 2007, 20:25

Уязвимень :)

5. Терминологический комитет → Cascading Style Sheets (URL: <http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3111/>)

И первое упражнение. Как нужно правильно переводить "CSS"? Как это уже переводили, понравилось ли вам? Может нужно вообще избежать перевода?

8 февраля 2007, 19:01 [bubiq](#)

комментарии (16)

1) [norguhtar](#) 8 февраля 2007, 19:06

Перевод из KDE: таблицы стилей.

Перевод в лоб: Каскадные таблицы стилей. PS Вопрос что в них каскадного?

2) [bubiq](#) 8 февраля 2007, 19:23

Cascade, по задумке, это набор стилей, которые борются за один и тот же элемент, и система правил по определению победителя. ПМСМ, слово "каскад" тут уместно с трудом.

3) [rossomachin](#) 8 февраля 2007, 19:35

А по-моему вполне себе хорошая аналогия.

4) [norguhtar](#) 8 февраля 2007, 19:51

в таком случае рекурсивные таблицы стилей. Поидее если я правильно понимаю выбор стиля для элемента идет снизу-вверх.

5) [gulevich](#) 8 февраля 2007, 20:48

ну рекурсия подразумевает другое - стиль в стиле например :) наследуемые тоже не то - так как нельзя в смысле ООП отнаследовать один стиль от другого. я бы назвал лучше не каскадные а иерархические таблицы стилей

6) [rossomachin](#) 8 февраля 2007, 22:20

иерархические таблицы стилей

О! А весьма неплохо. Иерархия там действительно имеет место быть. Но не всегда.

7) [gulevich](#) 8 февраля 2007, 20:47

каскад уместен, ибо:

1) *есть несколько типов стилей - в отдельном файле, в хидере документа и в самом элементе - чем "ниже" по иерархии они описаны, тем главнее.*

2) *в самом CSS есть элемент каскадности: если написать `body { AAA }` и `body p { BBB }` то это значит, что стиль на `body` устанавливается AAA, а если в нем находится элемент `p` - то для него устанавливается BBB. Есть масса других примеров как при помощи каскадирования можно делать очень компактные стили с хитрыми условиями.*

8) [gulevich](#) 8 февраля 2007, 20:49

немного я не так привел пример, ну да ладно :) думаю, понятно, о чем идет речь.

9) [rossomachin](#) 8 февраля 2007, 19:20

Каскадные таблицы стилей.

Хотя проще и короче всё-таки CSS. Кому надо те поймут. Замечательная штука,

очень её люблю.

10) NumberOne 8 февраля 2007, 22:21

+1

11) karguine 8 февраля 2007, 20:47

Насколько я понимаю, окончание "-ing" там есть неспроста. И, видимо, это нужно перевести как "каскадирующие" ну или "каскадируемые".

12) Gluek 9 февраля 2007, 02:41

Ага, таблицы стилей последовательного включения

13) myla 8 февраля 2007, 21:36

Многоступенчатые стильные простыни :)

14) NumberOne 8 февраля 2007, 22:22

а можно просто - "стили".

15) vitaminuch 8 февраля 2007, 23:45

А зачем переводить?

16) Nicolay 9 февраля 2007, 11:53

Все очень просто! вот пример каскадирования

```
.class1 b { color: Red; }
```

```
.class2 b { font-size: 10px; }
```

к элементу может примениться как и правило class1 ->

```
<div class="class1"><b>text</b></div>
```

таки правило class2 ->

```
<div class="class2"><b>text</b></div>
```

таки обособразу ->

```
<div class="class1 class2"><b>text</b></div>
```

или

```
<div class="class1"><div class="class2"><b>text</b></div></div>
```

6. Блог им. VolCh → Вопрос: Каким должен быть перевод технической документации и терминов в ней?

(URL: <http://volch.habrahabr.ru/blog/48499/#habracut>)

Здравствуйте, хабрачеловеки!

Не секрет, что большинство технической документации (гайды, мануалы, tutorиалы, описание API и т. п.) в мире веб-программирования, да и вообще ИТ, представлено на английском языке. Так же не секрет, что многие российские (да и не только

российские) программисты не владеют английским так, чтобы читать тексты на нем так же легко как на родном языке. Выхода я вижу два: либо всем поголовно учить английский до такой степени, чтобы не замечать разницы на каком языке читаешь, либо переводить документацию на русский. И если первое представить можно с трудом, то с переводами документации, качественными и не очень, наверняка все знакомы. Вот о том, чем отличается качественный перевод от некачественного я и хочу узнать мнение хабронарода. Ну а сначала немного порассуждать об особо интересующих меня вопросах.

Прежде всего интересует вопрос перевода терминологии. Понятно, что сейчас уже никто не станет в переводе документации для веб-разработчиков переводить «browser» как «обозреватель», а «server» как «слуга», но вот многие термины (беру, в основном, из области веб-фреймворков), такие как «view», «helper», «template», «layout» в неформальном общении часто вообще не переводятся, а используются кальки с английского («вью», «хелпер» и т. д.). Про то, что часто есть и неоднозначность переводов и вспоминать не хочется (view — вид, отображение, представление...). Но с другой стороны лично мне не очень приятно читать фразу «Хелперы можно вызывать напрямую в контексте вью — в темплейтах, лайаутах, партиалах или снippetах».

Как, по-вашему, стоит ли переводить такие термины в документации, особенно предназначенной для начинающих в данной области или лучше давать кальку? А может вообще оставлять на английском? Второй вопрос — если решили не оставлять на английском, то как подавать перевод и оригинал? Видел три основных варианта:

- Вообще не указывать оригинальный термин
- При первом употреблении в тексте (иногда главе) писать «помощник (helper)» или «хелпер (helper)», а дальше уже использовать только перевод
- Писать «помощник (helper)» при каждом употреблении термина в тексте

Третий — если решили оставить английский оригинал, то стоит ли его переводить? Варианты те же самые, только зеркально отраженные: вообще не переводить, переводить (в скобках) только в первый раз, переводить каждый раз

Еще вопрос — есть ли смысл переводить (в скобках) названия классов, переменных, файлов и т. п., если они встречаются в тексте? Например, «create JobTable object» перевести как «создайте объект Job (работа). Ну и последний общий вопрос — перевод аббревиатур. Встречаем, скажем в тексте фразу „Use DRY (Don't Repeat Yourself) principle“, стоит ли ее переводить как „Пользуйтесь принципом DRY (от Don't Repeat Yourself — Не повторяйте себя)“ или оставить как „Пользуйтесь принципом DRY (Don't Repeat Yourself)“?

Ну и пару конкретных вопросов по переводу терминов: „View“ (из архитектуры MVC)

— вид, отображение, представление — какой перевод считаете более адекватным? Или свой вариант есть? И, аналогично, „layout“ — разбивка, разметка, макет, что-то еще?

А сподвигнуло меня на написание моего первого топика на хабре следующее: решил тут освоить разные рНР-фреймворки и столкнулся с проблемой отсутствия (или недостаточности, или устарелостью) русской документации. Приходится читать английскую, но, видимо, с блогов пошла мода писать техническую документацию с элементами разговорного языка — шутки, сленг и т. п., что для меня представляет некоторые трудности (всегда писал в анкетах и резюме „технический английский — бегло читаю“), много времени занимает перевод непривычных слов и выражений, да еще в контексте изучения собственно фреймворка.

Вот и подумал, что если я свои мучения со словарями и гуглом „запротоколирую“, то есть то, что перевожу „в голове“ буду излагать „в файл“, то и уровень понимания текста подниму (не будет соблазна считать, что о значении этого слова я догадался по контексту правильно), и уровень владения английским, ну и, что кому-то мои переводы, если их выложить где-то, облегчат знакомство с тем или иным продуктом. Но столкнулся с проблемой перевода терминов. Лично мне приятнее читать переводы наподобие „Вот почему вид разделяют на макет (layout) и шаблон (template). Макет обычно общий для всего приложения или группы страниц. “ А вы какой бы перевод фразы „That's why the view is separated into a layout and a template. The layout is usually global to the application, or to a group of pages.“ предпочли бы увидеть в русском переводе?

7 января 2009, 07:14 [VolCh](#)

комментарии (16)

- НЛО прилетело и опубликовало эту надпись здесь.

1) [unnamed777](#) 7 января 2009, 07:53

Переводить, конечно, стоит всегда. Я знаю пару человек, которые занимаются программированием, но не изучали английского языка. Пусть перевод будет неполным, зато такие поймут смысл и у них будет ориентир — куда смотреть дальше (что открыть в английской документации и что там перевести).

Что касается терминов. Мне кажется, что идеальным вариантом будет перемежение исходного термина и его перевода в самом тексте с переводом в самом начале. Например, «Представление (view) служит для отображения результатов работы логики. ... Представление является неотъемлемой частью паттерна MVC — Model-View-Controller (Модель-Представление-Контроллер). ... Для интеграции View». Либо использовать только вариант номер два — перевод с исходником в начале текста и только переводы далее

в тексте.

2) Optik 7 января 2009, 11:35

Пусть перевод будет неполным, зато такие поймут смысл и у них будет ориентир. Порой переводы казалось бы и верны, но скорее путают, чем помогают разобраться. Например джангокнигу (*djangobook* (:)) предпочел в оригинале читать, перевод только отнял время. Поэтому в идеале перевод надо показывать человеку, для которого материал не известен, с целью проверки доступности изложения. Со всем остальным поддерживаю уже высказавшихся.

3) unnamed777 7 января 2009, 11:43

Что надо читать оригиналы — это да, несомненно, т.к. из них можно понять больше (но иногда проще заглянуть в код и понять принцип работы, чем вычитывать его же в мануале: -)). Я сам всегда стараюсь находить оригинальные тексты, а не переводы. Но это доступно только для нас с вами — знающих английский язык

4) Optik 7 января 2009, 12:11

Я к тому, что перевод дело непростое и надо не только знать язык, но и суметь донести информацию максимально точно. Обычно проблемы как раз с переводом терминологии и многозначными словами.

5) VolCh 7 января 2009, 17:34

Тут сложность с поиском такого человека, который бы имел подразумеваемые знания (например, общие знания о протоколе *http*, ООП и языке фреймворка), но не имел представления о конкретном продукте или его близких аналогах.

б) LoneCat 7 января 2009, 10:51

Да, мне тоже кажется что то что можно перевести — перевести нужно, считаю оправданным в русскоязычной среде программистов называть вещи своими, русскими, именами, как впрочем и не только в среде программистов, «в субъекте регистрируются обзёрверы» уж извините меня, звучит несколько менее благозвучно нежели «в субъекте регистрируются наблюдатели», тем более что для большинства расхожих терминов уже существует общепринятый перевод, как в примере выше — для MVC общепринятым переводом «*view*» является «представление». Но это конечно исключительно мое мнение, мерчандайзеры с супервайзерами, занимающиеся программингом, консалтингом и клинингом вызывают у меня лютый гнев. Однако-же непереуведенный термин в скобках в начале текста оставить я считаю необходимым, для обратной, так сказать, совместимости, чтобы программист знающий русский термин не испугался аналогичного в английском варианте, и *vice versa*.

7) jeje 7 января 2009, 11:46

А я вот думаю что мы будем деградировать не уча английский язык, мне к примеру в диковинку читать MSDN на русском. Я считаю, что вы должны обязательно упомянуть один раз английский термин «а вот тут пригодятся шаблоны(templates)». Зачем? К сожалению вы никогда не сможете перевести все на свете, человек начинающий начнет читать ваши переводы, но наступит момент когда ему придется искать и найден он документацию или решение с объяснением на английском и тогда у него будет проблема, что такое layout и т.п. А так он уже сможет цепляться за знакомые слова и с горем по полом вникать в суть.

8) VolCh 7 января 2009, 17:30

Вот когда слышу о деградации, неграмотности, отсталости из-за незнания английского языка всегда думаю как бы тактичнее сказать знакомому журналисту-международнику в совершенстве знающему испанский, итальянский и португальский, что он дегенерат, невежда и просто пещерный человек :)

9) Busla 7 января 2009, 13:34

Упомянуть английский термин только один раз — в большинстве случаев бессмысленно: далеко не всегда учебные книги читают «от корки до корки» — тогда уже нужно отдельно в предисловии описать неочевидные переводы, и по ходу текста повторить это соглашение. Если термин употребляется в интерфейсе описываемой системы — оригинал стоит упоминать везде вместе с переводом.

10) VolCh 7 января 2009, 17:26

Спасибо за идею о глоссарии (вроде так это называется :)

11) jeje 7 января 2009, 19:01

Мы тем и отличаемся от других наций, как словяне, что знаем много языков, это развивает. Мы же работаем с языком, который придумали англичане, не мы, мы на ихней территории, мы должны хорошо ориентироваться на чужой территории.

12) neocharyu 7 января 2009, 13:51

Термины как и фамилии — переводить нет необходимости. НО тот же самый view — просмотр и уже с ними — вполне можно переводить с английским в скобочках

13) VolCh 7 января 2009, 17:25

Тогда в технических текстах не останется практически ничего кроме союзов и предлогов, browser, client, server, request, response — это ведь тоже термины :) Просто надо найти золотую середину

14) odessky 7 января 2009, 15:24

*Настоящий аййтишник должен уметь читать документацию на английском
Настоящий программист должен уметь читать код*

15) *VolCh* 7 января 2009, 17:37

С нормальной документацией вроде особых проблем никогда не имел, но в последнее время все чаще пишут документацию, особенно к Open-Source продуктам на «разговорном» языке с активным использованием идиом, сленга, юмора и т. п. в стиле форумных/блоггерских постов

7. Терминологические войны. Эпизод I **(URL: http://www.gui.ru/ivan/terminology_wars_1)**

Иван Дегтяренко. 26. 03. 2007. Комментариев: 7

В проектировании интерфейсов существует огромное количество терминов, обозначающих направления и подходы. Существующая практика использования этой терминологии во многом сводится к тому, что почти все они употребляются как синонимы. Российскому сообществу разработчиков это свойственно еще в большей степени, чем западному. Такие названия, как «юзабилити», «User Experience Design», «проектирование пользовательских интерфейсов», «проектирование, ориентированное на пользователя» и другие, используются как различные названия одной общей области знаний.

Эпизод I. Для чего мы обсуждаем терминологию и какой она должна быть?

Эпизод II. Какие направления наиболее популярны в нашей области и как мы их понимаем?

Деление направлений по категориям.

Эпизод III. User Experience Design и другие понятия, претендующие на то, чтобы ими называли всю область проектирования программных продуктов и электронных устройств

Эпизод IV. Как User Experience Design устроен изнутри? Структура знаний в области

Эпизод V. Подходы к проектированию

Эпизод VI. Конкретные методологии проектирования (готовится к выходу)

Никак Word Press не дает вставить пустую строку после таблицы. Это вызывает ситуацию, в которой споры о терминах выглядят похожими на споры между представителями разных религий. Одним людям больше нравится один термин, а другим симпатичен другой. Некоторые и вовсе отрицают существование всех понятий, помимо одного — их любимого. Объясняют они это тем, что введение новых терминов — это маркетинговые «происки» со стороны разных крупных игроков рынка. В самом деле, некоторые названия являются самыми настоящими торговыми марками, например, «Goal-Directed Design» Алана Купера. Тем не менее, это не говорит о том, что за этим понятием не стоит никакой сущности. Ведь многие компании используют методологии, близкие к куперовской.

Кто-то скажет, что слова обсуждают те, кому нечего делать. Тем не менее, как в российском, так и в западном профессиональных сообществах в спорах о терминологии сломано огромное множество копий. Чем же так важна для нас терминология? Во-первых, терминология — это первое, с чем сталкиваются новички в нашей области, как со стороны

«юзабилистов», так и со стороны заказчиков. Терминология — это один из источников информации о дисциплине. Сейчас состояние терминологической культуры в области таково, что оно в первую очередь вызывает у людей «не в теме» впечатление бардака. Во-вторых, слова — это инструмент мышления специалиста и коммуникации между специалистами. Хаос в словах вызывает хаос в мыслях. «Заиоренность» таких названий, как «Human-Computer Interaction», вызывает «заиоренность» в мышлении специалиста, от которого часто требуется более широкий взгляд на проблему, чем предполагает проектирование интерфейса в узком смысле этого слова.

Для того, чтобы примирить «воюющие племена», необходимо разделить значения терминов, выделив их существенные различия и сходства между собой. Такой подход на порядок более продуктивен, чем попытка заменить все термины одним или каждый раз подбирать слова исходя из интуитивно-эмоциональных представлений об их смысле. Наша цель: получить понятийный аппарат, который может быть использован как эффективное средство описания структуры нашей дисциплины. Для этого выбираемые термины должны быть в первую очередь: однозначными, строгими и адекватными современному состоянию знаний. По возможности, они должны быть узнаваемыми, короткими и простыми в написании, благозвучными, хорошо вписывающимися в грамматику и лексику языка. Я убежден, что проектирование интерфейсов — достаточно молодая область, в которой приоритет адекватности терминологии преобладает над историческим приоритетом и узнаваемостью терминов.

Поставив перед собой задачу создать основу для разработки такой терминологии, мы предприняли следующие шаги:

1. изучили статистику применяемости различных терминов, обозначающих направления и подходы в проектировании интерфейсов;
2. провели анализ литературы об этих направлениях и подходах;
3. провели исследование практики применения различных терминов;
4. предложили модель дисциплины, исходя из проведенного анализа.

В приведенной ниже таблице перечислены рассмотренные нами термины. Для каждого из них указана встречаемость по данным поиска в Google, а также время появления направления и термина.